Проф. А. В. Нечаевъ.

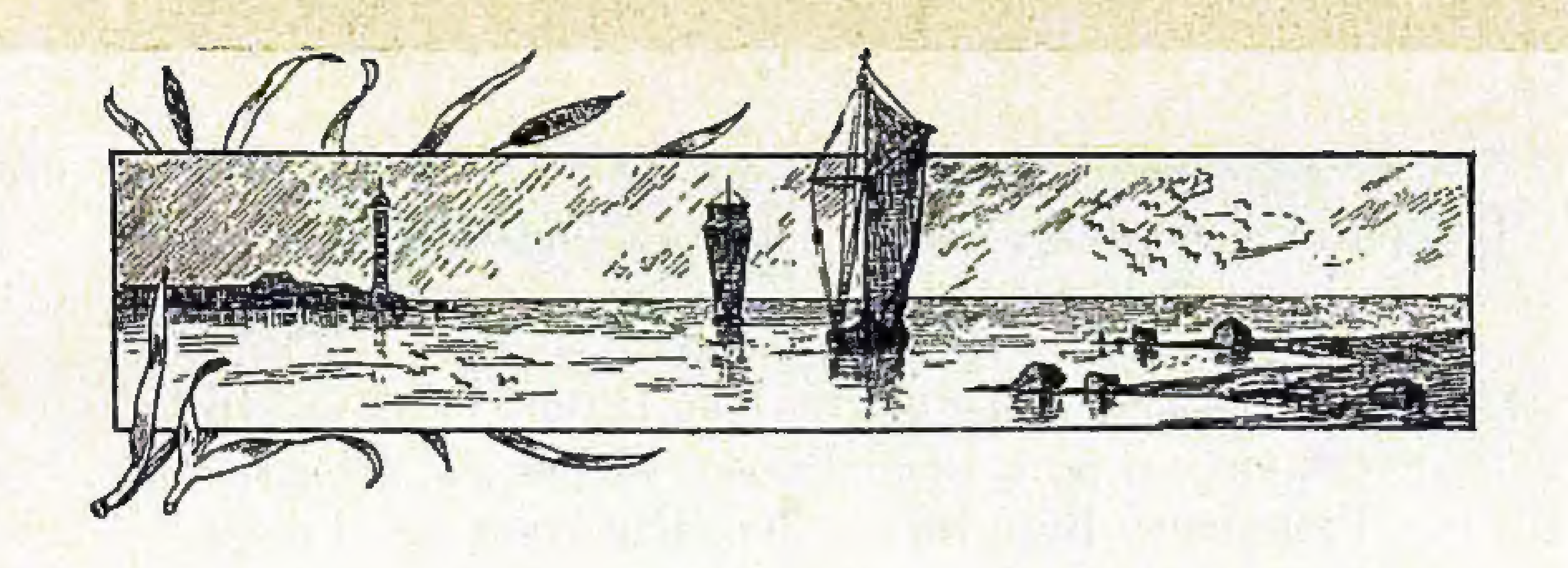
ПО ГОРНОЙ БУХАРѢ.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ.

Съ 2 таблицами и 35 рисунками въ текстѣ.

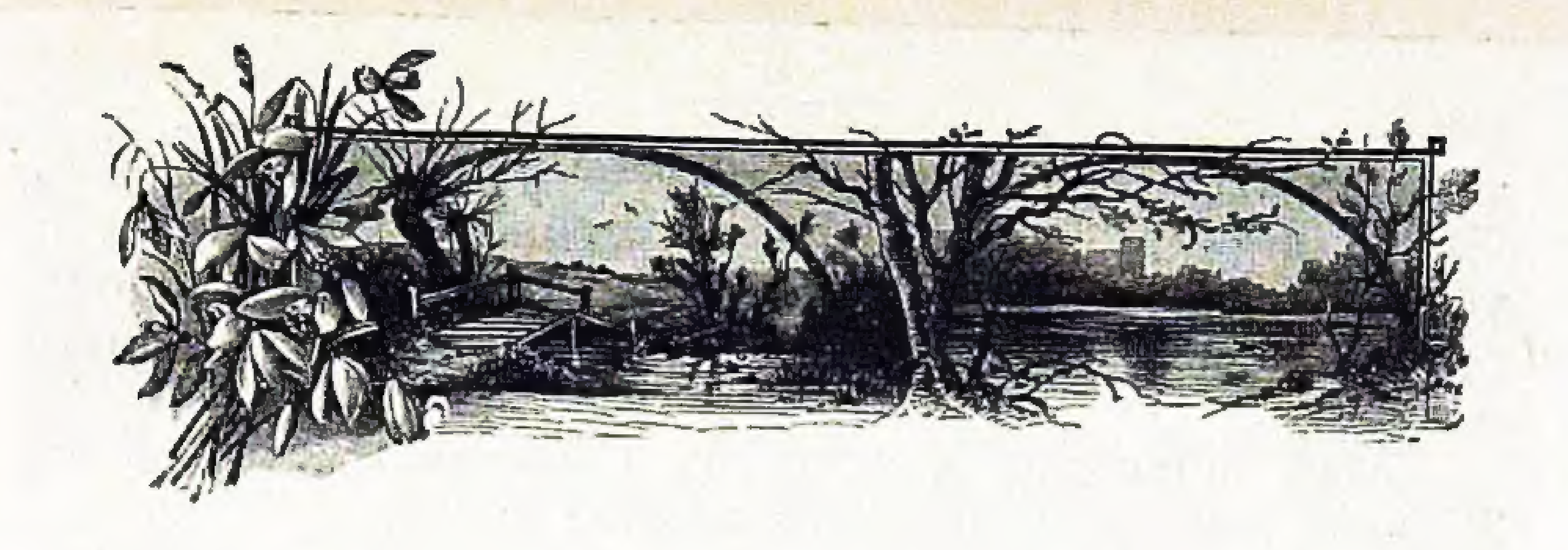

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 лин., 28.
1914.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Въ Самаркандѣ.

Путешествіе по Бухарѣ я совершилъ лѣтомъ 1908 года вмѣстѣ съ товарищемъ—К. И. Тимоѳеевымъ. Мы оба геологи. Геологическія изслѣдованія служили цѣлью нашей поѣздки. Восточная Бухара непосредственно прилегаетъ къ легендарному Памиру и сама представляетъ дикую, слабо заселенную, горную страну, полную своеобразной прелести.

Исходнымъ пунктомъ путешествія мы выбрали Самаркандъ. Отъ него Бухарская граница проходитъ всего верстахъ въ 15. Самаркандъ—одинъ изъ наиболѣе древнихъ городовъ всей Средней Азіи, для которой онъ служилъ главнымъ культурнымъ центромъ. Въ прошломъ—это резиденція сильнѣйшихъ среднеазіатскихъ владѣтелей. Особымъ блескомъ онъ былъ покрытъ въ царствованіе великаго Тимура. Въ настоящемъ — онъ полонъ памятниками минувшей славы, полонъ остатками мусульманскаго религіознаго подвижничества. Въ немъ и его ближайшихъ окрестностяхъ находится свыше 200 могилъ святыхъ, почитаемыхъ мусульманскимъ міромъ. Религіозное значеніе Самарканда поддерживается многочисленными медрессе (высшія мусульманскія школы), подготовляющими духовныхъ дѣятелей для всего Туркестана. Ежегодно значи-

тельное количество паломниковъ мусульманъ посѣщаетъ Самаркандъ для поклоненія его святынямъ. Туристовъ и ученыхъ-европейцевъ Самаркандъ привлекаетъ богатствомъ своихъ историческихъ и археологическихъ памятниковъ.

Мнѣ пришлось прожить въ Самаркандѣ съ 1-го по 20 іюля, какъ разъ въ самое жаркое время.

Европейская часть города имѣетъ приличный видъ. Улицы широкія, шоссированныя. По бокамъ обсажены деревьями, правда, въ большинствѣ довольно чахлыми. Съ обѣихъ сторонъ улицъ, вдоль тротуаровъ тянутся маленькія оросительныя канавы-арыки. Мутныя, грязныя воды ихъ имѣютъ быстрое теченіе. На улицахъ пыльно. Чтобы умѣрить пыль, улицы поливаютъ водой арыковъ. Надъ ихъ поливкой работаютъ исключительно туземцы. Скинувъ халатъ и рубашку, полунагіе, они, стоя въ арыкѣ, черпалкой разбрызгиваютъ воду на поверхность улицы.

Дома, въ силу частыхъ землетрясеній, низкіе, почти исключительно одноэтажные.

Изъ культурныхъ учрежденій новаго города (такъ называется Европейская часть Самарканда) меня болѣе всего интересовалъ мѣстный музей. Онъ находится при областномъ правленіи. Состояніе его—одна жалость. Занимаетъ онъ маленькую комнатку въ два окна. Средствами на текущіе расходы не располагаетъ никакими. Въ немъ есть очень цѣнные экземпляры, особенно по мѣстной археологіи. Изъ естественно-историческихъ коллекцій лучше другихъ коллекція по геологіи. Полезныя ископаемыя, напр., представлены хорошими штуфами каменнаго угля, серебро-свинцовыхъ рудъ, сѣры. Но состояніе всѣхъ этихъ коллекцій ужасное. Мѣста для ихъ размѣщенія совсѣмъ нѣтъ. Передъ вами груда запыленныхъ вещей, въ безпорядкѣ наваленныхъ. Этикетированіе почти отсутствуетъ.

Туземный, старый Самаркандъ типиченъ. Если откинуть украшающія его медрессе и мечети, то получится картина, въ точности повторяющаяся въ каждомъ, большомъ и маленькомъ, средне-азіатскомъ городкѣ. Городъ расположенъ по пологому склону небольшихъ возвышенностей. Узкія, извилистыя улицы идутъ безъ всякаго порядка. Часты тупики. На улицахъ полное отсутствіе растительности. О мостовыхъ нѣтъ и помину. Лёссовая почва образуетъ съ поверхности цѣлыя залежи тончайшей, жел-

товатой пыли, тучами подымающейся при малѣйшемъ движеніи. Передвигаться по такимъ улицамъ — чистое наказаніе. Пыль окутываетъ васъ съ головы до ногъ, застилаетъ глаза, набивается въ уши, носъ, хруститъ на зубахъ, раздражаетъ кожу. Улицы здѣсь не поливаются.

Дома низкіе, съ плоскими крышами. Ни одного окна, выходящаго на улицу. Улицы стиснуты межъ высокихъ заборовъ, въ одну линію съ ними иногда располагаются глухія стѣны домовъ. И дома и заборы—глинобитные, построены изъ лёссоваго тѣста (смѣсь лёсса съ водою), къ которому для большей прочности примѣшивается немного соломы. Въ результатѣ утомляющее глазъ однообразіе красокъ: сѣровато-желтая поверхность улицы, сѣровато-желтыя облака пыли, сѣровато-желтые заборы и дома того же сѣровато-желтаго цвѣта. Отъ улицы получается впечатлѣніе узкаго, съ вертикальными стѣнками, оврага, промытаго среди желтоватой лёссовой толщи.

Непремѣнная принадлежность почти каждой улицы— арыкъ. Вся уличная грязь, всѣ отбросы скученнаго жилого мѣста попадаютъ въ арыкъ и уносятся его быстрыми водами. Арыки въ среднеазіатскомъ городѣ — это открытые коллекторы для сплава городскихъ нечистотъ. Но въ то же время ихъ грязная вода предназначается и непосредственно для обывательскихъ желудковъ.

Достопримѣчательности Самарканда составляютъ медрессе и мечети—это замѣчательнѣйшіе памятники восточнаго зодчества изъ періодовъ наибольшаго развитія среднеазіатской государственности. На фонѣ обычныхъ, убогихъ городскихъ построекъ эти зданія производятъ потрясающее впечатлѣніе своей грандіозностью и богатствомъ творческой фантазіи. Строгая выдержанность оригинальнаго стиля, изящные и смѣлые контуры, разнообразіе и красота орнаментики придаютъ имъ рѣдкую привлекательность. Наружныя стѣны зданій облицованы цвѣтными изразцами, образующими своимъ сочетаніемъ яркіе, чудные рисунки сказочнаго, восточнаго колорита. Безжалостное время наложило свою тяжелую руку на эти произведенія человѣческаго генія: тамъ полуобрушился куполъ, тутъ обвалилась стѣна, здѣсь обсыпалась облицовка, но и въ теперешнемъ видѣ они величественны.

Прекрасныя медрессе высятся въ центральной части стараго города. Здѣсь на площади Ригистанъ, къ которой

примыкаютъ оживленнѣйшіе рынки Самарканда, расположились три медрессе: Ширъ-Доръ, Тилля-Кари и Мирза-Улугъ-Бекъ. Ширъ-Доръ построена въ 1616 г. эмиромъ Ялангтушемъ-Багадуромъ. Это большое четыреугольное зданіе съ внутреннимъ дворомъ. Главный фронтонъ представляетъ сплошную высокую стѣну, покрытую изразцовой мозаикой, съ грандіозной аркой по серединѣ. Съ боковъ стѣна ограничивается двумя цилиндрическими колончами, имѣющими замѣтный наклонъ въ стороны отъ фронтона. Колонны свыше 20 саженъ высотою. По бокамъ зданія два красивыхъ купола. Наклонныя колонны придаютъ всему сооруженію какую-то легкость, указывая какъ бы на его неустойчивость. И кажется весьма страннымъ, что столь неустойчивая постройка могла простоять три столѣтія въ городѣ, подверженномъ частымъ и сильнымъ землетрясеніямъ.

Внутри зданія дворъ. По серединѣ его колодезь. Во дворъ открываются двери и окна помѣщеній для преподавателей и учащихся. Помѣщенія эти расположены нѣсколькими этажами.

Внутри колоннъ винтовыя лѣстницы ведутъ на ихъ плоскія вершины. На лѣстницахъ полумракъ, даже почти совсѣмъ темно. Видъ на городъ, открывающійся съ вершины колонны, восхитителенъ. Глазъ долгое время не можетъ оторваться отъ этой чудной картины, залитой яркими солнечными лучами. Поверхность колонны ничѣмъ не огорожена. Жутко стоять на ней. Кажется—вотъ-вотъ сорвешься съ этой высоты. Величавыя колонны видали ужасные виды. Во времена хановъ онѣ служили мѣстомъ казни. На ихъ вершины втаскивали приговоренныхъ къ смерти и сбрасывали внизъ на глазахъ народной толпы.

У фасада Ширъ-Доръ на площади находится могила святого, огороженная рѣшеткой. По разсказамъ проводника, святой этотъ при жизни былъ подрядчикомъ, исполнялъ всѣ предписанія корана и угодилъ Богу тѣмъ, что выстроилъ на свои средства большую мечеть. Святой весьма чтимъ. Его могила приноситъ вѣрующимъ исцѣленіе. Однако, цѣлебная сила святого имѣетъ узко-спеціальный характеръ: имъ исцѣляются лишь болѣзни мочевого пузыря. Но зато по своей спеціальности святой помогаетъ какъ человѣку, такъ и животнымъ. Чтобы полу-

чить исцѣленіе, больной—человѣкъ, лошадь или ишакъ—долженъ трижды обойти вокругъ могилы.

Остальныя медрессе на Ригистанѣ—Тилля-Кари и Мирза Улугъ-Бекъ также великолѣпны. Но лучшими памятниками былого величія Самарканда являются мечети и медрессе, построенныя Тимуромъ. Особенно приковываетъ къ себѣ вниманіе величественная Шахъ-Зинда (въ переводѣ „живой царь"), расположенная на сѣверо-западной окраинѣ Самарканда, на откосахъ возвышенности Афросіаба. Здѣсь въ одно цѣлое соединено нѣсколько мечетей, мавзолеевъ и медрессе. Въ мечетяхъ и мавзолеяхъ находятся могилы родственниковъ и сподвижниковъ Тимура. Великолѣпна также полуразрушенная отъ времени и землетрясеній мечеть Биби-ханымъ, построенная Тимуромъ въ 1399 г. въ честь его любимѣйшей жены. Красивъ со своимъ громаднымъ куполомъ мавзолей надъ могилой самого Тимура, Гуръ-Эмиръ (въ переводѣ „могила повелителя").

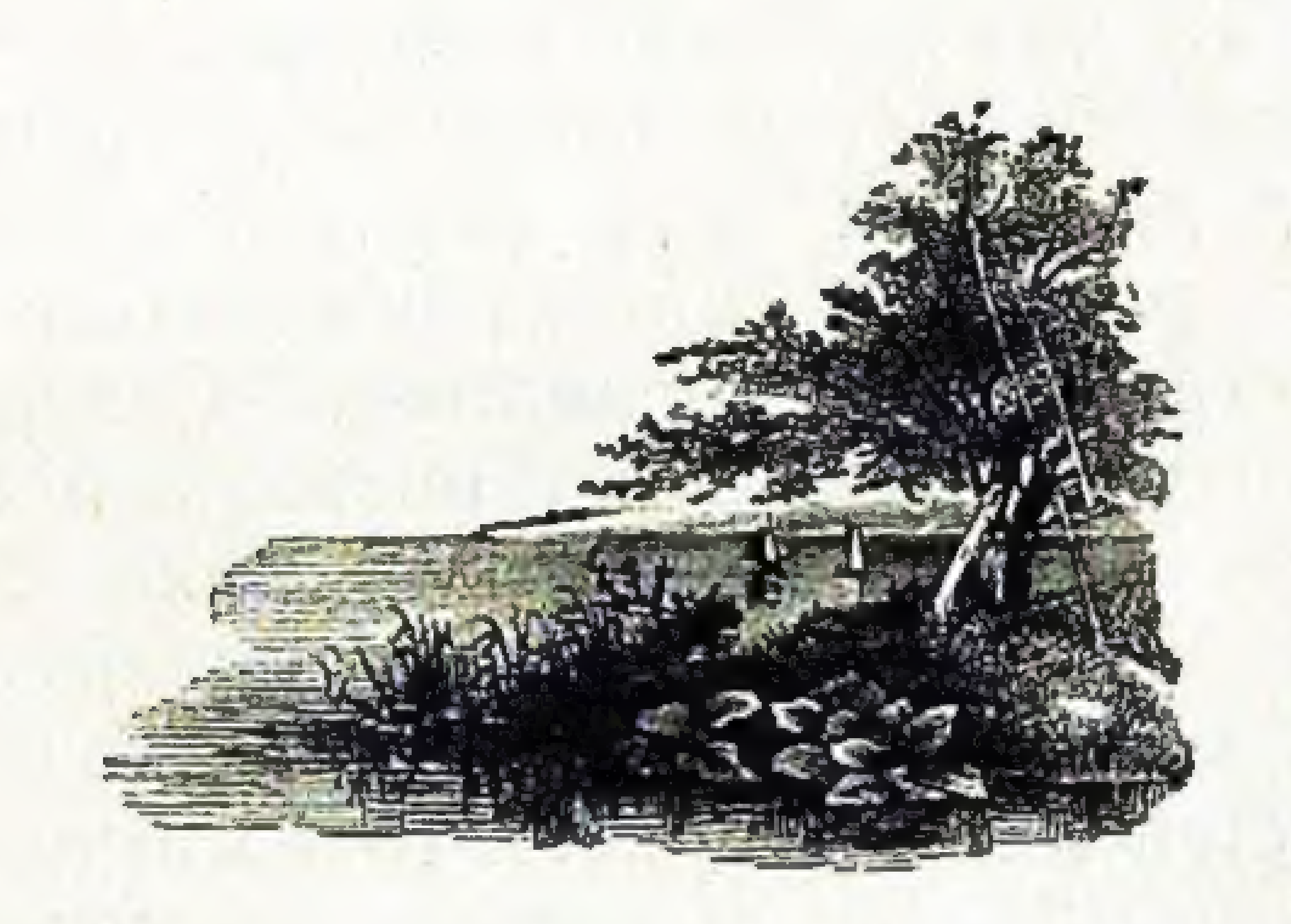
Мусульманскіе святыни и памятники Самарканда привлекаютъ много паломниковъ и туристовъ. А гдѣ паломники и туристы, тамъ обязательны чичероне. Есть они и въ Самаркандѣ, изъ туземцевъ, немного знающихъ порусски. Какъ и вездѣ, они страшно навязчивы, нахальны и въ сильной степени отравляютъ то наслажденіе, какое доставляетъ осмотръ величественныхъ сооруженій.

Въ Самаркандѣ мы должны были дать полное снаряженіе нашей экспедиціи. Дорога предстояла далекая по некультурной, слабо заселенной странѣ. Все необходимое нужно было захватить съ собой. Какой-нибудь пустякъ, позабытый въ суматохѣ, могъ послужить въ дорогѣ источникомъ серьезнѣйшихъ затрудненій. Въ то же время слѣдовало избѣжать всего лишняго, ибо въ противномъ случаѣ караванъ лишился бы подвижности.

Первой заботой было пріискать людей. Эта задача рѣшилась безъ особыхъ затрудненій. Нашли переводчика, а онъ подыскалъ двухъ джигитовъ. Всѣ трое туземцы-сарты. Затѣмъ закупили лошадей—5 головъ: двухъ для себя, одну для переводчика, не имѣвшаго собственной лошади, и двухъ подъ вьюки. Джигиты порядились на собственныхъ лошадяхъ. Далѣе справили сбрую, уздечки, сѣдла, мѣшки и кошмы для вьюковъ, куржумы и пр., и пр., и пр., кончая шиломъ и иглой съ нитками. Прикупили кое-что къ своему костюму для приспособленія его къ

мѣстнымъ условіямъ. Запаслись чаемъ, сахаромъ, рисомъ, ложками, кастрюлей... Хлопотъ было не мало.

Пріѣхалъ бухарскій чиновникъ, командированный состоять при насъ во время путешествія. Черезъ нѣсколько дней послѣ его пріѣзда весь караванъ съ товарищемъ отправился за Бухарскую границу въ кишлакъ (селеніе, деревня) Шутъ, а я остался въ Самаркандѣ съ однимъ джигитомъ для окончанія нѣкоторыхъ дѣлъ, надѣясь налегкѣ быстро догнать караванъ. Однако, дѣла задержали почти на недѣлю. Но вотъ все кончено и я въ дорогѣ.

II.

Наша свита.

Въ Шутѣ меня ожидали съ нетерпѣніемъ. Мой товарищъ, бухарскій чиновникъ, переводчикъ и джигиты—всѣ стремились въ путь, всѣмъ надоѣло вынужденное бездѣлье. Встрѣча была радостная.

Шутъ—маленькій, бѣдный, горный кишлакъ, расположенный близъ русско-бухарской границы. Онъ лежитъ у подножья Хазретъ-Султана, являющагося одной изъ наиболѣе высокихъ вершинъ Гиссарскаго хребта. Ослѣпительно—бѣлая снѣговая шапка этого красавца великана видна издалека. На немъ имѣется обширный ледникъ, названный въ честь неутомимаго изслѣдователя Средней Азіи Сѣверцева ледникомъ Сѣверцева. Мѣстоположеніе Шута живописно. Начинаясь на склонахъ Хазаретъ-Султана, бѣшено мчится рѣчка Акъ-Су, глубоко врѣзывающаяся въ горныя громады. При кишлакѣ въ нее впадаютъ два ручья; въ этомъ пунктѣ ущелье Акъ-Су образуетъ небольшое, циркообразное расширеніе. Здѣсь-то и пріютился кишлачекъ. Со всѣхъ сторонъ онъ окруженъ высокими, скалистыми, крутыми склонами. Дикая красота ущелья не поддается описанію. Вертикальныя, известковыя скалы, свыше 200 саж. высотою, стискиваютъ маленькую рѣчку, не даютъ ей простора и она, бѣдная, въ безсильной злобѣ

реветъ и клокочетъ, и мечется изъ стороны въ сторону, обмывая подножія угрюмыхъ утесовъ. Снѣжно бѣлая пѣна покрываетъ ея поверхность, отсюда и самое названіе Акъ-Су (въ переводѣ „бѣлая вода"). Прозрачная вода въ рѣчкѣ красиваго зеленоватаго оттѣнка. Прихотливое сочетаніе бѣлизны пѣны, то тутъ, то тамъ внезапно появляющейся и вновь исчезающей, съ сочной окраской холодной глубины приковываетъ глазъ своей прелестью. На днѣ ущелья мрачно. Солнечные лучи заглядываютъ сюда лишъ въ то время, когда солнышко стоитъ прямо надъ ущельемъ. Особенно тѣснымъ, дикимъ и мрачнымъ ущелье становится ниже кишлака.

Караванъ, ожидая меня, пробылъ въ Шутѣ трое сутокъ. Въ качествѣ помѣщенія для него была предоставлена мечеть, ибо всѣ сакли въ кишлакѣ маленькія, бѣдныя. Да и мечеть такая же сакля, только попросторнѣе. Расположена она въ сторонѣ отъ жилыхъ построекъ на берегу маленькой рѣчки Шутъ, тутъ же впадающей въ Акъ-су. Вся мечеть состоитъ изъ одной просторной, полутемной комнаты и примыкающаго къ ней широкаго, крытаго балкона. На балконѣ мы и расположились.

Мечети въ здѣшнихъ мѣстахъ всегда такого типа. Это обычная сакля, лишь бо́льшихъ размѣровъ, безъ минарета. При остановкахъ въ бѣдныхъ кишлакахъ намъ обыкновенно отводилась мечеть въ качествѣ лучшаго помѣщенія всей деревни. На то же указываютъ въ своихъ описаніяхъ и другіе путешественники. Насъ данное обстоятельство не мало удивляло. Расположить пришельцевъ, къ тому же невѣрныхъ—„гяуровъ"—въ храмѣ, какъ-то это совсѣмъ не вяжется съ ходячимъ представленіемъ о религіозномъ фанатизмѣ мусульманъ.

Въ Шутъ я пріѣхалъ 28-го іюля къ вечеру, а утромъ на слѣдующій день мы оставили это живописное мѣстечко. Вся деревня собралась провожать насъ. Расплатились за припасы. Порадовали многихъ маленькими подарками и пожеланіямъ добраго пути не было конца. Бѣлобородый аксакалъ (староста кишлака) убѣдительно просилъ черезъ переводчика дать ему удостовѣреніе, что „туря" (господинъ) остался доволенъ оказаннымъ ему пріемомъ.

Распростившись со всѣми, тронулись въ путь цѣлымъ караваномъ.

Свита у насъ вышла изрядная. Главныя лица свиты— переводчикъ и бухарскій чиновникъ.

Переводчикъ Ашуръ Авасбаевъ—крѣпкій, жилистый старикъ, лѣтъ подъ 60-тъ (фиг. 1). Онъ добродушенъ, большой балагуръ, юмористъ, но въ общемъ жохъ-парень. Долго служилъ въ Самаркандѣ полицейскимъ. Кавалеръ почетнаго халата. Почетнымъ халатомъ третьяго разряда награжденъ генералъ-губернаторомъ въ 1903 году, однако, не за полицейскія доблести, а за услуги, оказанныя туземному населенію во время холеры. Человѣкъ бывалый. Ѣздилъ по Туркестану и Бухарѣ въ качествѣ переводчика съ топографами. Совершилъ также большое путешествіе изъ Самарканда черезъ Бухару въ Кашгаръ вмѣстѣ съ американцемъ Помпелли. О полицейской службѣ разсказываетъ мало. Зато о путешествіяхъ говоритъ охотно. „Американъ" не сходитъ съ его языка. Надоѣлъ намъ своимъ американцемъ свыше мѣры. Одни и тѣ же наиболѣе яркіе эпизоды путешествія вспоминаетъ ежедневно. Съ особой подробностью и воодушевленіемъ Ашуръ описываетъ полученные отъ американца подарки.

Фиг. 1. Ашуръ Авасбаевъ.

У Ашура много достоинствъ. Во-первыхъ, онъ толковый переводчикъ, недурно владѣющій русскимъ языкомъ. Во-вторыхъ, онъ прекрасно примѣняется къ обстоятельствамъ, умѣетъ овладѣть вниманіемъ толпы и вселить довѣріе какъ къ себѣ, такъ и ко всей нашей экспедиціи. Съ туземнымъ населеніемъ у насъ не было ни одного недоразумѣнія, всюду мы встрѣчали самое дружелюбное отношеніе и полную готовность, по мѣрѣ возможности, идти навстрѣчу нашимъ запросамъ. Этимъ обстоятельствомъ въ значительной мѣрѣ мы обязаны были Ашуру. Въ одномъ мѣстѣ онъ сыплетъ прибаутками, въ другомъ строго-внушительно повѣствуетъ истины мусульманской

морали, наконецъ, въ третьемъ затянетъ характерную мелодію азіатской пѣсни. И всегда кстати.

Во время пребыванія нашего каравана въ Шутѣ вечерами противъ мечети собиралось все мужское населеніе деревни. Старшіе садились на землю, образуя кругъ. Въ серединѣ помѣщался Ашуръ, бралъ томбра (примитивный музыкальный инструментъ) и, перебирая его убогія струны, пѣлъ, скорѣе тягуче разсказывалъ, мусульманскія былины. Дѣйствіе этихъ не хитрыхъ пѣсенъ на слушателей было потрясающее. Аудиторія — все вниманіе. Старыя головы склоняются книзу. На сѣдыя бороды капаютъ слезы. Слезы слышатся и въ козлиномъ баритонѣ Ашура. Былина разсказываетъ о быломъ величіи мусульманства, о богатыряхъ, о побѣдоносныхъ битвахъ, о грозныхъ владыкахъ Бухары и Самарканда. Какъ все это непохоже на жалкую, убогую дѣйствительность! Ниже и ниже клонятся бѣлыя бороды, сильнѣе капаютъ слезы изъ воспаленныхъ, старыхъ глазъ...

А при другихъ условіяхъ начнетъ дурачиться съ ребятишками, поетъ комическія прибаутки. Выходитъ тоже къ мѣсту. Публика покатывается со смѣху.

Въ третьихъ, Ашуръ лихой наѣздникъ. Когда я или мой товарищъ попадали въ критическое положеніе, Ашуръ во̀-время поспѣвалъ на выручку. Вообще, онъ парень не робкаго десятка. Онъ сопровождалъ насъ всюду, не отставая ни на шагъ. Всѣ трудности пути дѣлилъ съ нами не за страхъ, а за совѣсть.

Есть у Ашура и недостатки, маленькіе и большіе. Чисто азіатское тщеславіе сильно давало себя знать. Похвастаться и при этомъ прихвастнуть малую толику Ашуръ любитъ. Разсказы о подаркахъ, которыми онъ былъ почтенъ въ теченіи своей жизни, набили намъ оскомину съ первыхъ же шаговъ нашего путешествія. Къ внѣшнимъ знакамъ вниманія Ашуръ сильно неравнодушенъ. Служба у „важнаго“ туря поднимаетъ его на высоту. Посему допустить у окружающихъ сомнѣніе относительно нашей чиновной солидности—это для него кровная обида. На обратномъ пути мы проѣзжали чрезъ Гузаръ и остановились здѣсь отдохнуть въ домѣ для гостей гузарскаго бека (бекъ — губернаторъ). А бекъ гузарскій — братъ самого эмира. Бекъ важный и вся челядь его важная. Я же, нужно правду сказать, въ дорогѣ совсѣмъ обносился: штаны съ

дырами, пиджачишка рваный. Видъ у меня былъ совсѣмъ непрезентабельный. Обыкновенно, пріѣзжая къ бекамъ, дорожный костюмъ я снималъ и замѣнялъ его другимъ. Но здѣсь этого не сдѣлалъ. Не хотѣлось возиться съ переодѣваніемъ, тянуло скорѣе въ путь, домой.

И подняли меня на смѣхъ бекскіе чиновники. Да что-жъ, говорятъ, это за туря, такъ—проходимецъ какой-то. Приходитъ Ашуръ темнѣе тучи. Приноситъ снятый съ вьюка чемоданъ. „Надѣвай мундиръ", говоритъ твердо, тономъ, не предполагающимъ возраженія.

Ну, думаю, должно быть, бекъ тащится. Дѣйствительно, беку въ такой рвани нельзя представиться. Повинуюсь приказанію Ашура, натягиваю новые брюки, надѣваю тужурку со свѣтлыми пуговицами и съ орденами. Выхожу на терраску встрѣчать важнаго хозяина. Смотрю, Ашуръ оживленно бесѣдуетъ съ бекскими чиновниками. Тонъ его какой-то особенный, побѣдный. Немного погодя, подходитъ ко мнѣ совсѣмъ въ другомъ настроеніи.

„Теперь снимай, больше не нужно. Рогожка надѣвай и то ничего. Показали себя". Оказалось, демонстрація нашего величія удалась блестяще. И Ашуръ невыразимо доволенъ.

Но есть у Ашура и болѣе крупные недостатки. Онъ покрываетъ плутни сопровождающаго насъ бухарскаго чиновника и, кажется, самъ участвуетъ въ этихъ плутняхъ.

Обязанности Ашура первостепенной важности. Во первыхъ, онъ переводчикъ. Это особа крупная, почти то же, что чиновникъ. Всѣ сношенія съ русскимъ туря происходятъ при его посредствѣ. И онъ можетъ наплести все, что ему угодно. А если русскій туря важный, то отсюда Богъ знаетъ что можетъ выйти. Посему Ашура старались расположить къ себѣ не только мелкія мѣстныя власти, вродѣ амлякдаровъ, но и сами „губернаторы"—беки.

Во-вторыхъ, на Ашурѣ лежало верховное наблюденіе за всѣмъ нашимъ караваномъ. Нужно смотрѣть, чтобы вьюки были привязаны крѣпко и правильно, чтобы лошади не натирали ранъ, чтобы уходъ за ними былъ правиленъ. Въ этой своей роли, въ роли караванъ-баши (начальника каравана), Ашуръ получалъ много огорченій. Джигиты не слушались. То лѣнились, то небрежничали. А ворчанія Ашура встрѣчали совсѣмъ неласково.

Кромѣ Ашура, у насъ на жалованьи два джигита: Гафаръ и Кадыръ. Гафаръ—здоровый дѣтина съ звѣрской физіономіей. Онъ немного изъясняется по-русски. Завистливъ, злорадный и большой сплетникъ. Успѣхи Ашура не даютъ ему покоя. Какъ только останется со мной или съ моимъ товарищемъ вдали отъ Ашура, сейчасъ же начинаетъ жужжать. „Гоняй Ашурка. Ашурка языкомъ болтать—аяй мастеръ, нехорошій человѣкъ, Бога не боится, лошадь мучитъ. Гоняй Ашурка, бери меня переводчикъ". Съ Кадыромъ Гафаръ большой пріятель, но и на него сплетничаетъ немилосердно.

Кадыръ попроще. На первый взглядъ онъ кажется даже совсѣмъ простоватымъ малымъ. Однако наружность эта обманчива. Парень съ хитрецой. По-русски не изъясняется. Знаетъ лишь нѣсколько отдѣльныхъ словъ. Съ товарищами балагуритъ много. Голъ, какъ соколъ. Очень любитъ юмористически разсказывать о своихъ несуществующихъ богатствахъ. Сильно ухаживаетъ за бачами, непрочь приволокнуться за встрѣчными цыганками, хотя и не всегда съ успѣхомъ. При столь симпатичныхъ качествахъ наши джигиты еще порядочные трусы и непроходимые лѣнтяи. Заставить ихъ что-нибудь сдѣлать — не легко.

Фиг. 2. Слѣва—Миркара, справа—амлякдаръ въ кишлакѣ Хтай.

Центральная фигура нашей свиты—это бухарскій чиновникъ Миркара мирза-баши (фиг. 2). Миркара—фамилія, мирза-баши—чинъ. Чинъ не важный, всего третій отъ нижняго конца. Чинъ первый, соотвѣтствующій нашему коллежскому регистратору, это чарагасы, чинъ второй—джевачи, а чинъ третій будетъ мирза-баши. Малъ чиномъ нашъ Миркара, но осанку имѣетъ внушительную, хоть парваначи (соотвѣтствуетъ нашему дѣйств. тайному совѣт-

нику), такъ впору. Хорошо сложенъ, роста выше средняго. Черты лица крупныя и довольно правильныя. Физіономія типично таджикская. Черенъ, какъ уголь. Осанистая борода, цвѣта воронового крыла, разъ въ двѣ недѣли подкрашивается какой-то туземной мазью. Нрава Миркара общительнаго, любитъ пошутить, злобы въ немъ нѣтъ и нѣтъ большой жадности къ взяткамъ. Престижъ власти поддерживаетъ больше энергичными выраженіями, а къ рукоприкладству прибѣгаетъ рѣдко. Нужно замѣтить, впрочемъ, что свою неспособность къ мордобитію считаетъ крупной слабостью. „Который чиновникъ по спинамъ нагайкой васъ хлещетъ, того вы уважаете, кланяетесь ему, подарки даете, а смирному никакого уваженія, слушать не хотите. Дуракъ—кто васъ по мордамъ не бьетъ". При крупныхъ разговорахъ Миркара часто пускаетъ сентенцію такого рода. Русскаго языка не знаетъ, а на своемъ не можетъ ни писать, ни читать. Мужчина образованный.

Миркара прикомандированъ къ намъ центральнымъ бухарскимъ правительствомъ, самимъ кушъ-беги. Кушъ-беги послѣ эмира первое лицо въ ханствѣ. На немъ лежитъ непосредственное управленіе страной. Путешествія по Бухарѣ очень оригинальны. Бухара—вѣдь это самостоятельное государство, находящееся въ силу „дружескаго договора" съ 1873 г. подъ протекторатомъ Россіи. На путешествіе по ней при посредствѣ россійскаго политическаго агента испрашивается разрѣшеніе отъ центральнаго бухарскаго правительства. Послѣднее обыкновенно прикомандировываетъ къ экспедиціи своего чиновника. Послѣ 1868 г., когда Бухара потеряла все свое могущество и превратилась въ вассала Россіи, разнообразныя экспедиціи русскихъ, и отчасти западно-европейцевъ и даже американцевъ, устраивались по ней часто. Вначалѣ, когда эмиръ бухарскій еще мечталъ о возстановленіи своей самостоятельности, центральное бухарское правительство относилось къ такимъ экспедиціямъ крайне подозрительно. И главнѣйшей задачей сопровождавшаго экспедицію чиновника было слѣдить за каждымъ ея шагомъ и обо всемъ извѣщать кушъ-беги. Особое вниманіе обращалось на то, чтобы, по возможности, не допустить непосредственныхъ сношеній членовъ экспедиціи съ мѣстнымъ населеніемъ.

За членами экспедиціи устанавливался постоянный, грубо навязчивый, крайне стѣснительный, шпіонскій над-

зоръ. Въ настоящее время обстоятельства рѣзко измѣнились. О возрожденіи Бухары мечтать уже не приходится. И у сопровождающихъ экспедиціи чиновниковъ осталась одна функція—забота о нуждахъ путешественниковъ. При посредствѣ мѣстнаго начальства они устраиваютъ ночлегъ, заботятся о пищѣ, добываютъ проводниковъ, когда требуется, и лошадей. Нужно отдать справедливость нашему Миркара: свои обязанности онъ выполнялъ артистически. Всюду, въ самыхъ глухихъ закоулкахъ для насъ былъ готовъ и столъ и ночлегъ. Все приготовлялось, какъ бы по щучьему велѣнію. Миркара служилъ для насъ той заколдованной, самобранной скатертью, съ которой путешествовали Некрасовскіе мужики, отыскивая на Руси счастливца.

О нашихъ нуждахъ Миркара мирза-баши заботился образцово, но себя при этомъ отнюдь не забывалъ. Зарядныхъ жителей кишлаковъ онъ не обижалъ. При остановкахъ въ бѣдныхъ кишлакахъ у насъ ни разу не выходило непріятностей. Обыватели вначалѣ дичились, но ихъ недовѣрчивое отношеніе скоро разсѣивалось. Насъ окружали, затѣвался разговоръ, сыпались разсказы, шутки. Намъ съ охотой доставляли все необходимое, часто собранное по мелочамъ со всей деревни. При отъѣздѣ Миркара добросовѣстно указывалъ, кому сколько заплатить. Отъѣзжали съ добрыми пожеланіями. Было ясно, нашъ наѣздъ, несмотря на присутствіе чиновника, не принесъ огорченія. Другое дѣло, когда мы попадали къ богатымъ амлякдарамъ или къ бекамъ. Здѣсь Миркара охулки на руку не клалъ. Начиналъ онъ съ того, что отыскивалъ какіе-либо дефекты въ пріемѣ гостей. То постель находилъ плохою, то требовалъ для лошадей хорошихъ попонъ, то увѣрялъ, что ячмень лошадямъ выданъ никуда негодный. Однимъ словомъ, всегда что-нибудь отыщетъ. А потомъ и пойдетъ и пойдетъ: „Къ вамъ пріѣхали гости эмира, вотъ бумага кушъ-беги. А вы такъ-то ихъ принимаете". Не только у амлякдаровъ, но и у бековъ иногда поджилки тряслись. Затѣмъ, послѣ грозы наступало успокоеніе. Миркара затихалъ. За нашими глазами что-то происходило. Начиналось шептаніе съ Ашуромъ. Умиротворенный Миркара появлялся совершенно въ другомъ, веселомъ настроеніи: свое получилъ. Но къ такого рода героическимъ средствамъ нашему чиновнику приходилось прибѣгать не часто. Повидимому, и безъ того знали, что требовалось для до-

стойнаго пріема „гостей эмира“ и старались умаслить Миркару, не дожидаясь его напоминанія.

По разсказамъ Миркара, изъ числа чиновниковъ кушъбеги выдѣлены 15 самыхъ умныхъ, служба которыхъ состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что они сопровождаютъ русскихъ „туря“ (господъ) въ ихъ разъѣздахъ по бухарскому ханству. При этомъ его, Миркару, и нѣкоторыхъ другихъ прикомандировываютъ къ болѣе важнымъ, вотъ къ такимъ, какъ мы. Изъ этихъ разсказовъ несомнѣнно слѣдовало, во-первыхъ, что нашъ Миркара мирзабаши умнѣйшій изъ умныхъ, и, во-вторыхъ, что и мы тоже не лыкомъ шиты.

У Миркара свой джигитъ—молодой, здоровый парень чисто монгольскаго типа. Порядочная флегма. Миркара и его джигитъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ. За все путешествіе у нихъ не было ни одной размолвки.

Вотъ какова наша свита. Въ пути она производитъ впечатлѣніе. Особенно выдѣляется чиновникъ. Въ широкомъ, шелковомъ халатѣ яркаго рисунка, съ снѣжно-бѣлой чалмой на головѣ, онъ очень импозантенъ на своемъ бѣломъ, хорошемъ конѣ. Всѣ встрѣчные ему салютуютъ, а кто попроще, подходятъ, берутъ его руку и, наклоняясь, прикладываютъ къ своему лбу. Джигиты путешествуютъ также въ халатахъ и чалмахъ. А вкусившій цивилизаціи Ашуръ считаетъ, и совершенно правильно, такой костюмъ для путешествія неподходящимъ. На немъ черный кафтанъ татарскаго кроя и глубокая черная шапка съ мѣховой опушкой.

III.

Дорога въ Кызылъ-Имчакъ. — Горе Кызылъ-Имчакскаго амлякдара.—Восточный достарханъ.

Изъ кишлака Шутъ нашъ путь лежалъ къ югу. Слѣдующую ночевку мы назначили верстахъ въ 20, въ кишлакѣ Кызылъ-Имчакъ. Вначалѣ дорога шла по узкому ущелью р. Акъ-Су. Восхитительная дорога. Передъ нами открывались виды одинъ другого эффектнѣе. Каждый изъ нихъ такъ и просится на картину. Къ сожалѣнію, изъ фотографическихъ снимковъ, снятыхъ мною здѣсь, ни одинъ не удался. При впаденіи въ Акъ-Су рѣчки Куль дорога оставляла живописное ущелье и поднималась на невысокій перевалъ, чтобы затѣмъ спуститься къ кишлаку Куль. Съ перевала открывался великолѣпный видъ на снѣговую шапку Хазретъ-и-Султана.

Въ Кулѣ немного отдохнули и поѣхали дальше. Интереснаго въ этотъ первый день путешествія по Бухарѣ было встрѣчено много. То и дѣло приходилось останавливаться, слѣзать съ лошадей, записывать наблюденія и, постукивая геологическими молотками, собирать матеріалъ. Посему наши вьюки шли впереди насъ, къ мѣсту назначенія они прибыли задолго до нашего прибытія. Мы же въ Кызылъ-Имчакъ пріѣхали поздно ночью, сильно измученными.

Кызылъ-Имчакъ довольно большой кишлакъ, расположенный по крутымъ склонамъ у подножія значительныхъ

возвышенностей. Обиліе садовъ придаетъ ему пріятный видъ. Въ немъ резиденція амлякдара (начальникъ волости, волостной старшина), у котораго мы и должны были остановиться на ночлегъ.

У амлякдара насъ ждалъ восточный достарханъ. Это маленькая скатертка, уставленная различными сластями. „Достарханъ" собственно значитъ платокъ. Въ переносномъ же смыслѣ этимъ словомъ называютъ и то, разложенное на платкѣ или скатерткѣ, угощеніе, которымъ радушный хозяинъ встрѣчаетъ своихъ гостей. Чѣмъ богаче хозяинъ и знатнѣе гость, тѣмъ обильнѣе и разнообразнѣе достарханъ. Сласти раскладывались на маленькія блюдечки, число которыхъ иногда доходило до 15, даже до 20. У Кызылъ-Имчакскаго амлякдара на достарханѣ были сласти мѣстныя, бухарскія: халва отвердѣвшая, медовое печеніе въ видѣ небольшихъ, бѣлыхъ катышковъ, кишмишъ, фисташки. Къ этому присоединялись и болѣе изысканныя русскія лакомства: конфекты, карамель въ засаленныхъ бумажкахъ самарской фабрики и московскія галеты. Къ достархану поданъ чай, а затѣмъ и ужинъ. Ничего себѣ, усталымъ, да голоднымъ и совсѣмъ хорошо.

Амлякдаръ въ горѣ, у него большое несчастье. Въ день нашего пріѣзда онъ отстраненъ бекомъ отъ должности. „Богъ съ ней, съ должностью, жаловался амлякдаръ, должность не такъ жалко, а убытокъ большой, совсѣмъ разоренъ." Дѣло въ томъ, что амлякдарство онъ получилъ недавно. Получка же этой должности связана съ немалыми расходами на подарки беку и его приближеннымъ. И вотъ этихъ-то расходовъ онъ не успѣлъ вернуть.

Кара его постигла по обычному въ здѣшнихъ мѣстахъ обстоятельству. Казылъ-Имчакское амлякдарство посѣтилъ русскій капитанъ, командированный генеральнымъ штабомъ для собиранія статистическихъ свѣдѣній и производства маршрутныхъ съемокъ. Строгій и требовательный капитанъ остался недоволенъ оказаннымъ ему пріемомъ и о своемъ недовольствѣ написалъ Шаршаузскому беку. Послѣдній моментально распорядился уволить амлякдара. Отъ капитана досталось не одному амлякдару, онъ задалъ страху всему населенію. Куда бы ни пріѣзжалъ, вездѣ оставался недоволенъ, разносилъ властей, запугивалъ обывателей. Жители при его въѣздѣ въ кишлакъ разбѣгались изъ своихъ саклей. Затащить кого-либо изъ нихъ къ капитану

для дачи нужныхъ ему свѣдѣній или для службы въ проводникахъ—доставляло мѣстному начальству громадныя хлопоты. Даже приготовить капитану обѣдъ далеко не всегда удавалось: негдѣ взять провіанта.

Сильно обиженъ былъ Кызылъ-Имчакскій амлякдаръ. Ашуръ и чиновникъ очень сочувствовали его горю. Охали, вздыхали, много разъ передавали намъ всѣ подробности капитанскаго наѣзда и о чемъ-то усиленно шептались съ амлякдаромъ. Наконецъ, повидимому, придумали способъ помочь бѣдѣ. Выдумка оказалась геніальной и, какъ все геніальное, чрезвычайно простой. То—„капитанъ", а нашъ туря поважнѣе. Должно быть,—генералъ. Капитанъ недоволенъ амлякдаромъ и бекъ лишилъ его амлякдарства, а если генералъ останется доволенъ? Не ясно ли, что тогда бекъ долженъ возвратить ему свою милость.

Приступили къ дѣйствіямъ, стали меня обхаживать. Вначалѣ намеками, а потомъ и прямо пристали: необходимо заступиться. „Напиши письмо беку, что амлякдаръ хорошо встрѣчалъ, и тебя хорошо встрѣчалъ и капитана хорошо встрѣчалъ".

Пришлось поломать голову. Дѣло сложное, запутанное. Начать съ того, что вмѣшательство во внутреннія дѣла другого государства противорѣчитъ добрымъ международнымъ нравамъ. Какъ бы не вызвать дипломатическихъ осложненій. А затѣмъ, представьте, что мое заступничество возымѣетъ силу и амлякдаръ будетъ возстановленъ въ своихъ правахъ. Не поколеблется ли отъ этого престижъ капитана, а вмѣстѣ съ нимъ и престижъ русскаго оружія?

Подумавъ, я, какъ мнѣ показалось, нашелъ вполнѣ приличный выходъ изъ столь труднаго положенія. Я написалъ письмо не беку, а капитану, прося послѣдняго положить гнѣвъ на милость. Но мой планъ былъ жестоко и вполнѣ основательно раскритикованъ. „Ничего не выйдетъ. Нужно беку написать".

Сдался, засѣлъ и написалъ беку. Очень дипломатично. Указывалъ, что, проѣзжая по его владѣніямъ, вездѣ встрѣчалъ самый радушный пріемъ. А особенно хорошъ пріемъ былъ у Кызылъ-Имчакскаго амлякдара. Просилъ принять отъ меня благодарность за содѣйствіе моему путешествію. При помощи Ашура ознакомилъ съ письмомъ чиновника и амлякдара. Письмо понравилось.

На другой день амлякдаръ, проводивши насъ, тотчасъ

же отправился къ беку. А мы съ товарищемъ быстро позабыли и дипломатическое письмо и участь амлякдара. Намъ и въ голову не приходило, что это письмо можетъ сыграть важную роль въ нашемъ путешествіи.

23 іюля мы разстались съ потерпѣвшимъ амлякдаромъ, а 26 іюля, во время ночевки въ кишлакѣ Ташъ-Курганъ насъ догнало письмо Шаршаузскаго бека. Бекъ справляется о нашемъ здоровьи и высказываетъ много заботъ объ удобствахъ нашего путешествія. Опальнаго амлякдара онъ возстановилъ въ должности. Дѣйствіе этого извѣстія на окружающихъ насъ туземцевъ и на всю нашу свиту было ошеломляющее. Нашъ престижъ мгновенно поднялся на недосягаемую высоту. Добрую половину ночи не прекращалось оживленное обсужденіе инцидента. Ай, важный туря, добрый туря!

Въ дальнѣйшемъ, куда бы мы ни пріѣзжали, наша свита прежде всего знакомила окружающихъ съ исторіей Кызылъ-Имчакскаго амлякдара, передавая ее, само собою понятно, съ большими прикрасами. А потомъ эта исторія уже шла впереди насъ. Встрѣчавшіе насъ были освѣдомлены и о нашей добротѣ, и о нашемъ могуществѣ задолго до нашего появленія у нихъ. И сообразно съ этими своими свѣдѣніями устраивали намъ встрѣчу. Болѣе всего отъ этого выигралъ Миркара мирза-баши. Да и Ашуръ, кажется, съумѣлъ использовать сіе обстоятельство. Вообще наше скромное путешествіе превратилось почти что въ тріумфальное шествіе.

Изъ Кызылъ-Имчака нашъ путь лежалъ черезъ Тамшушъ и Аммаганъ въ кишлакъ Хтай, гдѣ была предположена слѣдующая ночевка. Выѣхали очень поздно, въ 10 час. утра, и непрерывно цѣлый день до 8 час. вечера находились въ пути. Въ этотъ день намъ посчастливилось еще болѣе, чѣмъ въ предыдущій. Предметъ чаяній всякаго геолога—хорошія окаменѣлости попались въ нѣсколькихъ пунктахъ. Ихъ коллектированіе заняло изрядно времени. Въ Хтай пріѣхали измученные, голодные, томимые жаждой.

Въ Хтаѣ по нашему пріему все было въ порядкѣ: разставленъ достарханъ, приготовленъ чай и ужинъ. На достарханѣ, кромѣ конфектъ и печеній, были предложены фрукты: сладкія яблоки, прекрасный виноградъ и чудная дыня. Фрукты оказались очень кстати, набросились мы на

нихъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ. Затѣмъ слѣдовалъ чай и ужинъ.

Угощеніе здѣсь всегда предлагается въ указанномъ порядкѣ. Подавать сласти и чай до обѣда—съ точки зрѣнія европейскихъ привычекъ абсурдъ. Путешественники обыкновенно отмѣчаютъ странность такого обычая. Но мнѣ онъ кажется совершенно соотвѣтствующимъ среднеазіатскимъ условіямъ. Сласти, конфекты и неуклюжее печеніе оставимъ въ сторонѣ. А чай передъ обѣдомъ здѣсь дѣйствительно необходимъ. Зной лѣтняго солнца и сухость воздуха вызываютъ сильную жажду, для ея утоленія приходится въ сутки поглощать неимовѣрное количество влаги. Чувство жажды обыкновенно доминируетъ надъ чувствомъ голода. А пока не утолена жажда—трудно проглотить кусокъ.

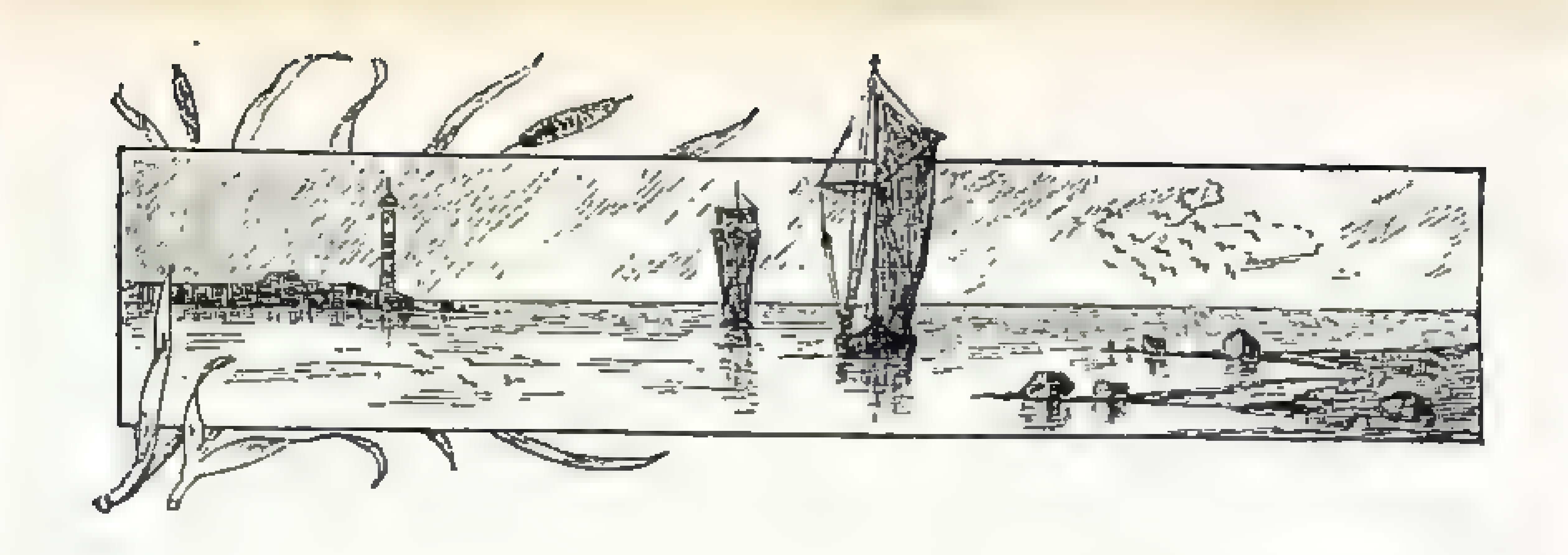

Фиг. 3. Кишлакъ Хтай.

Хтай небольшой кишлакъ, расположенный по склону возвышенности. Убогія сакли тѣсно лѣпятся одна къ другой и одна надъ другой, образуя нѣсколько уступовъ (фиг. 3). Кажется, по ихъ плоскимъ крышамъ можно обойти весь кишлакъ, не спускаясь на землю. Улицы шириною около сажени. На окраинахъ пріятно зеленѣютъ сады. Въ Хтаѣ также резиденція амлякдара. Амлякдаръ молодой, недавно назначенный, типичный узбекъ (фиг. 2).

На слѣдующій день мы не выѣхали изъ Хтая, устроили дневку: необходимо было упаковать собранный матеріалъ. Почти цѣлый день прошелъ за этой работой.

IV.

Перевалъ Чахмаглыкъ.—Наши кони.—Перевалъ Кызылъ-Газа. — Башъ-Чарбагъ. — Перевалъ Катманъ-Чапты.

Рано утромъ 25 іюля двинулись дальше, къ Ташъ-Кургану. Дорога шла черезъ кишлакъ Куль и значительный перевалъ Чахмаглыкъ. Склоны перевала крутые, подъемъ тяжелый. Тропинка идетъ зигзагами. Лошади то и дѣло останавливаются для передышки. Съ перевала живописный видъ. Вблизи наверху снѣжныя поля. Внизу вьются рѣчки съ кишлаками въ ихъ долинахъ. А прямо въ уровень съ наблюдателемъ скалистые уступы, недоступныя ущелья. Особенно чудная панорама открывается съ восточной стороны перевала. Куда ни взгляните, вездѣ передъ вами вертикальные обрывы въ сотни метровъ вышиною, обнаруживающіе внутреннее строеніе тѣхъ минеральныхъ массъ, изъ которыхъ сложены громады перевала. Вотъ, къ югу отъ дороги по стѣнкамъ глубокаго ущелья р. Яккобагъ-Дарьи обнаружена слоистая толща яркоцвѣтныхъ породъ, изогнутыхъ въ эффектныя складки. Къ востоку выступаютъ угрюмыя массы сѣрыхъ известняковъ. Ихъ слои стоятъ вертикально, а сверху они покрыты горизонтально наслоенной толщей болѣе новаго происхожденія. Къ сѣверу глазъ различаетъ сдвиги: въ слояхъ переломъ и по этому перелому одна часть горы опущена книзу.

Природныя вѣковыя силы раскрываютъ здѣсь передъ изумленнымъ взоромъ наблюдателя все свое могущество. Глазъ не можетъ оторваться отъ этихъ скалъ, ущелій и обрывовъ, отъ всего этого величественнаго въ своей дикости ландшафта.

Восточный склонъ перевала еще круче западнаго. Спускъ къ кишлаку Ташъ-Курганъ труденъ: узкая, крутая, каменистая тропинка лишь мѣстами немного расширяется. Вообще о дорогахъ въ пройденной части Бухары нужно сказать, что онѣ не особенно плохи. По мѣстному масштабу это хорошія дороги. Онѣ представляютъ горныя тропинки, по которымъ безъ затрудненія идетъ верховая лошадь, а также и вьючная. На нѣкоторыхъ тяжелыхъ подъемахъ и спускахъ приходилось, правда, лошадей развьючивать и переносить тяжести на рукахъ, но такихъ пунктовъ было немного. Если на подобныхъ тропинкахъ участки, пролегающіе на краю пропасти, или крутые, каменистые, скользкіе подъемы и спуски надъ бездоннымъ ущельемъ попадаются съ значительными интервалами и, проѣзжая по тропинкѣ, вы не каждую минуту рискуете сломать себѣ шею, то по здѣшнему—это дорога хорошая, „кубъ-якши".

Приспособиться можно ко всему. Нетрудно привыкнуть и къ здѣшнимъ „хорошимъ" дорогамъ. На насъ, далеко не лихихъ наѣздниковъ, трудности дороги уже на второй день пути не производили никакого особаго впечатлѣнія. Лишь въ наиболѣе критическихъ мѣстахъ, при крутыхъ спускахъ надъ пропастью, на секунду тоскливо замретъ сердце. И то сказать, вѣдь отвѣтственная роль въ преодолѣніи трудностей горной дороги всецѣло падаетъ на коня. Отъ всадника требуется лишь соблюдать въ сѣдлѣ равновѣсіе. Лошадь же, чувствуя опасность, удваиваетъ осторожность и благополучно провозитъ по такимъ тропинкамъ, по которымъ пѣшему пройти рискованно. Подъемы, даже весьма крутые и опасные внушаютъ меньше опасеній. На нихъ лошадь взбирается съ трудомъ, но увѣренно. Не то спуски. Здѣсь гораздо бо̀льшая возможность поскользнуться, оборваться. Уже одинъ видъ пропасти, которая при спускахъ всегда передъ глазами, лишаетъ увѣренности въ движеніяхъ.

Конь коню разница. Въ такихъ горныхъ странахъ, какъ восточная Бухара, самое главное для успѣха путеше-

ствія—это выборъ хорошихъ коней. Привычная горная лошадь легко провезетъ сѣдока по такимъ убійственнымъ тропинкамъ, по которымъ равнинная и одна не проберется. Особенно рѣзко разница между равниннымъ и горнымъ конемъ обнаруживается на крутыхъ спускахъ. Горный конь идетъ обычной, увѣренной поступью, а поступь равниннаго коня въ этихъ условіяхъ сильно замедляется. Въ ней нѣтъ увѣренности. При каждомъ шагѣ, прежде чѣмъ ступить, онъ нащупываетъ почву. Намъ на коней мало посчастливилось. На Самаркандскомъ базарѣ преобладаютъ равнинные кони, не привычные къ горнымъ дорожкамъ. Изъ пяти купленныхъ нами коней, хорошими верховыми оказались только два, да и тѣми мы съ товарищемъ не пользовались. Одинъ изъ нихъ, молодой, статный жеребчикъ (подъ верхъ здѣсь употребляются исключительно жеребцы) съ прекраснымъ, мягкимъ ходомъ былъ пріобрѣтенъ за 72 рубля. Я взялъ его для себя. Но, увы, уже во время пробной поѣздки принужденъ былъ отказаться отъ него. Пугливъ до крайности. Встрѣчная арба, всякій кустъ, камень на дорогѣ приводили его въ панику. Вставалъ на дыбы, дѣлалъ неожиданные прыжки въ сторону. Я не могъ съ нимъ справиться и отдалъ подъ Ашура. Вначалѣ Ашуръ былъ весьма доволенъ. Гарцовалъ на показъ. Но такъ продолжалось лишь пока дорога шла равниной. А на первомъ же крутомъ подъемѣ жеребчикъ, испугавшись гранитныхъ глыбъ, чуть не разбился вмѣстѣ съ Ашуромъ. Пришлось опредѣлить его подъ вьюкъ.

Второй, хорошій горный конь изъ нашего каравана вначалѣ не внушалъ намъ довѣрія. Это жеребецъ бѣлой масти, почтенныхъ лѣтъ. Онъ достался намъ совсѣмъ дешево, всего за 55 рублей. На Самаркандскомъ базарѣ мы покупали лошадей вмѣстѣ съ Ашуромъ, джигитами и нашимъ любезнымъ хозяиномъ Н. Е. Ежовымъ. Ашуръ былъ страшно противъ покупки этого коня. „Ногамъ слабъ, объяснялъ онъ. Въ горы пріѣдемъ, его совсѣмъ бросать нужно“. Однако, знатокъ лошадей—г. Ежовъ настоялъ на его покупкѣ. Дѣйствительно, конь оказался прекрасный. Выносливъ, съ чуднымъ ходомъ, въ сѣдлѣ сидишь—что въ люлькѣ, шагъ широкій, всегда стремится итти впереди каравана. Крутѣйшіе спуски и подъемы онъ бралъ увѣренно, шутя. „Какъ козламъ прыгаетъ“, хвалился потомъ Ашуръ. Вначалѣ онъ опредѣленъ былъ подъ

вьюкъ, а затѣмъ достался Ашуру. Лишь въ концѣ путешествія на него сѣлъ товарищъ.

Антипатія Ашура къ этому коню при покупкѣ объяснилась очень просто. Здѣсь существуетъ обычай, что посредникъ при продажѣ-покупкѣ получаетъ отъ торговца нѣкоторую мзду. Туземцы подчиняются сему обычаю и Ашуръ за купленныхъ нами лошадей сорвалъ малую толику съ ихъ бывшихъ хозяевъ. Бѣлаго же коня продавалъ русскій и Ашуру отъ него нельзя ничего было ждать и дѣйствительно ничего не досталось.

Конь, ходившій подо мной, былъ ниже посредственности. Тряская ходà, шагъ малый, постоянно отстаетъ отъ каравана. На подъемахъ скоро устаетъ. А на спускахъ— одно горе. Помню, какъ сейчасъ, одинъ изъ трудныхъ спусковъ по дорогѣ изъ Кызылъ-Имчака въ Аммаганъ. Спускъ убійственно крутъ. Тропинка узкая, шириною не болѣе, какъ въ двѣ ладони, пролегаетъ непосредственно надъ пропастью. Затѣмъ, надъ пропастью же круто, подъ прямымъ угломъ, мѣняетъ направленіе. Взять въ сторону и удалиться отъ пропасти невозможно: крутой, скользкій косогоръ. Конь мой идетъ, какъ слѣпой, нащупывая каждый шагъ. Часто останавливается. А когда подходитъ къ повороту, при которомъ пропасть оказывается и сбоку и спереди, то совсѣмъ теряетъ самообладаніе и лѣзетъ въ сторону отъ пропасти, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ тропинки, на косогоръ. Ноги скользятъ, того и гляди потеряетъ равновѣсіе, наконецъ, находитъ для нихъ хорошую опору и останавливается какъ вкопанный. Чтò тутъ дѣлать? Огрѣть нагайкой и повернуть на тропинку, на край пропасти, не рѣшаюсь. Спрыгиваю съ сѣдла на скользкій косогоръ, падаю, качусь внизъ, но удерживаюсь за ногу оторопѣвшаго коня, поднимаюсь и иду по тропинкѣ, предоставляя заботу о конѣ подоспѣвшему Ашуру...

Но подъ моимъ товарищемъ конь былъ не конь, а казнь египетская. Съ виду онъ выглядѣлъ молодцомъ: статный, жилистый, крѣпкій, красивый. При покупкѣ имъ всѣ восхищались, Ашуръ, джигиты, хозяинъ. Г. Ежовъ усиленно рекомендовалъ мнѣ сѣсть именно на него. Но я, по великодушію, уступилъ его товарищу. Оказалось: шагу нѣтъ, ходà ни на что не похожая, трясетъ, точно сейсмографъ въ Мессинское землетрясеніе. Сидѣть на немъ нестерпимая мука. Въ первые же дни онъ совер-

шенно разбилъ моего товарища. Къ концу путешествія мы этого коня отдали подъ Ашура. И Ашуръ, какъ ни лупилъ его нагайкой, но ходы исправить не могъ, а самъ черезъ нѣсколько дней оказался разбитымъ.

Послѣдній, пятый конь намъ попался замѣчательный. Онъ при покупкѣ предназначался подъ вьюкъ. И какъ вьючный конь вышелъ образцовый. „Аллахъ сотворилъ эту лошадь и сказалъ, будь ты вьюкомъ", говорилъ про него Ашуръ.

Въ Ташъ-Курганъ пріѣхали еще задолго до солнечнаго заката. Послѣ труднаго спуска пріятно было отдохнуть, попить чайку, поужинать. Ташъ-Курганъ порядочный кишлачекъ, расположенный на равнинѣ у края глубокаго ущелья рѣчки Яккобагъ-Дарьи. Здѣсь тоже амлякдаръ. Съ нимъ у нашего чиновника вышло крупное недоразумѣніе.

Раннимъ утромъ двинулись дальше. Путь нашъ лежалъ прямо къ югу черезъ перевалъ Кызылъ-газа въ урочище Хатчи. По мостику переѣхали быструю, мутную рѣчку Яккобагъ-Дарью и здѣсь разстались съ провожавшею насъ свитою амлякдара. Дорога шла въ гору по склону ущелья. Подъемъ крутой и довольно трудный. Но дальше весь день была прекрасная, мягкая дорога безъ головоломныхъ спусковъ. Кызылъ-газа значитъ красный перевалъ. Онъ дѣйствительно красный. Сложенъ изъ слоистыхъ породъ, окрашенныхъ въ красный цвѣтъ. Да и вся наша дорога, почти отъ самаго Ташъ-Кургана, пролегала по этой полосатой, красноцвѣтной толщѣ. Обнаженные склоны холмовъ, крупные обрывы ущелій несутъ на себѣ здѣсь именно этотъ красный цвѣтъ, эффектно отливающій при яркихъ лучахъ лѣтняго солнца. Склоны покрыты арчей. Арча — это лохматое, корявое, низкорослое, приземистое деревцо изъ хвойныхъ. Заросли арчи мало похожи на лѣсъ: отдѣльныя деревца стоятъ далеко другъ отъ друга. Лѣсная тѣнь отсутствуетъ.

Съ перевала Кызылъ-Газа чудный видъ. На сѣверѣ, вдали, красуется за синеватой дымкой снѣговая шапка Хазаретъ-и-Султана. На востокѣ, совсѣмъ близко, въ живописномъ безпорядкѣ нагромождены скалистые, горные массивы во главѣ съ горой Ходжа-акча-бурунъ. Ея снѣговая вершина эффектно вѣнчаетъ скалистые склоны. На западѣ уходитъ вдаль невысокій, красивый хребетикъ Акъ-кія. На перевалѣ расположилась кочевка узбека. Въ

окрестности, на вершинахъ и по склонамъ холмовъ виднѣются такія же кочевки. Лѣтомъ здѣшніе горные кишлаки обыкновенно пустѣютъ. Жители оставляютъ свои сакли, берутъ скотъ, уходятъ въ горы на вольныя пастбища и живутъ въ юртахъ. Въ кишлакахъ остаются лишь нѣсколько стариковъ-караульщиковъ. Большинство попадавшихся намъ по дорогѣ кишлаковъ были пусты.

Кочевка въ Кызылъ-ға́за состояла изъ избушки и трехъ маленькихъ юртъ. Избушка жалкая, сложенная изъ плитъ краснаго песчаника, ничѣмъ не скрѣпленныхъ. Ея стѣны

Фиг. 4. Кочевка на вершинѣ перевала Кызылъ-газа.

еле выдерживаютъ на себѣ тяжесть плоской крыши. Юрты совсѣмъ убогія. Неуклюжій остовъ, составленный изъ тонкихъ палокъ, внизу обложенъ циновками, а сверху прикрытъ старыми, дырявыми кошмами, да и то не вполнѣ. Внизу юрта опоясана веревкой (фиг. 4).

Здѣсь мы устроили привалъ. Скипятили воды и попили чайку. Узбекъ угощалъ насъ кислымъ молокомъ, поданнымъ въ грязнѣйшей чашкѣ. Ашуръ и сопровождавшій насъ джигитъ брали кусокъ лепешки, макали ее вмѣстѣ съ грязной пятерней въ молоко, а затѣмъ въ ротъ, лепешку жевали, пальцы облизывали. „Кубъ якши!“

Ночевали въ дачномъ помѣщенiи. Въ урочищѣ Хатчи аксакалъ близъ лежащаго кишлака поставилъ для нашего ночлега двѣ юрты. Ночь провели превосходно. Мы возили съ собой обычныя солдатскiя палатки, имѣя въ виду ночлеги внѣ жилья. Но пользоваться ими не пришлось ни разу. Заботливый Миркара на ночлегахъ вдали отъ кишлаковъ всегда приготовлялъ удобныя юрты.

Слѣдующiй день съ утра до вечера ѣхали безъ остановокъ хорошей дорогой, лишь по временамъ сворачивая въ открывающiяся ущелья. Ночь опять провели въ юртахъ близъ кишлака Башъ-Чарбагъ на р. Уру-Дарья. Въ нашей юртѣ разостланы ковры, навалены подушки. Но нужно замѣтить, что они достались нашему чиновнику съ бою. Съ ночевки въ Хатчи Миркара послалъ амлякдару въ Башъ-Чарбагъ приказъ приготовить ночлегъ въ юртахъ. Но когда сюда прiѣхалъ, то увидѣлъ: юрты поставлены, а въ нихъ пусто—голая земля. Вскипѣлъ гнѣвомъ Мирза-баши.

„Я тебя увѣдомилъ, а ты ничего не приготовилъ. У меня бумага отъ эмира, чтобъ вездѣ принимали. Ты какъ насъ принимаешь! Это такъ ты служишь эмиру? Да я тебѣ морду наколочу". И пошелъ выкладывать весь словарь бухарскихъ крѣпкихъ словечекъ. Амлякдара привелъ въ панику, дрожитъ весь бѣдный, а потомъ повернулъ и бѣгомъ къ кишлаку. Ковры, подушки были мигомъ доставлены въ юрты. Разстались съ Миркарой друзьями.

„Сердце не терпитъ, когда эмиру плохо служатъ", объяснялъ намъ Миркара свою вспыльчивость.

Отъ Башъ-Чарбагъ мы направились къ юго-востоку, въ городъ Байсунъ. На нашемъ пути это былъ первый бухарскiй городъ. Выѣхали рано утромъ и вначалѣ ѣхали дѣйствительно прекрасной равнинной дорогой. Въ кишлакѣ Мочай на р. Турганъ-Дарья остановились пообѣдать. Названная рѣчка протекаетъ въ широкой долинѣ, съ обѣихъ сторонъ окаймленной крутыми, высокими склонами. Склонъ съ лѣвой стороны поросъ растительностью, лишь мѣстами на немъ выходятъ скалистые уступы сѣрыхъ известняковъ. Правый склонъ часто стоитъ почти вертикальной стѣной, на которой обнажаются полосатыя песчано-глинистыя породы, окрашенныя въ красивые, разнообразные оттѣнки краснаго цвѣта. Въ долинѣ много кишлаковъ. Располагаются они у праваго склона. Сакли здѣсь построены изъ глины, но не изъ желтой, лёссовой—такой здѣсь нѣтъ,—

а изъ красной. И вотъ передъ вами по красному склону лѣпятся красныя сакли. Кишлачекъ издали почти совсѣмъ незамѣтенъ, такъ мало его строенія выдѣляются на общемъ, одноцвѣтномъ съ нимъ, фонѣ.

Послѣ обѣда намъ предстояло пройти ущелье Оллекъ и перевалъ Катманъ-Чапты. Ущелье красивое. Вертикальныя стѣны его состоятъ изъ известняка, образующаго крутой, живописный перегибъ. Наверху порядочный ручеекъ водопадомъ свергается со скалъ. Подъемъ здѣсь очень крутой, но мягкій и потому не трудный. Совсѣмъ иное на перевалѣ Катманъ-Чапты. Тропинка каменистая, по гладкимъ плитамъ, часто и на большомъ протяженіи лѣпится по карнизу надъ пропастью. Лошади скользятъ, падаютъ. Труденъ былъ подъемъ, но спускъ прямо невозможенъ. На перевалѣ застигла ночь и весь спускъ пришлось пройти въ темнотѣ. Съ коней всѣ слѣзли и потихоньку, шагъ за шагомъ поплелись по убійственной тропинкѣ. На ночлегъ въ кишлакъ Авлетъ прибыли уже въ 10 часовъ ночи.

Намаялись страшно. Особенно плохо чувствовалъ себя товарищъ. Трудности дороги и невыразимое качество коня въ конецъ его доканали. Безъ посторонней помощи онъ не могъ слѣзть съ сѣдла. Ужинъ былъ не въ ужинъ. Лишь чайку попили съ удовольствіемъ.

V.

Остановка въ Байсунѣ.—Дорога черезъ Бандыхана въ Кокайты.—Бухарская малярія.—Болѣзнь товарища.

На другой день поднялись очень поздно и выѣхали только въ 9½ часовъ. Отъ Авлета до Байсуна всего верстъ 6. Рѣчная долинка на всемъ этомъ протяженіи представляетъ сплошной садъ.

Въ Байсунѣ самого бека не было, уѣхалъ собирать подать. Замѣщалъ его одинъ изъ чиновниковъ. Намъ было приготовлено особое помѣщеніе. Въ немъ столъ, накрытъ бѣлой скатертью. Вокругъ стола вѣнскіе стулья, старые, съ поломанными ножками. У стѣнъ стояли три желѣзныхъ кровати. Вся эта роскошь встрѣчается только у бековъ и предназначена для проѣзжающихъ черезъ ихъ резиденцію русскихъ. Тамъ, гдѣ послѣдніе являются частыми гостями, обстановка сносная—столъ настоящій, стулья крѣпкіе, кровати приличныя. Такъ, въ Шаршаузѣ, въ Гузарѣ, въ Кулябѣ комнаты для русскихъ гостей обставлены отлично. А гдѣ русскій туря появляется рѣдко, тамъ и столъ самодѣльный, прихрамывающій на куриныхъ лапкахъ, и стулъ о трехъ ножкахъ. У амлякдаровъ же въ большинствѣ случаевъ ни стола, ни стула, ни тѣмъ болѣе кроватей. Когда, измученные, мы пріѣхали въ Авлетъ, намъ достарханъ былъ предложенъ въ саду на утрамбованной пло-

щадкѣ: на землѣ коверъ, на коврѣ скатертка со сластями, какъ полагается, а по краямъ скатертки два стула. Но стулья эти были привезены на ишакѣ изъ Байсуна и утромъ впередъ насъ отправлены обратно. Мы дорогою ихъ обогнали. Но гдѣ русскіе часто ѣздятъ, тамъ и у амлякдаровъ заведены столы.

Достарханъ въ Байсунѣ дѣлалъ беку честь: 18 тарелочекъ. На тарелочкахъ разложено то же, что и у амлякдаровъ, но болѣе разнообразно. Мѣстныя сласти, халва и печеніе, во многихъ видахъ: красныя, розовыя, желтыя, бѣлыя въ видѣ шариковъ и въ видѣ маленькихъ брусковъ. Хотѣлъ было попробовать этой бухарской стряпни, но не могъ раскусить. Ударилъ геологическимъ молоткомъ— не беретъ. Сласти русскихъ фабрикъ добротнѣе и также разнообразнѣе, чѣмъ у амлякдаровъ. Затѣмъ были фисташки, яблоки и виноградъ. Къ фруктамъ мы всегда относились съ большой благосклонностью, и просили чиновника устраивать такъ, чтобъ на достарханѣ для насъ выставлялись только они. Однако достарханъ изъ дешевыхъ, мѣстныхъ фруктовъ безъ дорогой, московской, засаленной карамельки или безъ засиженныхъ мухами галетъ— это, по мѣстнымъ понятіямъ, представляетъ нѣчто въ высшей степени шокирующее. Настоять на своемъ намъ не удалось.

Если гость не скушаетъ выставленный достарханъ— хозяину большое огорченіе. Достарханъ долженъ быть уничтоженъ—съѣденъ, розданъ, набитъ по карманамъ. Таковъ обычай. О немъ пишутъ путешественники. Особенно о немъ прожужжали намъ всѣ уши Ашуръ и джигиты. Можетъ быть оно и такъ по отношенію гостей желанныхъ, но по отношенію къ случайнымъ гостямъ, какими были мы, это едва ли справедливо. Мнѣ иное удалось подмѣтить. У бековъ остатки достархана поступали его прислужникамъ. И если бека не радовало уничтоженіе гостемъ достархана, то и печалиться по этому случаю не было причинъ. Иное дѣло у амлякдаровъ. Тамъ я нѣсколько разъ замѣчалъ, какъ хозяинъ, едва только мы, уѣзжая, поворачивались спиной къ трапезѣ, давалъ знакъ прислужнику и всѣ сласти, особенно дорогія, московскія, моментально отправлялись со стола въ кладовую. У Ашура съ джигитами были свои собственныя причины отстаивать этотъ обычай: домой они привезли различныхъ сластей по порядочному мѣшку.

Въ Байсунѣ рѣшили провести два дня. Въ отдыхѣ нуждались всѣ—и люди и кони. Послѣ обѣда, отдохнувъ хорошенько, навѣстили замѣщающаго бека.

Замѣститель бека встрѣтилъ насъ на порогѣ небольшой комнаты. Сказалъ привѣтствіе, справился о здоровьи, усадивъ на стулья, самъ тоже сѣлъ на стулъ и приказалъ подать по стакану чаю. Разговоръ началъ хозяинъ вопросомъ о здоровьи Его Императорскаго Величества. Я отвѣтилъ и счелъ своимъ долгомъ поинтересоваться здоровьемъ Его Высочества Эмира.

На этой первой аудіенціи я все время держался серьезнаго тона, но товарищъ портилъ дѣло, задавалъ такіе вопросы, что Ашуръ не рѣшался ихъ перевести.

Черезъ 10 минутъ окончили визитъ и ушли въ свои аппартаменты. Бекъ помѣщается въ крѣпости, обнесенной высокой, очень толстой, глинобитной стѣной, переживающей періодъ разрушенія. Домъ для гостей выстроенъ здѣсь же, въ крѣпости, близъ воротъ. Это—низенькая, глинобитная избушка, съ плоскою крышей, поставленная сравнительно на высокомъ фундаментѣ. Отведенная намъ комната 10 шаговъ въ длину и 5 въ ширину. Къ ней съ одной стороны примыкаетъ крытая, длинная терраса, а съ другой—маленькая комнатка, служащая умывальной. Оконъ не имѣется, но зато шесть дверей. Надъ боковыми дверями находится по четыреугольному отверстію. Въ отверстія вставлены рамы, а въ рамахъ вмѣсто стеколъ пристроены паралельныя палочки. Стѣны побѣлены и страшно мараются. Полъ глиняный, устланъ коврами. Потолокъ состоитъ изъ 9 поперечныхъ балокъ. На балкахъ настланы ровныя палочки около 1 вер. въ діаметрѣ, тѣсно одна къ другой пригнанныя. Потолки въ средней Азіи всюду устраиваются такимъ образомъ. При этомъ часто расположеніе палочекъ составляетъ узоры. Палочки расписываются разными красками.

Одной стороной наше помѣщеніе выходило на широкій дворъ, а другой въ садикъ. Здѣсь передъ домомъ выкопанъ квадратный бассейнъ, наполняющійся водою изъ арыка. Въ общемъ помѣщеніе недурное, день провели въ немъ хорошо. А ночью намъ предстояло понѣжиться на кроватяхъ. Кровати желѣзныя, съ проволочной сѣткой. Въ изголовьи красовались азіатскія подушки, длинныя, почти цилиндрической формы. Кровати были покрыты

роскошными одѣялами изъ парчевой матеріи. Но подъ одѣялами на кроватяхъ ничего не было.

Расчитывали ночью на отдыхъ, а вышла одна маята. Напала мелкая мошкара и искусала насъ страшно. Руки, ноги расчесали въ кровь.

На другой день посѣтили базаръ. Базаръ довольно большой. Начинается онъ у воротъ крѣпости. Товары на немъ не разнообразные, убогіе. Все привозное страшно дорого. На базарѣ встрѣтили проповѣдника. Онъ расхаживалъ по террасѣ передъ лавками и оралъ во все горло, усиленно жестикулируя. Вокругъ него собралась толпа. Большіе базары въ Бухарѣ не обходятся безъ такихъ ораторовъ. Темой для ихъ публичныхъ разсказовъ обыкновенно служатъ житія мусульманскихъ святыхъ, чудеса, совершенныя ими, рѣже мусульманскія былины, сказанія о богатыряхъ, но часто ихъ проповѣди касаются явленій современной жизни. Среди этихъ базарныхъ проповѣдниковъ (они называются „маддахи") встрѣчаются увлекательные ораторы, оказывающіе на слушателей огромное вліяніе.

При возвращеніи въ крѣпость мы обратили вниманіе на темныя ниши въ крѣпостной стѣнѣ по бокамъ пересѣкающаго ее прохода. Въ этихъ темныхъ конурахъ сидятъ закованные въ цѣпи и деревянныя колодки преступники. Передъ конурами небольшая терраска, на которую заключенныхъ выпускаютъ подышать свѣжимъ воздухомъ. На пропитаніе заключенныхъ начальство не тратится. Они питаются приношеніями родственниковъ и случайныхъ сердобольныхъ прохожихъ. Большой жалости къ нимъ туземцы не чувствуютъ и подаяніями не очень ихъ балуютъ. Но нашъ Ашуръ оказался исключеніемъ. Во всѣхъ городахъ, гдѣ мы останавливались, онъ при отъѣздѣ одѣлялъ заключенныхъ лепешками. Жизнь въ тюрьмахъ ужасна. Несчастные узники томятся въ затхломъ, тѣсномъ помѣщеніи, вѣчно голодные. Цѣпи и колодки натираютъ мучительныя раны и нерѣдко совершенно калѣчатъ заключенныхъ.

1-го августа рано утромъ, одаривъ людей бека, выѣхали дальше. Путь нашъ лежалъ къ югу. До сего времени мы путешествовали среди типичнаго горнаго ландшафта, теперь же предстояло пересѣчь равнину. Къ сѣверу отъ Байсуна на горизонтѣ видны высокія, горныя громады,

а къ югу—лежитъ область предгорьевъ, мѣстность понижается. Дорога идетъ довольно ровная, среди невысокихъ увальчиковъ. Эта область предгорій на юго-востокѣ ограничивается правильнымъ хребтикомъ—Акъ-тау, протягивающимся въ видѣ слабо выпуклой дуги съ сѣверо-востока на юго-западъ. Хребтикъ не высокъ, но очень правиленъ, съ мелко зубчатой вершиной. Съ юго-востока непосредственно къ его подножію прилегаетъ степь Кызырыкъ-дара, ровная, какъ скатерть — ни холмика, ни лощинки.

Маленькая рѣчка прорѣзываетъ Акъ-тау, образуя широкое ущелье Банды-хана. По этому ущелью шла наша дорога. Ущелье весьма красивое. По бокамъ его видны вначалѣ слои красныхъ, полосатыхъ песчаниковъ, круто падающіе, прихотливо обточенные водою. А затѣмъ бѣлые слои известняка, сѣрые песчаники и глины, то вертикально поставленные, то живописно изогнутые. Воды въ рѣчкѣ немного, да и та соленая.

Въ этотъ день мы прошли около 50 верстъ. Наблюденій дѣлали немного, такъ какъ рѣшили поскорѣе пробраться къ р. Пянджу, въ область развитія интересующихъ насъ палеозойскихъ отложеній. Дорога пошла совсѣмъ иная. Нѣтъ крутыхъ подъемовъ, нѣтъ убійственныхъ спусковъ, тропинка не лѣпится по карнизамъ, передъ глазами не зіяетъ пропасть. Но и здѣсь путника ждутъ свои специфическія трудности. На низкой равнинѣ зной невыносимъ. Солнце жжетъ. Мучитъ страшная жажда, а при дорогѣ ни одного ключика чистой воды. Во рту сухо. Голова налита свинцомъ. Всякое движеніе отдается болью во всемъ тѣлѣ.

На ночевку остановились верстахъ въ 3-хъ къ востоку отъ подножія Акъ-тау, въ маленькомъ кишлачкѣ Банды-хана. Кишлакъ пустъ. Всѣ жители въ горахъ на кочевьи. И не мудрено, въ окрестностяхъ кишлака въ лѣтнее время нельзя раздобыть питьевой воды, приходится за ней ѣздить на р. Сурханъ, за 20 верстъ.

Спали въ юртѣ, поставленной для насъ посреди широкаго чистаго двора.

Раннею весною Кызырыкъ-дара полна жизни. Одѣвается густымъ, травянымъ покровомъ и служитъ прекраснымъ пастбищемъ. Но лѣтомъ—это пустыня. Вся растительность выжжена. Рѣчки, ручьи, прудики высы-

хаютъ. Пересѣкая эту степь, мы видѣли однѣхъ ящерицъ. Ихъ здѣсь множество, такъ и шмыгаютъ подъ лошадиными копытами. Особенно много попадалось маленькихъ дѣтенышей.

Ровная тропинка по гладкой степи отъ Банды-хана до р. Сурхана была пройдена легко. И еще задолго до полудня мы прибыли въ Арка-пая на берегъ Сурхана. Напившись чаю и отдохнувъ немного въ тѣнистомъ саду, отправились на переправу черезъ Сурханъ.

Фиг. 5. Каюкъ на р. Сурханъ.

Сурханъ порядочная рѣчка, берущая начало въ Гиссарскомъ хребтѣ. Она имѣетъ быстрое теченіе и мутную-премутную воду, точно не вода передъ вами, а кофейная гуща. Долина Сурхана широкая, болотистая. Во время половодья (въ концѣ іюня отъ таянія снѣговъ въ горахъ) большія пространства ея заливаются водой. Въ густыхъ камышевыхъ заросляхъ водятся кабаны.

Переѣхали Сурханъ на каюкѣ (фиг. 5). Каюкъ двигался при помощи шестовъ, которыми каюкчи отталкивались, упираясь о дно рѣчки. Ночевать остановились въ большомъ кишлакѣ Кокайты на дворѣ амлякдара. Было еще очень рано, когда мы усѣлись за выставленный достарханъ. До

слѣдующаго выступленія возможно было отдохнуть прекрасно. Но вышелъ совсѣмъ не отдыхъ.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Кокайты товарищъ свалился. Съ нимъ начался большой жаръ. Должно быть, въ Байсунѣ захватилъ малярію. Малярія — бичъ культурныхъ оазисовъ Средней Азіи и особенно Бухары. На всѣхъ равнинахъ, а главнымъ образомъ въ районѣ рѣчныхъ долинъ, малярія ежегодно собираетъ обильную дань. Отъ нея свободны только горныя области. Развитію маляріи здѣсь сильно благопріятствуетъ распространенная культура риса. Рисъ—растеніе болотное. Для произрастанія онъ требуетъ много влаги. Рисовыя поля затопляются водою изъ арыковъ и представляютъ искусственныя болота, служащія источникомъ злокачественныхъ лихорадокъ. Отправляющимся въ среднюю Азію необходимо запасаться возможно бо̀льшимъ количествомъ хины. Она и для себя всегда пригодится, да и мѣстное населеніе частенько обращается къ пріѣзжающимъ съ просьбой дать для больныхъ этого цѣлительнаго порошка.

Съ цѣлебными свойствами хины туземное населеніе прекрасно знакомо. При остановкахъ въ маляріиныхъ мѣстностяхъ къ намъ обыкновенно обращались многія лица за этимъ дурӳ (лѣкарствомъ).

Въ нашемъ караванѣ за время путешествія всѣ переболѣли маляріей. Только я былъ пощаженъ ею. Передъ поѣздкою въ Бухару мой докторъ нѣсколько разъ повторилъ мнѣ обычныя предохранительныя противъ маляріи мѣры. Это: 1) по заходѣ солнца въ малярійныхъ мѣстностяхъ не выходить изъ комнаты, а въ комнатахъ затворять двери и окна, чтобы избѣжать укусовъ носителей заразы—комаровъ; 2) дѣлать предохранительные пріемы хинина. Вторую мѣру я примѣнялъ неукоснительно, примѣненіе же первой оказалось невозможнымъ. Въ „комнатахъ“ здѣсь оконъ не водится, двери со щелями, надъ дверьми дыры. Въ такихъ комнатахъ отъ господъ носителей заразы не укроешься.

На другой день по пріѣздѣ въ Кокайты положеніе больного ухудшилось. Температура къ вечеру поднялась свыше 40⁰. О путешествіи нечего было и думать. Наступили мучительно тревожные дни. Больной съ температурой, доходившей до 41⁰, долженъ былъ валяться на полу, на коврахъ, полныхъ пыли. Усиленные пріемы хины, пови-

димому, не оказывали никакого дѣйствія. Закрадывалось сомнѣніе, малярія ли свалила товарища, не болѣе ли серьезное что-нибудь. Сильный внутренній жаръ въ знойной атмосферѣ крайне изнурялъ организмъ. Уже на третій день больной не могъ безъ посторонней помощи шагу ступить. Что было дѣлать? Сиротливое чувство полной изолированности, полной оторванности жгучею болью наполняло сердце. Помощи ждать неоткуда. Даже невозможно никого извѣстить о своей бѣдѣ. Ни телеграфа, ни почты, ни сносныхъ путей сообщенія. Жутко. Дѣйствительность рисуется въ черныхъ краскахъ.

VI.

Пребываніе въ Кокайтахъ.—Гости эмира.—Обычай подарковъ.—Дорога въ Тибау.—Легенда о пустынной степи и объ узбекѣ.—Богатый узбекъ въ Тибау. Башъ-Чарбагъ.

Въ началѣ остановки меня очень безпокоила матеріальная сторона дѣла. Забота о нашемъ продовольствіи лежала на амлякдарѣ. Брать съ насъ плату онъ не могъ, если бы даже и хотѣлъ: вѣдь мы „гости эмира". Между тѣмъ кормить изо дня въ день 7 человѣкъ и 9 лошадей стоило порядочно. Призвавъ Ашура, я объяснилъ ему свое желаніе избавить амлякдара отъ расходовъ на насъ и просилъ разузнать, какъ это можно было бы устроить. Ашуръ поговорилъ съ чиновникомъ и вскорѣ оба явились ко мнѣ. Чиновникъ былъ въ ажитаціи, говорилъ громко, сильно жестикулировалъ, то и дѣло хваталъ и трясъ ковры, указывалъ пальцемъ на всѣ закоулки широкаго амлякдарскаго двора. Въ переводѣ Ашура эта рѣчь обозначала, что туря можетъ не безпокоиться. Все, что̀ онъ здѣсь видитъ—ковры, подушки, постройки—все принадлежитъ эмиру. И кушаетъ туря не амлякдаровы припасы, а тоже отъ щедротъ эмира.

Такъ то... Конечно, это правда. Вѣдь и самъ амляк-

даръ, даже каждый правовѣрный со всѣми своими потрохами, полностью принадлежатъ эмиру. Конституціи здѣсь, слава Богу, нѣтъ.

Рѣчь Миркары моего безпокойства не уничтожила. Сталъ наводить справки по другимъ источникамъ. И что же? Оказалось, что онъ былъ въ значительной долѣ правъ. Постройки и обстановка амлякдаровыхъ дворовъ, по крайней мѣрѣ частью, дѣйствительно не принадлежатъ амлякдарамъ. Это эмировы сооруженія. Амлякдарами обыкновенно назначаются лица не изъ мѣстныхъ обывателей. Въ большинствѣ случаевъ въ амлякдары попадаютъ столичные жители изъ тѣхъ круговъ, которые околачиваются въ чаяніи милостей около высшаго бухарскаго чиновничества, служащаго поставщикомъ бековъ. Добившись милости, вновь испеченный амлякдаръ пріѣзжаетъ на мѣсто служенія. А здѣсь для него эмиромъ уготована казенная квартира: широкій амлякдарскій дворъ съ постройками, часто весьма недурными, по мѣстному масштабу.

Значитъ, насчетъ построекъ и, пожалуй, ковровъ чиновникъ правъ. Относительно продовольствія въ его словахъ также есть зерно истины. Амлякдары жалованья не получаютъ, а просто „кормятся" около своей должности. Они собираютъ подати, записывая ихъ въ книгу. Подати, не представляя чего-либо опредѣленнаго, даютъ широкій просторъ для кормленія. Но кромѣ того, сдавая беку подать, амлякдаръ записываетъ свои расходы, а въ томъ числѣ и расходы на пріемъ эмировыхъ гостей. Нашъ чиновникъ, когда бывалъ недоволенъ тѣмъ или инымъ амлякдаромъ, то, ругая его, не забывалъ уколоть и тѣмъ, что, молъ, вотъ угощенія намъ ты поставилъ на 5 рублей, а эмиру напишешь на 50.

Стало-быть, объ амлякдаровыхъ убыткахъ дѣйствительно не слѣдуетъ безпокоиться. Тѣмъ болѣе, что Ашуръ съ чиновникомъ указали и способъ, коимъ возможно вознаградить амлякдара за его не убытки, а хлопоты. Во-первыхъ, конечно, дать ему подарокъ побольше обычнаго. Это само собою. А затѣмъ, можно и денегъ дать. Не ему, онъ сильно обидится, а его сынишкѣ. Завернуть деньги въ бумажку и преподнести сыну. „Онъ не знаетъ, деньги онъ не видитъ, онъ такъ", и Ашуръ закрылъ глаза рукою, иллюстрируя, какъ амлякдаръ не видитъ, что въ бумажкѣ сыну даютъ деньги. Мнѣ понравился этотъ спо-

собѣ; очевидно, онъ выработанъ практикой. Не отсюда ли идетъ наше истинно-русское выраженіе—„дать барашка въ бумажкѣ“.

Убыточимъ мы эмира. Откровенно говоря, убытки, доставляемые нашей экспедиціей Его Высочеству владыкѣ Бухарскому, мало тревожили мою совѣсть: онъ свое гдѣ-нибудь наквитаетъ. А вотъ какъ будто бы эмиромъ дѣло не ограничивается. Я замѣтилъ, что клеверъ приносили разныя лица: въ полдень одни, вечеромъ другіе, завтра третьи. И съ амлякдаромъ у нихъ шли разговоры, повидимому, не особенно дружелюбные. Сталъ пытать Ашура и мало-по-малу удалось выяснить, что амлякдаръ для нашего продовольствія забираетъ припасы у жителей такъ, не въ счетъ абонемента. Ну, жители нѣкоторые, строптивые—вѣдь всякій народъ бываетъ и въ Бухарѣ — этимъ недовольны, ругаются. Выходило, что счетъ эмиру будетъ представленъ самъ по себѣ, а на жителей налогъ накладывается по случаю нашего пріѣзда тоже самъ по себѣ. Двусторонняя операція.

Принялъ энергичныя мѣры, сталъ самъ добывать себѣ фуражъ. Отправлялъ Ашура и джигитовъ въ кишлакъ и тамъ брали за наличныя курицъ, яйца, клеверъ, все, что намъ было необходимо и въ чемъ у амлякдара чувствовался недостатокъ. А потомъ нѣкоторые изъ обывателей сами несли намъ курицу или яичекъ и тутъ же на дворѣ получали за нихъ отъ меня „теньги“, сколько слѣдовало. Когда при расплатѣ присутствовалъ амлякдаръ, то сильно журилъ продавца и угрожалъ гнѣвомъ пророка. „У насъ, говоритъ, гость, а ты съ него деньги берешь. Развѣ это по-мусульмански“. Продавецъ на эти громовыя рѣчи ухмылялся себѣ въ бороду, бурчалъ что-то такое самымъ добродушнымъ тономъ и пряталъ теньгу въ кошелекъ за пазуху. Амлякдару оставалось только возмущаться людскою испорченностью.

Въ описаніяхъ путешествій по Бухарѣ обыкновенно указывается, что здѣсь деньги не въ ходу: жители не берутъ ихъ, такъ что за услуги приходится расплачиваться подарками, а продовольствіе пріобрѣтать путемъ мѣны на различные товары. Въ силу этого путешественнику необходимо возить съ собою порядочные запасы послѣднихъ. По моимъ наблюденіямъ, эти указанія не вполнѣ отвѣчаютъ дѣйствительности. Съ рядовыми бухарцами я

всегда расплачивался деньгами. И расплата происходила безъ всякихъ затрудненій. Возможно, что за послѣднее время произошло нѣкоторое измѣненіе нравовъ: денежное обращеніе захватываетъ мало-по-малу и Бухару. Но, мнѣ кажется, главнымъ образомъ указанное противорѣчіе объясняется различіемъ въ условіяхъ оффиціальныхъ путешествій по Бухарѣ въ прежнее и теперешнее время. Въ 80 годахъ путешествія были рѣдки. Путешественники, получившіе разрѣшеніе на свою экспедицію отъ эмира, дѣйствительно были, какъ бы его гостями. Брать съ нихъ деньги никто изъ подданныхъ эмира не могъ. За этимъ строго слѣдили сопровождающіе экспедицію чиновники. Даже на базарахъ продавцы съ такихъ путешественниковъ не смѣли брать денегъ за забранный товаръ: „гостю эмира" нужный товаръ предоставлялся даромъ. Теперь путешествій множество, на всѣхъ не напасешься. Пріемъ эмировыхъ гостей имѣетъ прежнюю силу только для мѣстнаго начальства.

Ходовой монетой въ Бухарѣ и въ русскомъ Туркестанѣ служитъ серебряная „теньга", равная пятиалтынному. Весь счетъ здѣсь идетъ на теньгу. Хорошая лошадь стоитъ 600 теньга, халатъ шелковый—60 теньга и т. д. Кромѣ теньги въ Бухарѣ имѣется золотая монета „тилля", стоимостью около 7 рубл. Но это рѣдкость, я не видѣлъ ее не разу. Изъ мѣдныхъ монетъ болѣе употребительна „пуля", равная $^1/_4$ коп. Пуля представляетъ тонкій, мѣдный кружекъ съ отверстіемъ по серединѣ. Къ этой монетѣ даже джигиты наши относилпсь съ пренебреженіемъ и порою встрѣчнымъ нищимъ, особенно цыганкамъ, бросали ее пригоршнями. Наша русская монета въ Бухарѣ также въ большомъ ходу.

Но теньга теньгой, а подарки и теперь для путешественника по Бухарѣ необходимы. Они весьма благопріятствуютъ установленію хорошихъ отношеній съ мѣстнымъ населеніемъ. Подарокъ—это до нѣкоторой степени знакъ отличія. А къ послѣднимъ наши азіаты весьма падки. Каждый бухарецъ тщательно сохраняетъ память о всѣхъ подаркахъ, когда-либо имъ полученныхъ, и выкладываетъ свои воспоминанія при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Изъ разговоровъ въ первое время получается впечатлѣніе, что всѣ бухарцы только подарками и существуютъ: дарятъ другъ другу—тѣмъ и сыты.

Наиболѣе почетными подарками считаются халатъ и, особенно, лошадь. Когда въ даръ подносится халатъ, то дарящій, обыкновенно, собственноручно надѣваетъ его на одариваемаго.—А при одариваніи лошадью происходитъ цѣлая церемонія. Ашуръ объяснялъ, что подаренная лошадь—это не просто лошадь, а какъ бы другъ. Подаренную лошадь продать нельзя. Ее нужно держать и холить до ея смерти. Впрочемъ, это только теоретическій идеалъ, а на практикѣ самъ Ашуръ преотлично спустилъ на базарѣ подаренную ему лошадь.

У насъ подарковъ было запасено изрядно и довольно разнообразныхъ, но тѣмъ не менѣе на все путешествіе ихъ не хватило. Лучшимъ подаркомъ служитъ зеркало. Ихъ у насъ было немного. Зеркальца хорошенькія, въ костяной оправѣ. Ихъ съ удовольствіемъ получалъ амлякдаръ, настойчиво выклянчивали амлякдарскіе писаря и бекскіе приближенные. А простымъ обывателямъ мы ихъ и не дарили: не по чину. Душистое мыло, изящно завернутое въ красивую бумажку, духи въ фигурныхъ флакончикахъ—также подарки весьма желанные. Ихъ съ удовольствіемъ принимаютъ и беки. Только съ этими подарками нужна осторожность. Прежде чѣмъ дарить, необходимо навести справки о семейномъ положеніи лица, коему предназначаются подарки. Если у амлякдара двѣ жены, то флакончиковъ необходимо преподнести въ числѣ, кратномъ отъ двухъ. Попробуйте дать три флакончика и вмѣсто удовольствія вы доставите амлякдару большое огорченіе: безъ скандала между его женами не обойдется. Далѣе въ числѣ подарковъ у насъ фигурировали дешевенькія портмоне, аллюминіевые портъ-табаки, маленькіе компасы съ мишурной позолотой. Эти вещички шли и амлякдарамъ и заурядным обывателямъ. Были у насъ и зажигательныя стекла, на которыя мы, основываясь на описаніяхъ путешественниковъ, возлагали большія надежды. Однако, надежды наши не сбылись: стекла не производили никакого эффекта. Изъ предметовъ мѣстнаго обихода мы запаслись въ Самаркандѣ тюбитейками и платками,—это хорошіе подарки. Очень пригодился также запасъ употребляемаго бухарцами зеленаго чая (кокъ-чай), развѣшеннаго на восьмушки. Для расплаты за различныя мелкія услуги онъ былъ весьма кстати.

Вообще подарки для амлякдаровъ и заурядъ-обыва-

телей у насъ вышли ничего-себѣ, почти что на славу. А вотъ съ подарками для бековъ, нужно признаться, мы оскандалились. Для нихъ была накуплена аллюминіевая посуда: чайницы, сахарницы, чашки, бокалы. Вещички изящныя, съ красивыми узорами. Обыкновенно онѣ принимались вначалѣ за серебряныя, но затѣмъ иллюзія быстро разсѣивалась и у обладателя подарка возникало досадливое чувство обманутаго расчета.

На четвертыя сутки пребыванія въ Кокайтахъ больной почувствовалъ облегченіе, температура понизилась. Начался періодъ выздоравливанія. Свита встрепенулась. Пошли разговоры о скоромъ выступленіи. Вынужденное бездѣліе въ скучнѣйшемъ кишлачишкѣ надоѣло всѣмъ до одури. Хотѣлось въ путь.

А пока мои бухарцы развлекались, чѣмъ могли. Во вторникъ, 5-го августа, всею артелью отправились въ сосѣдній кишлакъ на базаръ. Съ нами остался одинъ Ашуръ. На базарѣ протолкались весь день и вернулись только къ солнечному закату. Разговорамъ и разсказамъ конца не было. По вечерамъ приглашали музыканта. Грустью вѣяло отъ его тихихъ, тягучихъ мелодій, извлекаемыхъ изъ мѣстнаго струннаго инструмента—томбра. Одинъ изъ вечеровъ былъ посвященъ устройству фейерверка. О такомъ выдающемся событіи жители кишлака были оповѣщены заранѣе, и къ вечеру на широкомъ дворѣ амлякдара собралось почти все мужское населеніе кишлака.

Всего скучнѣе проходили длинные дни. Жарко, знойно. Наша свита то въ разбродъ лѣниво слоняется по обширному двору, то, собравшись въ кучку, чинно усядется въ тѣни на разостланныхъ коврахъ (фиг. 6). Иногда затѣваютъ шумную игру: сталкиваютъ другъ друга въ прудъ, находящійся по серединѣ двора.

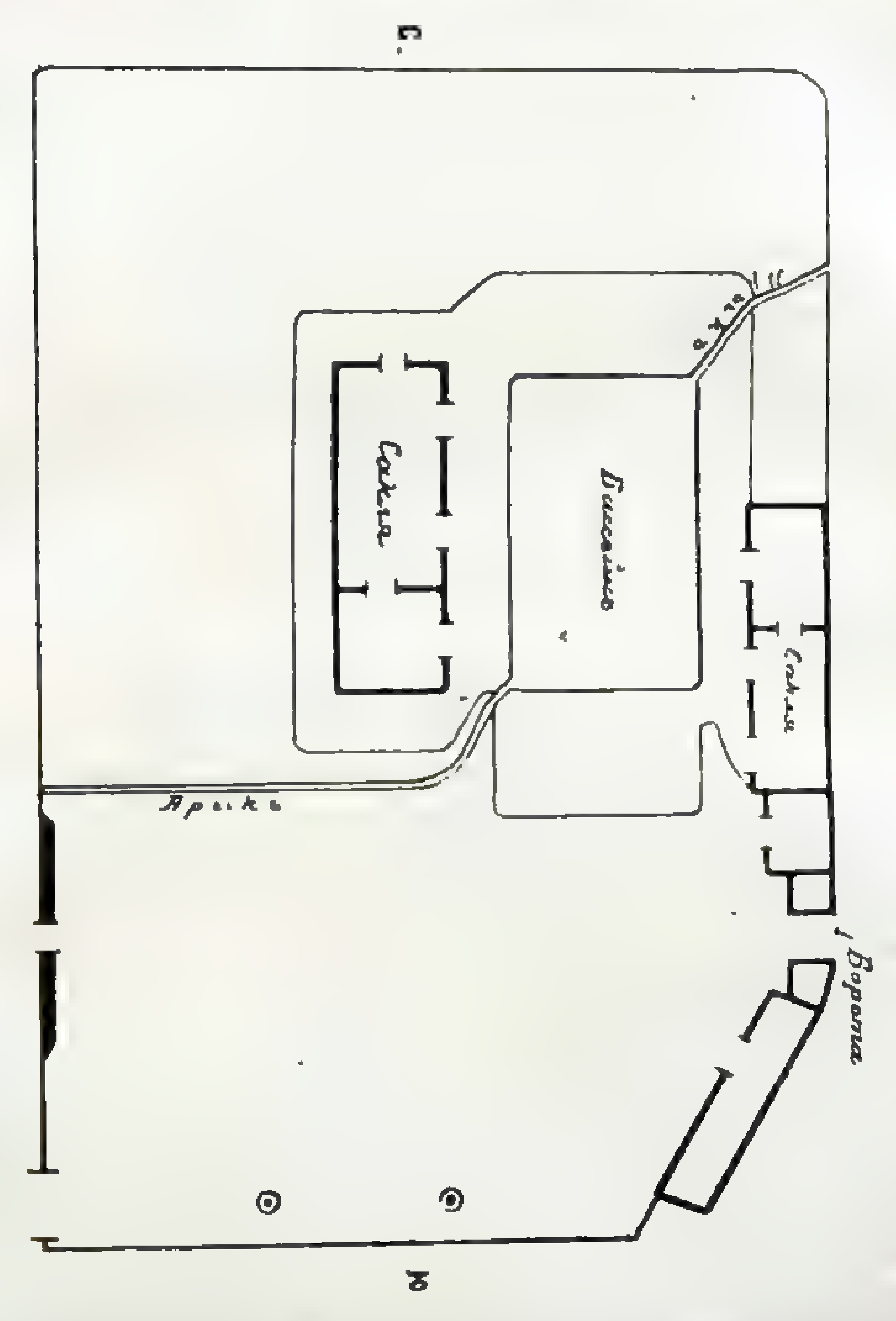
Дворъ амлякдара типиченъ: широкій, просторный. Черезъ дворъ протекаетъ маленькій арыкъ. По серединѣ выкопанъ четыреугольный бассейнъ порядочныхъ размѣровъ, обсаженный тальникомъ. Вокругъ бассейна утрамбована насыпная площадка, приблизительно на аршинъ приподнятая надъ поверхностью двора. Въ бассейнѣ полощутъ бѣлье, выкидываютъ въ него отбросы, въ то же время воду отсюда берутъ для пищи. Съ восточной и западной сторонъ стоятъ, одна противъ другой, двѣ сакли (фиг. 7). Онѣ длинныя, узкія, съ плоскими крышами, безъ оконъ,

Къ стр. 42.

Фиг. 6. Въ кишлакѣ Кокайты, на дворѣ амлякдара.

только съ дверями. Стѣны толстыя. Построены изъ лёссоваго тѣста, наложеннаго толстыми слоями. Внизу стѣны толще, чѣмъ наверху. Одна изъ саклей построена въ одну линію съ заборомъ. Глухой стѣной она выходитъ на улицу. Къ ней съ южной стороны примыкаютъ узкія ворота. По

Фиг. 7. Планъ амлякдарскаго двора въ кишлакѣ Кокайты.

сторонамъ воротъ въ стѣнѣ устроены ниши съ лежанками, покрытыми циновками. Это „холодокъ-мѣсто". Тутъ въ тѣни вечеркомъ располагается хозяинъ съ чайникомъ, а къ нему поболтать заходятъ сосѣди. Къ воротамъ съ другой стороны примыкаетъ сарай. Амлякдаръ здѣсь типичный

узбекъ, здоровенный дѣтина. Имѣетъ двухъ женъ. Для каждой изъ нихъ на заднемъ дворѣ построена отдѣльная юрта. Амлякдаръ ночуетъ въ юртахъ попеременно, строго соблюдая очередь.

На седьмыя сутки назначили выступленіе. Правда, больной далеко еще не оправился. Тѣмъ не менѣе мы рѣшили оставить опостылѣвшій кишлачишко и какъ-нибудь, потихоньку, съ отдыхами, добраться до Кабадіана. Кабадіанъ—резиденція бека. Тутъ можно было расчитывать на бо̀льшія удобства, такъ необходимыя больному.

Вьюки и всю свиту съ чиновникомъ во главѣ отправили впередъ въ 2 часа пополудни, а сами стали ждать солнечнаго заката. Дневная жара сильно изнуряла больного и мы хотѣли первый переходъ совершить ночью по холодку. Передъ отъѣздомъ трогательно простились съ амлякдаромъ. Вручили ему подарки, а его маленькому сынишкѣ дали стопку теньги, завернутую въ бумажку. Все честь честью. Амлякдаръ не видѣлъ, что въ бумажкѣ деньги. Онъ очень звалъ посѣтить его и на обратномъ пути.

Выѣхали въ 6 ч. вечера. Дорога шла по гладкой степи съ маленькимъ подъемомъ. Скоро солнце совсѣмъ исчезло за горизонтомъ. На черномъ небѣ ярко разгорѣлись звѣздочки. Мы двигались молча, тихимъ шагомъ, гуськомъ въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другого. Ночную тишину нарушало лишь фырканье коней. Было грустно...

По пологому склону поднялись на вершину невысокаго хребтика — Се-пая-тау. Начался спускъ по неглубокимъ ущельямъ, мелкимъ овражкамъ. Спускъ трудный: кажется, на немъ днемъ и то можно было бы шею сломать. Ничего, потихонечку проѣхали. А вѣдь когда я прежде, чѣмъ рѣшиться на ночное путешествіе, подробно разспрашивалъ о дорогѣ, то мнѣ говорили одно—дорода гладка, какъ ладонь. Измучился нашъ больной сильно. На мѣсто остановки, въ 25 вер. отъ Кокайты, пріѣхали лишь въ 2 часа пополуночи. Юрта намъ была готова. Готовъ былъ и чай. Выпивъ по стакану, поторопились залечь спать.

Утромъ больной чувствовалъ себя не важно. Рѣшили, отдохнувши днемъ, въ дальнѣйшій путь выѣхать къ вечеру. Во время утренняго чая пріѣхалъ посланецъ кабадіанскаго бека. До Кабадіана осталось около 30 верстъ.

Бекъ давно ждетъ насъ. Его распоряженіемъ на пути въ 3-хъ пунктахъ выставлены юрты, и въ нихъ все необходимое для отдыха. Это бекъ заботился о больномъ. Въ юртахъ люди бека дежурятъ цѣлую недѣлю въ ожиданіи нашего проѣзда.

Напившись чайку, стали осматриваться. Пунктъ нашей остановки называется Тибау. На западѣ виднѣется хребтикъ Се-пая-тау, протягивающійся почти въ меридіональномъ направленіи. Обращенный къ намъ склонъ хребтика крутъ, обрывистъ, сложенъ изъ бѣлыхъ, слоистыхъ, известково-мергелистыхъ породъ, полосатая толща которыхъ рѣзко выдѣляется на сѣромъ фонѣ пустыннаго ландшафта. Къ востоку отъ подножія хребтика разстилается равнина. Горячее солнце выжгло ее, изсушило. Ни деревца, ни травки не видно на ней. Нигдѣ не найдете живительнаго ручейка. Лишь мѣстами какъ-то странно торчатъ небольшія группы юртъ.

Почва раскалена. Воздухъ горячій. Вѣтеръ не освѣжаетъ, а больно, ѣдко жжетъ. Но и здѣсь есть жизнь. Маленькія ящерицы юрко шмыгаютъ по пустынной поверхности. Черный жукъ-навозникъ, поднявшись на заднія лапки, солидно катитъ свои шарики изъ лошадинаго и верблюжьяго помета. Неуклюжій верблюдъ медленно передвигаетъ длинныя ноги. Жгучіе лучи солнца, раскаленная почва—его стихія. А у юрты, присѣвъ на корточки, расположился узбекъ. И онъ здѣсь къ мѣсту. Его скуластое, широкое лицо ярко лоснится подъ ослѣпительными лучами. Жаркій вѣтеръ шелеститъ полами его халата, мелкой, жгучей пылью бросаетъ ему въ лицо. Но узбекъ доволенъ, лѣнивое блаженство разлито во всей его апатичной позѣ, сквозитъ въ косыхъ, прищуренныхъ глазахъ.

Меня захватила эта своеобразная поэзія пустыни. Я наслаждался зноемъ, полною грудью вдыхалъ раскаленный воздухъ.

Весною здѣсь иная картина. Дожди орошаютъ поверхность степи и ея плодородная почва подъ живительными лучами ласковаго солнца одѣвается густымъ, травянистымъ покровомъ. Наступаетъ раздолье для скотоводовъ. Всюду разбросаны ихъ юрты. По степи пасутся многочисленныя стада ихъ скота.

Поэтическую легенду повѣдалъ намъ Ашуръ о такого рода пустынныхъ степяхъ.

Велѣніемъ Аллаха снизошла на землю весна. Съ ея приходомъ все оживилось, но особенно много радости принесла она степи. Степь возликовала. На ней расположились и нашли благополучіе вѣрные сыны великаго Аллаха со своими стадами. Степь кормила ихъ, жила ихъ жизнью, радовалась ихъ радостью. А когда приходилъ часъ намаза и широкое степное раздолье оглашалось молитвами правовѣрныхъ, то всякая былинка наполнялась благоговѣйною радостью и неисчерпаемою благодарностью къ великому Аллаху и его пророку Магомету.

Но вотъ наступило знойное лѣто. Посохли степныя травы. Правовѣрные сложили свои юрты и на высокія горы ушли со стадами. Осталась степь одна одинешенька. Лишь вѣтеръ сердитый гуляетъ надъ ея просторомъ. Стосковалась осиротѣлая степь. Ея голая грудь наполнилась жгучею завистью къ прохладнымъ пастбищамъ горныхъ вершинъ. Горячія, соленыя слезы выступили на поверхность. Пустынная, оставленная людьми, взмолилась она Богу: „Великій Боже, зачѣмъ ты создалъ горы?! Онѣ мое несчастіе, онѣ — мой ужасъ! Туда къ нимъ бѣжитъ отъ меня все живое и я превращаюсь въ жалкую, заброшенную пустыню... Боже, уничтожь горы. Всесильный, сотри ихъ съ лица земли!“

Жалостью наполнилось сердце Аллаха, сказалъ онъ степи: „не убивайся и не завидуй: я сотворю такого человѣка, который отъ тебя никуда не уйдетъ“. И сотворилъ узбека.

Утромъ послѣ чая вьюки и всю свиту съ чиновникомъ отправили впередъ. Сами съ Ашуромъ остались до вечера въ Тибау, въ юртѣ у узбека. Старикъ-узбекъ, нашъ хозяинъ — богатый скотоводъ, „бай“ (бай — богачъ). Живетъ онъ здѣсь съ сыновьями группой юртъ. По просьбѣ бека онъ оказалъ намъ гостепріимство: снарядилъ юрты, рѣзалъ барана, угощалъ верблюжьимъ молокомъ.

Обстановка у этого богача нищенская. Его юрта и ея внутреннее убранство ничѣмъ не выдѣляются изъ обычной для кочевниковъ убогости. Между тѣмъ нашъ бай обладаетъ большими стадами: у него до 15 тысячъ барановъ. Весной стада пасутся на равнинѣ Тибау. А лѣтомъ уходятъ далеко въ горы, главнымъ образомъ, въ Киргизъ-Алай: въ извѣстную Алайскую долину, располо-

женную у границы Памира за предѣлами Бухары. Для присмотра за стадами вмѣстѣ съ ними отправляется одинъ изъ сыновей узбека со штатомъ наемныхъ пастуховъ. Плата послѣднимъ производится натурою: за пастьбу 1000 барановъ въ теченіе года пастухъ получаетъ 20 барановъ. Сверхъ платы полагается подарокъ и тоже баранами. Хорошо служившій, сумѣвшій угодить хозяину пастухъ подаркомъ удваиваетъ свой заработокъ. Бай хвастался намъ, что онъ многихъ пастуховъ своихъ „людьми сдѣлалъ". Принялъ къ себѣ на службу безродныхъ, нищихъ, а отпустилъ, такъ щедро одѣливъ подарками, что прежніе нищіе обзаводились юртой, женились и жили себѣ при подаренныхъ баранахъ.

Обстановка у бая нищенская, но духъ у него вольный, независимый. Проводивши утромъ чиновника съ нашими джигитами и съ посланцами кабадіанскаго бека, мы ясно почувствовали рѣзкую разницу между настроеніемъ вольнаго сына степей и нашихъ чиновныхъ попечителей. До сего времени мы вращались исключительно среди служилаго люда — амлякдаровъ, аксакаловъ и т. д., въ атмосферѣ низкопоклонничества и противнаго азіатскаго подхалимства. Слово эмиръ тутъ произносится съ трепетомъ. Чиновнику эмирскому преподносится лесть самая грубая. Разговоры о бекахъ, кушъ-беги, эмирѣ полны подобострастія. У узбека же вмѣсто всего этого независимость сужденій, критическое отношеніе къ окружающему и сознаніе собственнаго достоинства. То же самое мы встрѣтили у узбековъ-скотоводовъ и въ другихъ мѣстахъ.

Порядками бухарскими нашъ бай сильно недоволенъ. Казіи (судьи) и беки продажны. Справедливости отъ нихъ не дождешься. Такъ и норовятъ, чтобы обобрать человѣка. Искать у нихъ защиты нечего и думать. Съ кого больше сорвутъ, тотъ у нихъ и правъ. Это положеніе бай иллюстрировалъ случаями изъ собственной жизни. Теперешній бекъ предлагалъ назначить нашего бая аксакаломъ. Бай отказался. „И въ беки не пойду, говорилъ онъ намъ. Что мнѣ бекъ? Бекъ чужимъ живетъ, народъ грабитъ. А я самъ себѣ бекъ, баранами живу".

Всего больше обидъ беки наносятъ при сборахъ податей. При этомъ сборъ податей со скотоводовъ (зякетъ) производится особо. Сборомъ обычныхъ податей въ каждомъ бекствѣ завѣдуетъ бекъ этого бекства. А взиманіе

податей со скотоводовъ поручается особымъ, старшимъ по служебному положенію бекамъ, или особымъ уполномоченнымъ. И каждому такому сборщику отводится цѣлый районъ, состоящій изъ нѣсколькихъ бекствъ. Ежегодно соотвѣтствующій бекъ объѣзжаетъ свой районъ вмѣстѣ съ чиновниками и стрижетъ мѣстныхъ баевъ. О времени наѣзда послѣдніе увѣдомляются заранѣе. Къ этому моменту они обязаны приготовить нужное количество теньги. Учетъ скота у тѣхъ или иныхъ владѣльцевъ ведется при помощи записей въ податныхъ книгахъ. Скотъ оцѣнивается и въ подать берется около 2% общей стоимости.

Другіе, встрѣченные нами узбеки въ своей критикѣ не останавливались на бекахъ. Ихъ недовольство идетъ дальше. Даже о самомъ эмирѣ они весьма нелестнаго мнѣнія. „Что эмиръ дѣлаетъ? Заботится о народѣ? Ничуть. Только съ дѣвками забавляется: А Бухару кто караулитъ? Не эмиръ, а русскіе. Если бы не русскіе, Бухару Афганъ давно бы взялъ. Дороги кто проводитъ? Тоже русскіе, а эмиръ народъ грабитъ, въ тюрьмы сажаетъ, головы рубитъ“.

При разставаніи бай повѣдалъ, что онъ очень любитъ фамильный чай, а достать его негдѣ. Подарили мы ему четвертушку, а также мѣшечекъ сахару. Остался доволенъ.

Выѣхали вечеромъ, въ 4 часа и, сдѣлавъ только 12 в., остановились на ночлегъ въ приготовленной для насъ среди степи юртѣ. На слѣдующій день 9-го августа больной чувствовалъ себя лучше, такъ что возможно было одолѣть и болѣе трудный переходъ. Къ полудню мы добрались до Башъ-Чарбагъ на р. Кафирниганъ-дарья.

VII.

Башъ-Чарбагъ.—Въ гостяхъ у Кабадіанскаго бека.

Въ Башъ-Чарбагъ для нашего отдыха юрта поставлена была въ саду на берегу быстрой рѣчки Кафирниганъ-дарьи. Послѣ тяжелой дороги подъ палящими лучами жгучаго солнца такъ пріятно отдохнуть въ прохладѣ тѣнистаго сада. На землѣ разостланъ неизмѣнный коверъ, на немъ достарханъ: московскія конфеты, мѣстныя сласти, печенья, кишмишъ, миндаль, а сверхъ сего сезонное угощенье—виноградъ, прелестнѣйшія дыни и свѣжіе, сочные персики. Насъ, усталыхъ, изнемогающихъ отъ жажды, сласти не прельщаютъ, но дыни и персики оказались какъ нельзя болѣе кстати. Главное же—чай. Сначала утолили жажду, а затѣмъ покончили съ обѣдомъ.

Въ Башъ-Чарбагъ насъ ждали посланцы кабадіанскаго бека: одинъ изъ его чиновниковъ—караулъ-беги, племянникъ и нѣсколько джигитовъ. Наша свита съ нетерпѣніемъ рвалась въ Кабадіанъ. По словамъ Миркары, кабадіанскій бекъ его хорошій пріятель, все равно, что родной братъ. Отсюда понятно его нетерпѣніе скорѣй добраться до Кабадіана. А нашимъ джигитамъ также улыбалось пребываніе въ городѣ у бека въ качествѣ его гостей. Однако больной былъ очень утомленъ утреннимъ переходомъ. И

хотя до Кабадіана оставалось всего около 10 вер., все-таки намъ пришлось заночевать въ Башъ-Чарбагѣ.

Въ путь тронулись на слѣдующій день рано утромъ. Прежде всего намъ предстояло переправиться черезъ Кафирниганъ-дарью. Это быстрая, мѣстами порожистая рѣчка съ живописными берегами. При Башъ-Чарбагъ она течетъ среди широкой долины, окаймленной съ обѣихъ сторонъ невысокими хребтами (фиг. 8). Переправа происходитъ на каюкѣ. Это большая, неуклюжая лодка въ родѣ нашихъ

Фиг. 8. Рѣчка Кафирниганъ-дарья при кишлакѣ Башъ-Чарбагъ.

паромовъ. Не легко было заставить лошадей войти въ нее. Каюкъ безъ веселъ и переправа на немъ совершается при помощи лошадиной тяги. На носу укрѣпляется веревка, другой конецъ которой привязанъ за гриву лошади, спеціально пріученной для такого рода работы. Одинъ изъ перевозчиковъ располагается на носу, онъ погоняетъ лошадь и управляетъ ею. Другой перевозчикъ стоитъ на кормѣ съ шестомъ въ рукахъ. Упираясь шестомъ о дно рѣчки, онъ правитъ каюкомъ. Такой способъ переправы здѣсь довольно удобенъ. Лошадь боль-

шую часть пути идетъ по дну и тащитъ за собою каюкъ. Вплавь тащить каюкъ ей приходится сравнительно немного—по срединѣ рѣчки.

Чиновникъ со своимъ джигитомъ не садились въ каюкъ, а переѣхали рѣку вбродъ значительно ниже нашей переправы.

Верстахъ въ 5 отъ Кабадіана насъ ждала встрѣча. Бекъ выслалъ другого своего племянника, любимаго, съ цѣлымъ штатомъ челяди. Сошли съ лошадей, обмѣнялись привѣтствіями, справились о здоровьѣ: они о нашемъ, а мы объ ихнемъ. И все это съ торжественной серьезностью. Затѣмъ сѣли на коней и поѣхали дальше всей кавалькадой. Кортежъ нашъ заключалъ въ себѣ свыше 20 всадниковъ. Пестрые халаты яркихъ, кричащихъ цвѣтовъ, бѣлыя чалмы, красивые кони, частію съ богатой сбруей—подъ ослѣпительными лучами яркаго солнца все это было скомпановано въ прекрасную картину оригинальнаго колорита. Сытые кони играли подъ всадниками, но больной нашъ еле держался въ сѣдлѣ и пришлось, туго натянувъ поводья, тащиться тихимъ шагомъ до самаго бекскаго двора.

Помѣщеніе для гостей расположено противъ воротъ крѣпости — резиденціи бека, какъ разъ у основанія того холма, на которомъ крѣпость построена. При помѣщеніи обширный дворъ, черезъ который, тихо журча, протекаетъ маленькій арыкъ. По срединѣ двора прудикъ. На дворѣ семь высокихъ чинаровъ широко раскидываютъ свои густолиственныя вѣтви. Хоромы для гостей не важныя. Это обычная въ Бухарѣ глинобитная постройка, сажени полторы высотою. Утрамбованный, глиняный полъ на аршинъ приподнятъ надъ почвою. Онъ устланъ коврами. Маленькія комнаты безъ оконъ съ однѣми дверями. Въ отведенной намъ комнатѣ роскошь: для русскихъ туря поставлены двѣ желѣзныхъ кровати, на нихъ европейскаго фасона подушки и вороха ватныхъ одѣялъ. Сверху постели прикрыты роскошными одѣялами изъ дорогой парчи и съ шелковой подкладкой. Роскошь обстановки идетъ и дальше кроватей. Въ комнатѣ столъ, настоящій, устойчивый, и четыре вѣнскихъ стула. Стулья ветхіе, но все—таки, если принять нѣкоторыя предосторожности, то на нихъ можно усидѣть.

На столѣ достарханъ и чай. Затѣмъ поданъ былъ до-

вольно вкусный обѣдъ. Очень скоро пришелъ и бекъ привѣтствовать „дорогихъ“ русскихъ гостей. Поговорили при помощи Ашура. Съ бекомъ появились бачи и устроили у насъ сеансъ своей пляски.

Фиг. 9. Кабадіанскій бекъ Абдулъ-Гани-Магометъ-Муратовъ, токсаба.

Бекъ—видный мужчина съ важной осанкой. Таджикъ. Открытое, симпатичное лицо съ правильными чертами (фиг. 9). Сильный брюнетъ. Черная, окладистая борода серебрится чуть замѣтной просѣдью. Для высокаго губернаторскаго званія онъ молодъ—всего 40 съ небольшимъ

лѣтъ. Бекство получилъ за нѣсколько мѣсяцевъ до нашего пріѣзда. Кабадіанское бекство на плохомъ счету. Оно очень бѣдное, состоитъ всего изъ трехъ амлякдарствъ (волостей). Обыкновенно оно служитъ началомъ бекской карьеры.

Въ Кабадіанѣ мы прожили четверо сутокъ и бекъ посѣщалъ насъ ежедневно по 2 и по 3 раза. Придетъ важной, степенной походкой, сядетъ на стулъ, или, по восточному, на полъ—ноги калачикомъ и глубокомысленно молчитъ. Изрѣдка перекинемся замѣчаніями. Выпьетъ чашки двѣ-три чая. И въ каждый его приходъ играли бачи.

Повидимому, наше присутствіе доставляло беку истинное удовольствіе. Миркара объяснилъ, что это дѣйствительно такъ. Молодой бекъ долженъ безвыходно жить въ своей крѣпости. Другіе въ такомъ положеніи развлекаются женами, а нашъ бекъ цѣломудренъ—жена у него только одна. Бачи для утѣхи имѣются, но часто пользоваться ими также опасно. Кругомъ шпіоны. Донесутъ кушъ-беги, представятъ болѣе легкомысленнымъ, чѣмъ подобаетъ лицу съ губернаторскимъ званіемъ—глядишь карьера и закончена. Ну, а если бачи играютъ для удовольствія важныхъ, русскихъ туря, такъ это никоимъ образомъ не можетъ служить упрекомъ для бека. И играли бачи, забавляя гостей, съ такимъ усердіемъ, что надоѣли намъ до тошноты. А бекъ сидитъ, умильно посматриваетъ на нихъ и, обращаясь къ намъ, приговариваетъ: „карошо".

Бача—значитъ вообще мальчикъ. Но кромѣ того это слово имѣетъ и спеціальное, ограничительное значеніе. Бачами называютъ мальчиковъ — профессіональныхъ плясуновъ. Бачи являются спеціальнымъ продуктомъ восточнаго, мусульманскаго міра, гдѣ женщина-затворница, гдѣ лицо женщины могутъ видѣть лишь мужчины, ей близкіе, гдѣ появленіе женщины въ публичномъ мѣстѣ среди мужчинъ абсолютно не допускается.

Бачи имитируютъ женщинъ: отпускаютъ длинные волосы, иногда одѣваются въ женское платье. Пляской и пѣніемъ они услаждаютъ правовѣрныхъ поклонниковъ пророка. Ихъ приглашаютъ на семейныя празднества, напр., на свадьбы. При публичныхъ торжествахъ нерѣдко бачи забавляютъ народъ на площадяхъ по распоряженію начальства—бековъ или даже самого эмира. Обычной резиденціей бачей служатъ чайныя — „чай-ханѐ". Бачи разносятъ

посѣтителямъ чай, принимаютъ ихъ любезности, а иногда даютъ сеансы своей пляски.

Однако, этими функціями, выполняемыми, такъ сказать, при дневномъ свѣтѣ, роль бачей не ограничивается. Ихъ сходство съ нашими рабынями веселья простирается и дальше. Бачи—это язва большихъ восточныхъ городовъ; едва ли меньшая той, какою является проституція для городовъ европейскихъ. Такого рода ненормальная жизнь вырабатываетъ изъ бачей особые типы. Въ нихъ не остается ничего мужского, они превращаются въ какихъ-то блудливыхъ бабенокъ.

Всѣ члены нашей свиты, начиная съ Миркара мирзабаши и кончая послѣднимъ джигитомъ, оказались страстными любителями бачей. У каждаго бека имѣются свои придворные бачи. И вотъ, когда мы во время нашего двухмѣсячнаго путешествія пріѣзжали къ какому либо беку, то Миркара обязательно просилъ послѣдняго прислать бачей въ помѣщеніе, отведенное для нашей свиты. Потому что, изволите-ли видѣть, русскій туря шибко любитъ бачей. Конечно, бекъ радъ былъ доставить своему гостю удовольствіе, бачи появлялись и Миркара съ Ашуромъ и джигитами блаженствовали.

О бачахъ мы много разспрашивали Ашура и чиновника. Но по ихъ отвѣтамъ выходило, что это довольно уважаемая профессія. Всякій по своему хлѣбъ добываетъ. Одинъ воздѣлываетъ рисъ, другой занимается ремесломъ, а вотъ бачи пляшутъ и поютъ и тѣмъ самымъ себя кормятъ и родителей поддерживаютъ. Народъ любитъ ихъ, да и нельзя обойтись безъ нихъ. Въ праздникъ или когда играютъ свадьбу, нужно же повеселиться. Призываютъ бачей и платятъ имъ большія деньги, до 30 руб. за вечеръ. Когда у бача выростаетъ борода, онъ бросаетъ свое занятіе, возвращается въ родительскій домъ продолжать дѣло отцовъ. Профессія бачей обыкновенно передается изъ рода въ родъ. Если отецъ въ свое время былъ бачей, то и дѣтей его въ большинствѣ случаевъ постигаетъ та же участь. Ничего худого въ занятіи бачей нѣтъ. А если болтаютъ про нихъ разное, такъ это пустяки.

Ашуръ имѣетъ единственнаго сына. Въ Самаркандѣ онъ приводилъ его къ намъ. Это хорошенькій, миловидный мальчикъ лѣтъ 12-ти. Послѣ защиты Ашуромъ профессіи бачей я и говорю: „что же ты не отдашь своего

сынишку въ бачи, хорошій бы бача вышелъ". Ашуръ вскипѣлъ отъ этихъ словъ; нужно было видѣть его негодованіе. Что бы онъ, Ашуръ Авасбаевъ, отдалъ своего сына въ бачи! Да вѣдь самый послѣдній нищій, который съ голоду умираетъ, и тотъ, если въ немъ осталось немного совѣсти, не сдѣлаетъ этого,

После такого казуса Ашуръ уже не отрицалъ темныхъ сторонъ профессіи бачей.

Въ Кабадіанѣ мы познакомились съ бачами впервые. У здѣшняго бека двое бачей (фиг. 10), а вмѣстѣ съ ними три музыканта. Одинъ изъ послѣднихъ является антрепре-

Фиг. 10. Бачи кабадіанскаго бека.

неромъ. Онъ обучилъ бачей ихъ искусству, подобралъ музыкантовъ и управляетъ всѣмъ предпріятіемъ. Къ сожалѣнію, не удалось выяснить, въ какихъ отношеніяхъ члены этой компаніи стоятъ къ своему антрепренеру. Бекъ даетъ имъ пріютъ и пропитаніе натурой. Кромѣ того, по временамъ награждаетъ подарками.

Кабадіанъ маленькій городишко даже по бухарскому масштабу. Собственно городского въ немъ ничего нѣтъ, это скорѣе большой кишлакъ. И бачей въ немъ мало. Бекскіе бачи являются единственными для всего города. Въ базарные дни они сидятъ въ чай-хане, угощая посѣ-

тителей чаемъ. Ихъ же приглашаютъ за плату болѣе зажиточные поселяне для своихъ семейныхъ празднествъ. Конечно, за бекомъ остается пріоритетъ, если бачи нужны ему, то они обязаны не принимать никакихъ приглашеній.

Бачи появлялись у насъ за часъ до прихода бека. Ихъ сейчасъ же окружали наши джигиты и люди бека. Приходили бачи въ мужскомъ костюмѣ, въ халатахъ и съ чалмой на головѣ. Длинные бабьи волосы подбирались подъ чалму. Одинъ изъ бачей значительно выше другого. Оба они уже въ возрастѣ. Высокому, вѣроятно, лѣтъ 19—20. Въ мужскомъ костюмѣ они юноши, какъ юноши, совсѣмъ недурные, но когда распустятъ волосы и обрядятся въ юбку, получается нѣчто для европейскаго глаза совсѣмъ несуразное. Особенно безобразенъ былъ въ такомъ костюмѣ высокій бача.

Для пляски бачи распускали волосы и наряжались въ женское платье. Мы видѣли много бачей въ другихъ городахъ. Часто они женскаго костюма совсѣмъ не одѣваютъ, но распусканіе длинныхъ волосъ обязательно встрѣчается у всѣхъ. Бачи бреютъ лишь незначительную часть головы, у нихъ бритая поверхность образуетъ небольшой клинъ, идущій отъ лба къ темени. Голова у кабадіанскихъ бачей покрывалась поверхъ распущенныхъ волосъ платкомъ, перехваченнымъ широкой лентой съ украшеніями изъ дешевенькихъ камней. На камзолъ надѣвали юбку и что-то въ родѣ душегрѣйки. Талія перехвачена поясомъ. На груди съ двухъ сторонъ приколоты побрякушки. На рукахъ и ногахъ широкіе, кожаные браслеты, также съ побрякушками (фиг. 11).

Ихъ танцы утомительно однообразны. Движенія вялы, жесты некрасивы, въ позахъ нѣтъ и тѣни изящества. Пускаясь въ плясъ, бачи встаютъ на носки босыхъ ногъ. Лѣвая нога держится прямо, въ вытянутомъ положеніи. На ней бача легонько подпрыгиваетъ въ тактъ музыкѣ. Правая нога согнута въ колѣнѣ, она въ тактъ же приставляется къ лѣвой ногѣ и отставляется отъ нея. Локти рукъ приподняты и отставлены въ стороны, они все время пляски держатся въ такомъ положеніи. А ладони въ тактъ приближаются къ лицу и удаляются отъ него. У одного изъ бачей получается при этомъ жестъ, копирующій разглаживаніе бороды. Основной мотивъ танцевъ исчерпывается этими несложными движеніями. Разнообразится онъ

нѣсколькими, столь же несложными, вставными нумерами. Въ нѣкоторыхъ, опредѣленныхъ и всегда одинаковыхъ моментахъ своей пляски бачи нѣсколько разъ ударяютъ въ ладоши. Значительно чаще они соединяютъ ладони, при-

Фиг. 11. Тѣ же бачи передъ пляской.

ставляютъ ихъ къ лицу и громко щелкаютъ въ тактъ музыкѣ пальцами. Прыганье замѣняютъ тѣмъ, что начинаютъ кружиться на одномъ мѣстѣ. Но кружатся всегда очень немного.

Шедевромъ пляски кабадіанскихъ бачей является слѣ-

дующій нумеръ. Бачи садятся на полъ. Ноги подбираютъ подъ себя и сидятъ на лѣвомъ колѣнѣ, а правую, согнутую въ колѣнѣ, ногу немного отставляютъ въ бокъ. Выпрямляютъ бюстъ и шею, и застывши въ этой позѣ, производятъ легкую, быструю дрожь всего бюста при совершенно неподвижной головѣ. Затѣмъ дрожь бюста смѣняется легкимъ, быстрымъ покачиваніемъ головы со стороны на сторону при полной неподвижности вытянутой шеи и всего корпуса.

Этотъ нумеръ всегда сопровождался выдающимся успѣхомъ. Глаза зрителей загорались маслянымъ блескомъ, ихъ взгляды впивались въ бачей, изъ устъ вырывались крики одобренія. Повидимому, описанныя движенія символизируютъ высшую степень сладострастія.

Танцы бачей описывались многими наблюдателями. Начитавшись этихъ описаній, я ожидалъ встрѣтить въ нихъ много грубо неприличнаго. Но мои ожиданія ни на волосъ не оправдались: съ точки зрѣнія приличій пляска кабадіанскихъ бачей положительно безукоризненна, ни одного двусмысленнаго жеста. Сама по себѣ эта пляска въ сравненіи съ нашими даже обычными, балетными танцами представляетъ верхъ цѣломудрія.

Свои танцы бачи сопровождаютъ пѣніемъ. Поетъ то одинъ изъ нихъ, то оба вмѣстѣ. Пѣсни тягучія, длинныя. Куплетъ за куплетомъ тянется утомительной вереницей, разсказывая о томъ, какъ юноша любилъ дѣвушку. Не простую дѣвушку, а знатную, богатую. Жила она въ Самаркандѣ, шелковыя рубашки для нея шили въ Ташкентѣ. Въ другой пѣснѣ изображается участь бачей. Участь завидная: ихъ любятъ, за ними ухаживаютъ, ихъ всѣ знаютъ въ городѣ и окрестностяхъ; но, увы, все это быстро кончается: „Аллахъ бачу накажетъ, когда у него выраcтетъ борода, никто на него больше не взглянетъ".

Музыкантовъ было трое. Одинъ изъ нихъ игралъ на *дуторъ*, а двое на *дойра*. Дойра—это широкій обручъ, съ одной стороны обтянутый кожей, противоположные края его изнутри покрыты рядомъ желѣзныхъ колечекъ. Музыкантъ держитъ дойра въ лѣвой рукѣ, основаніемъ правой ладони онъ ударяетъ по обручу, а пальцами выдѣлываетъ дробь на шкурѣ. Дуторъ—инструментъ струнный. Его форма такова: представьте себѣ дыню средней величины, разрѣжьте ее пополамъ, и къ пріостренному концу

половинки прикрѣпите длинную ручку такъ, чтобы она лежала въ плоскости разрѣза и являлась бы продолженіемъ длинной оси дыни. На дуторъ натянуты двѣ нитяныя струны, которыя перебираются пальцами.

Дуторъ часто замѣняется другимъ инструментомъ—*томбра*. Это тотъ же дуторъ, но только съ маленькой ручкой.

Во время танцевъ музыканты поютъ, аккомпанируя себѣ на описанныхъ инструментахъ. Когда же затягиваютъ пѣсню бачи, они смолкаютъ и только послѣ каждаго куплета тянутъ припѣвъ, кажется, всегда одинъ и тотъ же. Русскій переводъ его таковъ: „это правда, это было".

Пѣніе не такъ ужъ плохо. А одинъ изъ музыкантовъ, тотъ, что играетъ на дуторъ, положительно артистъ. Поетъ съ большимъ темпераментомъ, пѣніе сопровождаетъ оживленной мимикой. Особенно съ сильнымъ воодушевленіемъ онъ пѣлъ одну пѣсенку, приводя въ неописуемый восторгъ всѣхъ своихъ слушателей. Ашуръ долго подъ разными предлогами отказывался перевести мнѣ слова этой пѣсенки. Оказалась пѣсня, въ печати не передаваемая.

На представленіяхъ бачей въ присутствіи бека публика вела себя чинно. Важно возсѣдалъ самъ бекъ на коврахъ, разостланныхъ на полу; рядомъ съ нимъ, также развалившись на полу, располагались мы и нашъ Миркара мирзабаши, съ нами былъ и Ашуръ. Это—группа первая, почетная. Задній планъ занимала вторая группа: наши джигиты и чиновники, они же прислуга бека. Наконецъ, еще дальше, на вершинѣ заборовъ, лѣпились представители подначальнаго беку населенія. Тутъ были всѣ возрасты, отъ малыхъ ребятишекъ до сѣдобородыхъ старцевъ. И первая и вторая группа угощались чаемъ. Намъ подавали чай по-европейски—каждому свой стаканъ. Остальные, кромѣ бека, пили по-туземному. Бекъ же пилъ и по-европейски и по туземному. Туземное населеніе средней Азіи употребляетъ почти исключительно зеленый чай („кокъ-чай") и обыкновенно пьютъ его безъ сахара изъ плоскихъ фарфоровыхъ чашекъ безъ блюдечекъ. Характерную особенность здѣшняго чаепитья составляетъ то обстоятельство, что каждому отдѣльной чашки не подается. Всѣ, пьющіе чай въ одной группѣ, пользуются общей чашкой. Послѣдняя переходитъ отъ одного изъ угощающихся къ другому.

Бачи прыгали передъ нами, обливаясь потомъ, а мы пили чай и наслаждались созерцанiемъ ихъ пляски. Время отъ времени Гафаръ и Кадыръ подносили чаю и бачамъ. Совсѣмъ, какъ галантные кавалеры! Бача останавливался, принималъ чашку, отхлебывалъ и, играя глазами, возвращалъ ее подавшему. А кавалеръ съ наслажденiемъ допивалъ остатки.

Въ отсутствiи бека чинность падала. Публика оживлялась, слышались шутки, смѣхъ. Бачей обнимали, разглаживали имъ волосы, цѣловали.

Въ первый день нашего пребыванiя въ Кабадiанѣ бекъ посѣтилъ насъ трижды. Мы преподнесли ему маленькiй подарокъ: три красивыхъ аллюминiевыхъ чашки съ блюдечками, зеркальце въ никкелевой оправѣ, два флакона духовъ. Все это поставили на узорчатый подносъ и вмѣстѣ съ подносомъ передали ему.

На другой день условились заняться фотографированiемъ бека и бачей. Бекъ согласился на фотографированiе съ большою готовностью, только поставилъ условiемъ, чтобы бачей снимать отдѣльно отъ него. На одной карточкѣ съ бачами беку быть не пригоже.

Утромъ слѣдующаго дня бекъ явился къ намъ въ полномъ парадѣ. На немъ былъ великолѣпнѣйшiй халатъ изъ золотой парчи, перехваченный широкимъ поясомъ съ позолоченными металлическими бляхами. На груди приколотъ орденъ Станислава 3-й степени, а на шеѣ виситъ большая серебряная медаль. Фигура очень внушительная.

Усадилъ я его, сфотографировалъ сначала одного, а затѣмъ вмѣстѣ съ племянниками. Разсказалъ, какъ фотографируютъ. Показалъ изображенiе предметовъ на матовомъ стеклѣ—бекъ очень заинтересовался. Просилъ прислать его портретъ.

На третьи сутки мы были приглашены обѣдать въ аппартаменты бека. Помѣщается бекъ въ крѣпости, расположенной на маленькомъ искусственномъ холмикѣ. Вершина послѣдняго обнесена толстой стѣною, сложенной изъ сырой глины. Стѣна разбита трещинами, во многихъ мѣстахъ покривилась и обвалилась. Крѣпость далеко не грознаго вида (фиг. 12). Внутрь ведутъ узкiя, покривившiяся ворота, по сторонамъ которыхъ высятся двѣ круглыхъ башенки съ развалившимися вершинами. Въ воротахъ по бокамъ устроены лежанки, покрытыя циновками.

Передъ воротами крѣпости утрамбована четыреугольная площадка. Она съ трехъ сторонъ обнесена низенькой, глинобитной стѣнкой и покрыта двускатнымъ навѣсомъ.

Для нашей встрѣчи передъ воротами, въ воротахъ и во дворѣ въ два длинныхъ ряда шпалерами выстроилась многочисленная челядь бека. Бекъ встрѣтилъ насъ въ воротахъ и провелъ въ пріемный покой. Это небольшая, обычная комната съ глиняными стѣнами и поломъ. Полъ устланъ дорогими коврами. Въ стѣнахъ устроены глубокія ниши. Между нишами висятъ три старыхъ ружья. Передъ комнатой на дворѣ терраса.

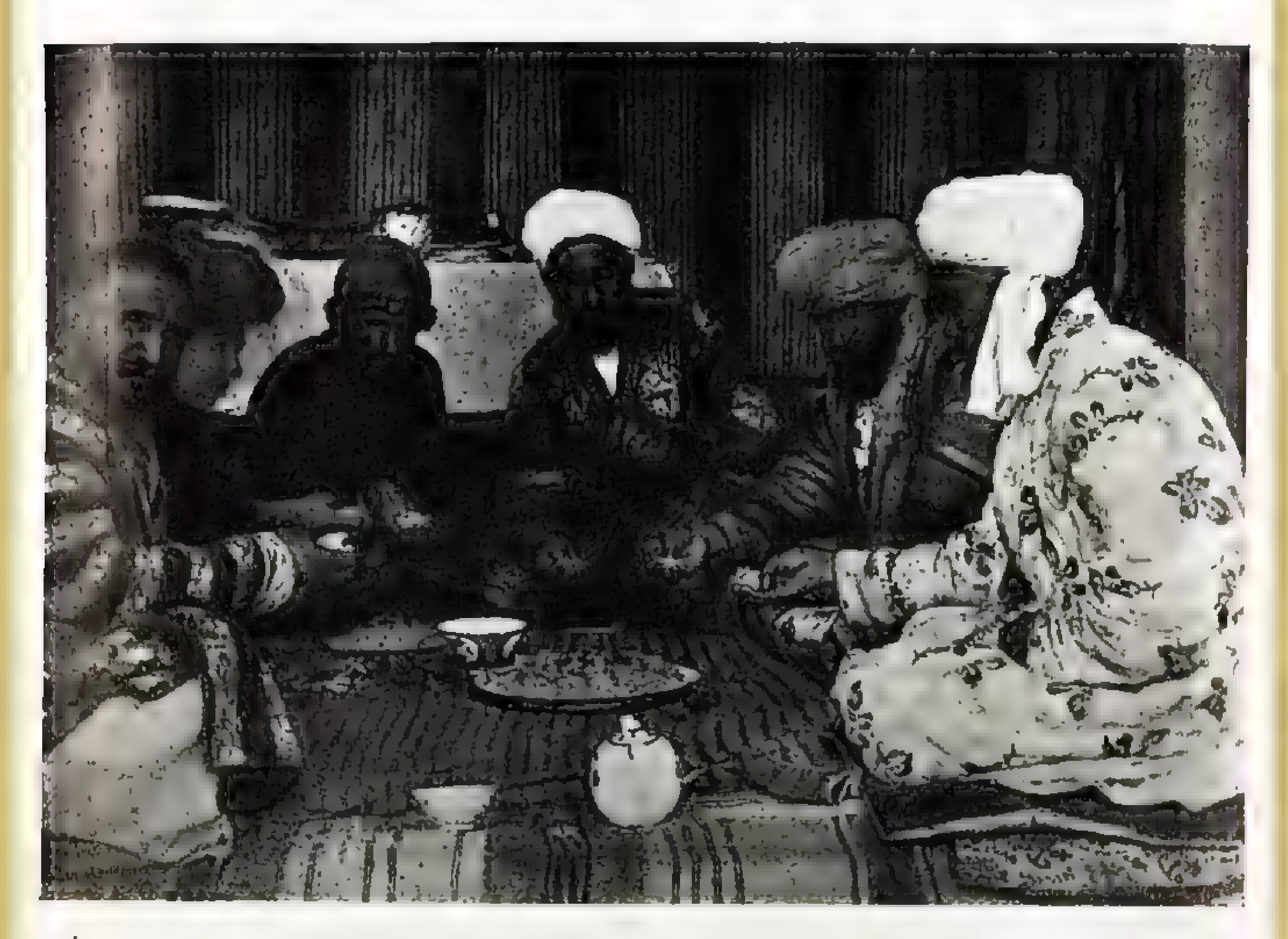
Фиг. 12. Крѣпость въ Кабадіанѣ.

Въ крѣпости ни одного деревца, нѣтъ и арыка. Жаркое солнце накаляетъ глиняныя стѣны, наполняя всю крѣпость нестерпимымъ зноемъ. Бекъ живетъ здѣсь, какъ въ тюрьмѣ, никуда не отлучаясь. Его удовольствіе по случаю нашего пріѣзда становилось вполнѣ понятнымъ.

Обѣдъ для насъ сервированъ по-европейски: ложки, ножи, вилки, тарелки—все, какъ быть надлежитъ. Даже салфетки поданы, скроенныя изъ туго накрахмаленнаго бѣлаго коленкора. За столъ насъ сѣло четверо: я съ товарищемъ, бекъ и Миркара. Ашуръ стоитъ сбоку для поддержанія разговора.

Передъ обѣдомъ предложенъ дессертъ: разнообразное печенье и конфеты, какъ русскихъ фабрикъ, такъ и туземнаго приготовленія. На первое поданъ „каурдакъ“:

мелкіе куски баранины, зажаренные на маслѣ, перемѣшаны съ кусками лепешки и съ картофелью. Все сдобрено вкуснымъ соусомъ. На второе куриный борщокъ съ помидоромъ. На третье — пельмени. Бекъ объяснилъ, что это по-ихнему самое вкусное блюдо. Четвертое—„палау", безъ котораго не обходится ни одинъ порядочный обѣдъ. Это рисъ, сваренный въ маслѣ или салѣ вмѣстѣ съ кусками

Фиг. 13. Бухарцы за обѣдомъ, кушаютъ палау.

баранины. Обѣдъ заключили сладкой дыней и сочнымъ, крупнымъ виноградомъ.

Всякое блюдо съ нашего стола поступало въ прихожую. Здѣсь располагались племянники бека и болѣе почетные изъ его прислуги. Тутъ уже господствовала настоящая азіатчина. Блюдо ставилось на разостланную на полу скатерть. Вокругъ него, поджавши ноги, размѣщались обѣдающіе. Ни вилокъ, ни ложекъ—грязныя пятерни съ удобствомъ замѣняли эти мелочи цивилизаціи (фиг. 13).

Какъ они справились съ борщомъ, я не видалъ. Вѣроятно припадали губами къ краямъ чашки—и вся не долга.

Безъ бачей и здѣсь не обошлось. Пока мы обѣдали, они пѣли и прыгали на террасѣ. Послѣ обѣда немного поболтали. Провожая, бекъ подарилъ намъ нѣсколько отрѣзковъ мѣстной шелковой матеріи.

Несмотря на все радушіе бека, жизнь у него въ гостяхъ начинала сильно тяготить. Время шло. Становилось яснымъ, что намѣченныя задачи экспедиціи въ полномъ объемѣ не могутъ быть выполнены. Дальнѣйшее промедленіе еще больше ухудшало положеніе дѣла. Нужно было торопиться въ дорогу. Больной оправился не совсѣмъ, но чувствовалъ себя значительно лучше. На пятый день рѣшили оставить гостепріимный Кабадіанъ.

Выѣхали рано утромъ. Самъ бекъ пришелъ насъ проводить. Наговорили другъ другу комплиментовъ. Разстались, „какъ братья". Выѣхали цѣлымъ караваномъ съ многочисленными провожатыми. Часть послѣднихъ выѣзжала только за городъ, откуда, простившись, возвратилась назадъ. А остальные конвоировали насъ до границы Кабадіанскаго бекства.

VIII.

Переправа черезъ Вахшъ. — Золотопромышленники.—Долина Вахша.—Въ Курганъ-тюбе.—Дорога въ Сангъ-туда и Саръ-газанъ.—Сборъ хераджи.— Беки и ихъ чиновники.—Въ Кулябѣ.—Дорога къ Пянджу.

Нашъ путь лежалъ къ востоку, на переправу черезъ рѣку Вахшъ, находящуюся близъ кишлака Джили-куль. Дорога пересѣкала почти равнинную, слабохолмистую мѣстность. Отдохнувшіе кони бодро шли по мягкой тропинкѣ съ пологими подъемами и спусками. Къ полудню мы были на Вахшѣ. Вахшъ, сливаясь съ Пянджемъ, образуетъ Сыръ-Дарью, — крупнѣйшую рѣку Средней Азіи. Нѣсколько сѣвернѣе Курганъ-тюбе Вахшъ выходитъ изъ области горъ на равнину, преобразуясь изъ стремительной, бурной, горной рѣчки въ болѣе спокойную, равнинную рѣку. Ко времени нашего проѣзда періодъ половодья окончился и Вахшъ вошелъ въ свои берега. Ширина его при Джили-куль всего около 200 саж. Теченіе очень быстрое. Вода грязно-бураго цвѣта, несетъ массу мути. Какъ будто передъ вами не рѣчка, а грязевой потокъ катитъ свои черныя струи. Въ половодье Вахшъ разливается широко.

Переправлялись на каюкѣ малоудобномъ (фиг. 14). Онъ довольно узокъ и потому лошади помѣстились въ немъ съ трудомъ, а отъ ихъ малѣйшаго движенія каюкъ сильно покачивался. Трехъ изъ нашихъ лошадей приспособили для тяги. Къ ихъ гривамъ были привязаны веревки, противоположными концами укрѣпленныя къ носу каюка. Каюкчи, сидя на носу, направлялъ и погонялъ ихъ длиннымъ шестомъ. Непривычные къ такой работѣ кони вначалѣ упрямились, но затѣмъ быстро переплыли Вахшъ, доставивъ насъ на лѣвую его сторону. Переправа была легкая и ничуть не опасная. Однако наши джигиты, не

Фиг. 14. Переправа черезъ Вахшъ.

видавшіе большихъ рѣкъ, сильно перетрусили. Лишь бывалый Ашуръ держался невозмутимо, даже пѣсенку мурлыкалъ во время переправы.

На лѣвомъ берегу Вахша встрѣтилась партія золотопромышленниковъ: три босоногихъ туземца въ рваныхъ халатахъ, надѣтыхъ на голое тѣло, работаютъ около своего золотопромывательнаго станка. Всѣ приспособленія для работъ и самыя работы отличаются крайней примитивностью (фиг. 15). Небольшой плетень изъ ивовыхъ прутьевъ, длиною въ 6 и шириною въ 5 четвертей, кладется плашмя на низенькія подставки изъ камней. Подъ плетнемъ поверхность почвы утрамбована въ видѣ плоскодоннаго желоба съ слабымъ наклономъ по длинѣ. По выходѣ желоба изъ-подъ плетня наклонъ его увеличенъ. На эту поверхность подъ плетнемъ постлана гладкая кожа. Она на полъ-аршина длиннѣе плетня. Нижняя поверхность

послѣдняго приподнимается надъ нею всего вершка на три. Болѣе покатая часть поверхности желоба покрыта бараньей шкуркой съ коротко остриженной шерстью. Поперекъ нея проведенъ рядъ параллельныхъ надрѣзовъ такимъ образомъ, что получается ступенчатая, шероховатая поверхность. Длина шкурки всего 5 четвертей. Стелется она такъ, чтобы струя воды, стекающая по желобу, шла противъ шерсти. Золотосодержащей породой служитъ наносъ Вахша, состоящій изъ смѣси галекъ и песка. Его

Фиг. 15. Промывка золота на берегу р. Вахша.

берутъ по спадѣ водъ съ поверхности заливной равнины. Породу накладываютъ на плетень. Одинъ изъ рабочихъ при помощи черпалки поливаетъ ее водою. Мелкія части породы смываются, проходятъ въ отверстія плетня и падаютъ на гладкую кожу. Струя воды двигаетъ ихъ внизъ по наклону желоба. При этомъ легкая муть, легкія песчинки уносятся за предѣлы желоба, а болѣе тяжелые обломки, и въ томъ числѣ золотинки, удерживаются шероховатой поверхностью шкурки. Вся же крупная галька остается на плетнѣ. Послѣ достаточной промывки ее сбра-

сываютъ и кладутъ на плетень новую порцію золотосодержащей породы. Послѣ дневной работы шкурку осторожно снимаютъ и переносятъ въ широкую, плоскую, деревянную чашку. Здѣсь ее тщательно промываютъ такимъ образомъ, чтобы все золото, задержанное на ея поверхности, перешло въ чашку. Отдѣленіе золота отъ мути и песчинокъ заканчивается осторожнымъ промываніемъ въ чашкѣ.

Работа ведется неторопливо. Медленно накладываютъ породу на плетень. Черпальщикъ лѣниво беретъ свой черпакъ, не спѣша погружаетъ его въ Вахшъ, плавно доноситъ до станка и здѣсь потихоньку опрокидываетъ, жмурясь на яркое солнце. Добыча богатствомъ не поражаетъ. Я посѣтилъ золотопромышленниковъ около часа дня. Все золото, намытое за полдня на поверхности шкурки они уступили мнѣ за 15 теньговъ (2 р. 25 к.). Но и это была очень красная цѣна, такъ какъ золота оказалось значительно меньше полъ-золотника. Конечно, при столь примитивной промывкѣ, много золота теряется.

По словамъ Джили-кульскаго амлякдара, на Вакшѣ работаютъ еще нѣсколько золотопромышленныхъ партій, каждая въ 4—5 человѣкъ. Всѣ они работаютъ на одного подрядчика—богатаго сарта. По зимамъ, когда Вахшъ покрывается льдомъ, они переносятъ свою дѣятельность въ долину незамерзающаго Пянджа. Добыча золота сдается черезъ бековъ въ казну эмира по особой расцѣнкѣ.

Отъ золотопромышленниковъ проѣхали въ Джиликуль, гдѣ и заночевали. Здѣшній амлякдаръ, сынъ Курганътюбинскаго бека, угостилъ насъ жигулевскимъ пивомъ. Оказывается, въ Джили-кулѣ поселился армянинъ, ведущій мелкую торговлю; между прочимъ, онъ торгуетъ и пивомъ, конечно, тайно отъ властей и духовныхъ лицъ. Но тайна эта довольно прозрачна. Армяне-торговцы попадались намъ и въ другихъ пунктахъ горной Бухары. У нихъ постоянно оказывался запасъ пива или водки.

На слѣдующій день, 15 августа, отправились къ сѣверу—въ Курганъ-тюбе. Прекрасная, равнинная дорога идетъ широкой долиной Вахша. Долина прорѣзана арыками, большею частью однако заброшенными, и представляетъ много удобствъ для осѣдлаго, земледѣльческаго населенія. Несмотря на это, въ настоящее время заселена она весьма слабо. Особенно бросается въ глаза обиліе не-

давно заброшенныхъ, полуразвалившихся саклей. Въ Курганъ-тюбе при разговорѣ съ бекомъ я, указывая на эти покинутыя сакли, освѣдомился о причинахъ такого явленія. Бекъ считаетъ его слѣдствіемъ холеры, нѣсколько лѣтъ тому назадъ посѣтившей край. Многія семьи тогда совершенно вымерли. Другія же бросили свои сакли и поля и въ паническомъ бѣгствѣ искали спасенія отъ страшной болѣзни. Но, повидимому, это объясненіе не вполнѣ правильно. Ашуръ и чиновникъ настаивали на другой версіи. По ихъ словамъ, Курганъ-тюбинскій бекъ очень жаденъ, сильно обижаетъ народъ. Отъ его правленія жители и разбѣжались. Многіе ушли на афганскую сторону, а остальные разошлись по другимъ бекствамъ.

У высшихъ, правящихъ сферъ Бухары Курганъ-тюбинскій бекъ также на плохомъ счету. Онъ уже старикъ, довольно давно состоитъ бекомъ, но дальше Курганъ-тюбинскаго бекства его не пускаютъ. А послѣднее такъ же мало и бѣдно, какъ и сосѣднее Кабадіанское. Нашъ Миркара мирза-баши всѣ эти обстоятельства учелъ и безцеремонно использовалъ. Не прошло и получаса, какъ мы въѣхали въ предназначенное для насъ помѣщеніе и усѣлись за достарханомъ, а онъ уже поднялъ скандалъ на все бекство: лошадямъ эмировыхъ гостей не дали попонъ. Однако, бекъ не растерялся, онъ ловко парировалъ ударъ Миркара тѣмъ, что самъ вскипѣлъ негодованіемъ и набросился на прислугу, приставленную для ухода за нами. „Этакіе нерадивые—повѣсить ихъ мало". Попоны явились въ ту же минуту. Миркара замолчалъ, но не сдался. Къ ночи онъ нашелъ, что ячмень лошадямъ данъ плохой, да къ тому же не во-время. А затѣмъ Ашуру, самому Ашуру—переводчику русскаго туря, не постлали одѣяла. Это окончательно вывело изъ себя ретиваго чиновника и онъ безъ обиняковъ напустился на бека, грозя обо всѣхъ его безобразіяхъ доложить Кушъ-беги.

На слѣдующее утро приближенные бека долго умасливали Миркару. Лишь къ полудню къ нему возвратилось его обычное, веселое настроеніе.

Курганъ-тюбе маленькій городишко, сильно загрязненный различными отбросами. Въ немъ базаръ съ невылазной грязью и грязная крѣпость. Послѣдняя построена на холмѣ. Глинобитныя стѣны ея мѣстами обвалились, мѣстами покривились на бокъ и ежеминутно грозятъ паде-

ніемъ. Въ городѣ и окрестностяхъ свирѣпствуетъ малярія.

Утромъ бекъ прислалъ съ визитомъ своего сынишку, лѣтъ восьми-десяти. Одѣтый, какъ взрослый—въ халатѣ и чалмѣ, онъ съ важной серьезностью усѣлся на коврѣ, чинно выпилъ стаканъ чая, погрызъ орѣховъ и затѣмъ юркнулъ изъ-за стола на дворъ побѣгать. Мы ему подарили компасъ-брелокъ и зажигательное стекло. Послѣднее очень ему понравилось. Онъ съ нимъ ходилъ и все пробовалъ его дѣйствіе. Подойдя незамѣтно сзади къ одному изъ сопровождавшихъ его чиновниковъ—людей бека, онъ прожегъ насквозь его великолѣпную, бѣлую, шелковую чалму. Миркара замѣтилъ, что такъ дѣлать нехорошо.

Фиг. 16. Вахшъ передъ выходомъ изъ горной области.

Но мальченка не смутился: „чтожъ, говоритъ, чалма не его, отецъ ему подарилъ, подаритъ и еще“. Немного погодя и самъ бекъ почтилъ насъ своимъ посѣщеніемъ. Посидѣли, перекинулись нѣсколькими фразами; поднесли ему въ подарокъ аллюминевые бокалы. Обѣдали у бека совсѣмъ по-европейски. За обѣдомъ пили фруктовый квасъ самарскихъ заводовъ. При разставаніи бекъ одѣлилъ нашихъ людей: джигитамъ выслалъ теньги, завернутой въ бумажку, Ашуру подарилъ дешевенькій халатъ.

Утромъ 17 августа отправились дальше къ сѣверо-востоку, вверхъ по Вахшу. Верстъ черезъ десять отъ Курганъ-тюбе равнина кончается, мѣстность пріобрѣтаетъ горный характеръ. Вахшъ, стянутый горными массивами (фиг. 16), становится болѣе узкимъ, его русло мѣстами

загромождено обломками скалъ, образующихъ пороги, при которыхъ рѣчка бурлитъ и клокочетъ, высоко подбрасывая пѣнистыя гребни своихъ струй. Дорога здѣсь довольно хорошо обработана, не представляетъ никакой опасности и въ то же время весьма живописна. Она то поднимается на прибрежныя скалы и идетъ по красивымъ карнизамъ, то спускается внизъ, почти къ уровню бѣшеной рѣчки. Заночевали въ маленькомъ кишлачишкѣ Сангъ-туда. У товарища повторился приступъ малярiи, температура поднялась свыше 40 градусовъ. Слѣдующiя сутки пришлось просидѣть безъ дѣла. Положенiе осложнилось тѣмъ, что въ бѣдномъ кишлачишкѣ нельзя было найти достаточно провизiи ни для себя, ни для лошадей.

19 августа потащили больного дальше. Положенiе его не улучшалось. Чувствовалась необходимость въ предоставленiи ему продолжительнаго отдыха. Посему мы рѣшили, что больной отправится въ Бальджуанъ и тамъ, пользуясь гостепрiимствомъ Бальджуанскаго бека, будетъ ждать меня. Я же проѣду черезъ Кулябъ на Пянджъ и оттуда поворочу на Бальджуанъ.

Изъ Сангъ-туда направились къ востоку. Дорога пересѣкаетъ нѣсколько невысокихъ хребтиковъ съ пологими спусками и подъемами и выходитъ къ широкой долинѣ, на которой расположены два-три кишлака и множество юртъ (фиг. 17). Въ долинѣ прекрасныя пастбища, на нихъ пасутся большiя стада рогатаго скота, табуны лошадей, косяки верблюдовъ. Особенно привольно здѣсь скотоводамъ весною.

Заночевали въ Саръ-газанъ. Утромъ раздѣлились: я со своей свитой продолжалъ путь на востокъ, а больной отправился къ сѣверу—въ Бальджуанъ. Съ нимъ поѣхалъ Гафаръ и одинъ изъ чиновниковъ Бальджуанскаго бека, случайно бывшiй въ Саръ-газанъ. Разставанiе было грустное. Не хотѣлось товарищу отставать отъ экспедицiи, но дѣлать было нечего—пришлось покориться судьбѣ. Условились поддерживать сношенiя перепиской, отправляя письма съ нарочными.

Мой путь шелъ гористой мѣстностью, пересѣкая нѣсколько высокихъ хребтовъ. Вершины и скалы горъ одѣты покровомъ лёсса, ихъ склоны закруглены и изрѣзаны большимъ количествомъ овраговъ. Въ горахъ часто попадаются юрты по одиночкѣ и группами. Онѣ ютятся

вблизи ручейковъ, на площадкахъ, увѣнчивающихъ горные выступы, въ расширенныхъ мѣстахъ горныхъ ущелій, на вершинахъ холмиковъ и на всякомъ мало-мальски подходящемъ мѣстѣ. Части склоновъ, покрытыя лёссомъ, сплошь воздѣланы подъ посѣвъ хлѣбныхъ злаковъ, а мѣстами попадались бахчи съ арбузами и дынями. Обработанныя площадки нерѣдко лѣпятся на весьма крутыхъ косогорахъ и удивительно, какъ можно производить на нихъ работы. Въ Бальджуанскомъ бекствѣ земель, орошаемыхъ арыками, мало. Большинство же пашни относится къ богарнымъ

Фиг. 17. Долина Саръ-газанъ.

землямъ, расположеннымъ на горахъ и лишеннымъ искусственнаго орошенія.

При нашемъ проѣздѣ хлѣбъ былъ убранъ и шла молотьба. Въ горахъ встрѣтился амлякдаръ съ аксакалами: онъ былъ занятъ сборомъ десятой части урожая.

√ Въ Бухарѣ однимъ изъ главныхъ сборовъ служитъ „хераджа“, представляющая поземельный налогъ, взимаемый въ видѣ опредѣленной части урожая. Этотъ налогъ неоднообразенъ. Величина его находится въ зависимости и отъ качества земель и отъ способа владѣнія. Земли орошаемыя отдаютъ въ эмирову казну большую часть урожая, чѣмъ земли богарныя. Земли „мюлькъ“, предста-

вляющія частную собственность, обложены въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ земли „амлякъ", — земли эмировыя, находящіяся у жителей какъ бы въ арендномъ пользованіи. Хераджа колеблется отъ одной четверти до одной десятой урожая. Взимается она частью натурой, частью деньгами. Налогъ этотъ и самъ по себѣ очень тягостенъ для народонаселенія. Но способъ взысканія увеличиваетъ тяготу его еще болѣе. Когда хлѣбъ снятъ, по амлякдарствамъ разсылаются особые мелкіе чиновники — „даруга", состоящіе при амлякдарахъ. Даруга обязаны слѣдить, чтобы какая-либо часть урожая не ускользнула отъ обложенія. Съ этой цѣлью они устанавливаютъ строжайшій надзоръ за сборомъ урожая: наблюдаютъ за молотьбой, караулятъ обмолоченный хлѣбъ, опечатываютъ сложенное зерно. Когда работа окончена и все зерно собрано, выѣзжаютъ амлякдары. Обозрѣвая сборъ, они тутъ же, на мѣстѣ глазомѣрно опредѣляютъ количество собраннаго зерна. Глазомѣръ у амлякдаровъ хорошій, сумму сбора онъ всегда опредѣляетъ съ изряднымъ походцемъ. Хозяинъ урожая обычно споритъ, иногда для рѣшенія спора приглашаются третьи лица. Но всегда въ конечномъ счетѣ у амлякдара получается значительный выигрышъ. Послѣдній идетъ не эмиру, а остается у мѣстной администраціи: у амлякдаровъ и бековъ. Это ихъ доходъ, ихъ кормежка.

Встрѣченный амлякдаръ благодушествовалъ; сборъ шелъ успѣшно. Очень миролюбиво и оживленно побесѣдовалъ онъ съ нашимъ чиновникомъ. Присѣли мы къ нему, попили чайку, угостились сочнымъ арбузомъ и отправились дальше. Къ вечеру спустились въ долину Кызылъ-су при кишлакѣ Гульбагъ. Долина широкая, хорошо орошена арыками и густо заселена. Въ ближайшихъ окрестностяхъ Гульбага насчитывается до 500 юртъ. Между тѣмъ, сравнительно недавно здѣсь все населеніе было представлено не болѣе, какъ 30 юртами. Приростъ произошелъ лѣтъ 5—6 тому назадъ, когда масса афганцевъ, гонимыхъ притѣсненіями своихъ бековъ, перешли на Бухарскую сторону и тутъ осѣли. Такія передвиженія отъ афганцевъ въ Бухару и изъ Бухары къ афганцамъ до послѣдняго времени происходили нерѣдко.

Переночевавъ въ Гульбагѣ, утромъ двинулись въ Кулябъ. На дорогѣ, верстахъ въ 12 отъ Куляба, насъ ожидала встрѣча, высланная Кулябскимъ бекомъ. Кулябъ-

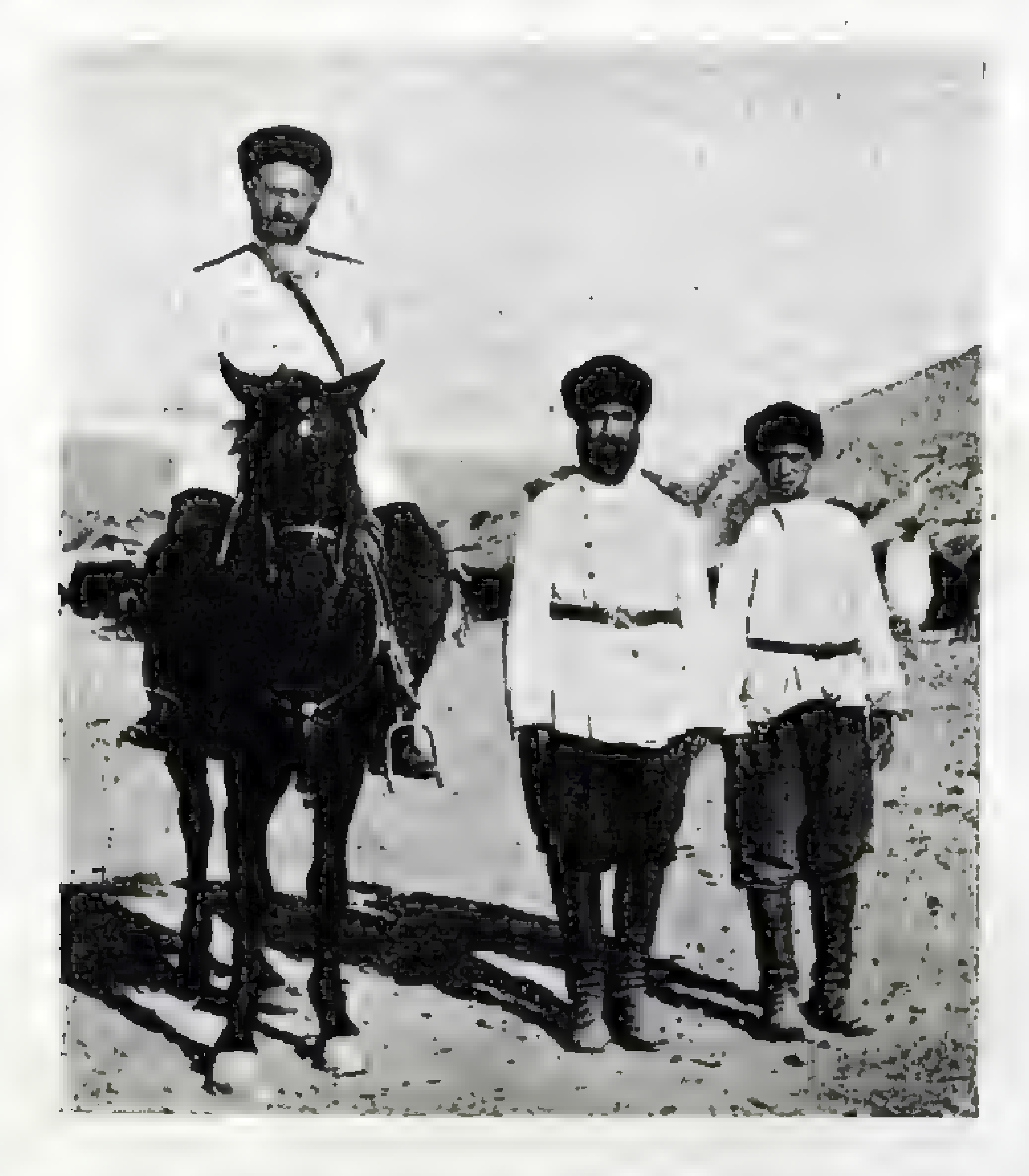
городокъ значительно большій, чѣмъ Кабадіанъ и Курганъ-тюбе. Кулябское бекство состоитъ изъ 9 амлякдарствъ, тогда какъ въ бекствахъ Кабадіанскомъ и Курганъ-тюбинскомъ всего только по три амлякдарства. Соотвѣтственно этому Кулябскій бекъ занимаетъ болѣе высокое положеніе на лѣстницѣ Бухарской іерархіи.

Бухарское ханство раздѣлено на 27 бекствъ, во главѣ которыхъ стоятъ беки, подчиненные высшему бухарскому правительству. Бекства въ ихъ теперешнемъ видѣ представляютъ административныя единицы, аналогичныя нашимъ губернаторствамъ. Но сравнительно недавно, еще въ половинѣ прошлаго столѣтія, они являлись мелкими, полусамостоятельными владѣніями, во главѣ которыхъ стояли наслѣдственные правители. Послѣдніе вели безконечныя междуусобныя войны. Порою тотъ или иной правитель усиливался на счетъ сосѣднихъ, сплачивалъ ихъ подъ своимъ главенствомъ и объявлялъ себя самостоятельнымъ или шелъ войной на самоё Бухару. Въ настоящее время наслѣдственность бековъ совершенно уничтожена. Всѣ беки назначаются и увольняются эмиромъ. Самыя бекства по величинѣ и богатству очень разнообразны. Наименьшее состоитъ всего изъ двухъ бѣдныхъ амлякдарствъ, а въ наибольшемъ число послѣднихъ доходитъ до 20. Амлякдарство можно сравнить съ нашими волостями. Во главѣ ихъ стоятъ амлякдары, назначаемые и увольняемые бекомъ. При бекахъ состоитъ многочисленный штатъ чиновниковъ и приближенныхъ—„махрама". „Махрама"—это специфическій институтъ, не то прислуга, не то чиновники, или, лучше сказать, и то и другое вмѣстѣ. Въ сущности, всѣ эти должности продажны. Чтобы получить бекство, необходимо одарить приближенныхъ эмира, или кушъ-беги. Амлякдарства почти открыто продаются. При смѣнѣ бека амлякдары и вся эта чиновная челядь также лишаются мѣстъ. Новый бекъ нужныхъ людей привозитъ съ собою. Болѣе лакомыя мѣста отдаетъ своей роднѣ. Сыновья, зятья, братья, любимые племянники пристраиваются амлякдарами. Болѣе отдаленная родня назначается въ тѣ или иные чиновники. Остатки должностей получаютъ другіе приближенные, съумѣвшіе сыскать или купить расположеніе бека.

Въ разговорахъ съ беками я указывалъ на неудобства такого порядка смѣны служилыхъ людей. Беки искренне

удивлялись моей точкѣ зрѣнія, они совершенно не могли себѣ представить, что можно управлять съ „чужими людьми".

Вся эта армія, начиная отъ бека и кончая простымъ нукеромъ (въ родѣ нашего стражника), отъ государства не получаетъ никакого вознагражденія, а сама „кормится" отъ своего дѣла, т. е., отъ тѣхъ обывателей, съ которыми по дѣлу службы приходитъ въ соприкосновеніе. Отсюда

Фиг. 18. Токсаба (подполковникъ) и солдаты въ Бальджуанѣ.

страшно тяжелое положеніе обывателя бухарца. Всѣ и вся тащутъ съ него, елико возможно.

Въ бекствахъ бекъ не единственный хозяинъ. Въ каждомъ бекствѣ имѣется еще казій, который беку не подчиненъ. Казій — выполняетъ функціи юридическихъ учрежденій: онъ — судья и нѣчто въ родѣ нотаріуса, въ то же время онъ является въ роли жандарма-охранника, обязаннаго доносить о дѣятельности бека и всѣхъ адми-

нистративныхъ лицъ. Отсюда вытекаетъ необходимость для бека дѣлиться своими доходами съ мѣстнымъ казіемъ. Нелады съ казіемъ дорого обходятся бекамъ. Умѣлый доносъ можетъ навлечь на бека страшный гнѣвъ эмира. Бека не только лишаютъ мѣста, но нерѣдко конфискуютъ у него все имущество. Важный сановникъ въ одно мгновеніе превращается буквально въ нищаго.

У Кулябскаго бека имѣется отрядъ войска въ 200—300 солдатъ, охраняющихъ его глинобитный дворецъ.

Солдаты разнокалиберные, всѣхъ возрастовъ: отъ безусыхъ до сѣдобородыхъ. Служатъ за плату, получая 5 руб. въ мѣсяцъ. Въ ихъ обязанность входитъ являться однажды въ недѣлю на ученье, продолжающееся по 1 часу, и нести караульную службу. Внѣ этого служебнаго времени они ведутъ жизнь обычно обывательскую: занимаются ремесломъ, торговлей, обработкой земли. Обмундировка солдатъ русскаго образца. На ученьи упражняются въ маршировкѣ и проходятъ кое-какіе ружейные пріемы. Команда отдается по-русски. Но при этомъ русскія слова настолько искажаются, что нерѣдко получается чистая безсмыслица. Видъ солдатъ жалкій, большинство оборванные, грязные. На ученьи команда исполняется вразбродъ, послѣ каждаго пріема ряды совершенно перетасовываются. Стрѣлять обучаются на незаряженныхъ ружьяхъ: по командѣ берутъ на прицѣлъ и кричатъ „пу". Солдаты имѣются при каждомъ значительномъ бекѣ. Я ихъ видѣлъ еще въ Бальджуанѣ и Дюшамбе. Тамъ ихъ внѣшній видъ нѣсколько приличнѣе, но „строевая подготовка" все та же (фиг. 18).

Въ Кулябъ нерѣдко заѣзжаютъ офицеры пограничной стражи. Поэтому домъ для гостей здѣсь сравнительно приличенъ. Расположенъ онъ въ тѣнистомъ саду. Состоитъ изъ двухъ комнатъ—столовой и спальни. Окна застеклованы. Столъ, стулья. На кровати даже простынка имѣется. Въ саду видѣлъ растеніе, изъ плодовъ котораго приготовляется общеупотребительная въ средней Азіи посуда, замѣняющая наши бураки и кувшины. Растеніе это вьющееся, сродни нашей тыквѣ. Называютъ его здѣсь „кады" (фиг. 19). Его плоды имѣютъ кувшинообразную форму и достигаютъ значительныхъ размѣровъ. У плода удаляютъ внутреннюю мякоть и сосудъ готовъ.

У Кулябскаго бека для сношеній съ русскими имѣется

свой переводчикъ. Имъ служитъ армянинъ-торговецъ, выходецъ съ Кавказа, хорошо владѣющій какъ русскимъ, такъ и мѣстнымъ языками. Послѣ обѣда бекъ приходилъ ко мнѣ съ визитомъ, а затѣмъ явились два амлякдара — одинъ зять бека, а другой его племянникъ. У бека имѣется взрослый сынъ, который служитъ также амлякдаромъ. Амлякдары эти занимаютъ привиллегированное положеніе. Живутъ они въ Кулябѣ, а на мѣстахъ, въ амлякдарствахъ, имѣются помощники, которые и несутъ на себѣ всю амлякдарскую работу.

Фиг. 19. Растеніе „кады".

Пребываніемъ въ Кулябѣ особенно доволенъ остался Ашуръ. Для него здѣсь былъ настоящій праздникъ. Кулябскій бекъ—его старый знакомый. Встрѣтились, „какъ братья" — расцѣловались. Ашуръ привезъ изъ Самарканда для его сыновей хорошія тюбетейки, а самъ получилъ въ подарокъ прекраснѣйшій, шелковый халатъ. Выросъ Ашуръ на цѣлую сажень. Разсказамъ о пріемѣ и подаркѣ не было конца. По пріѣздѣ въ Самаркандъ Ашуръ надѣлъ на себя чуть не дюжину халатовъ и поверхъ всѣхъ подарокъ Кулябскаго бека. Весь день ходилъ онъ въ такомъ видѣ по улицамъ базара, разсказывая каждому встрѣчному о своей дружбѣ съ Кулябскимъ бекомъ.

Къ вечеру чиновникъ съ Ашуромъ раздобыли бачей. Въ Кулябѣ ихъ довольно много. Бекъ для своей потѣхи держитъ двухъ бачей. Ихъ-то и заполучила къ себѣ моя свита. Бачи изряднаго возраста, смотрятъ порядочными оболтусами. Некрасивые. Костюмъ мужской — халатъ и тюбетейки, лишь длинные, распущенные волосы свидѣтельствуютъ о ихъ профессіи. Ихъ пляска не представляетъ ничего привлекательнаго. Въ движеніяхъ вялость, въ глазахъ ни искорки. Общій характеръ пляски такой же, какъ и у кабадіанскихъ бачей. Музыкантовъ было четверо:

двое играли на дойра, одинъ на дуторъ, и одинъ на гыжанъ. Послѣдній инструментъ представляетъ нѣкоторое подобіе скрипки. Это обручъ небольшого діаметра, но его ободокъ шириною приблизительно въ ладонь. Съ одной стороны обручъ обтянутъ кожей, какъ обтягивается барабанъ. Къ обручу придѣлана толстая ручка, а съ противоположной стороны короткая, остроконическая палочка. Отъ нее, черезъ обручъ, къ концу ручки протянуты двѣ струны изъ конскаго волоса. По нимъ водятъ смычкомъ. Напѣвы разнообразнѣе кабадіанскихъ. Нѣкоторые изъ мотивовъ отличались мелодичностью.

Мой планъ заключался въ томъ, чтобы изъ Куляба проѣхать къ югу, на рѣку Пянджъ и изслѣдовать примыкающую къ нему полосу, подвигаясь къ сѣверо-востоку, вверхъ по Пянджу. Собранныя въ пути коллекціи и большую часть дорожнаго багажа я оставилъ въ Кулябѣ, а самъ поѣхалъ налегкѣ. Мнѣ очень хотѣлось также оставить и свою свиту съ чиновникомъ во главѣ; очень ужъ она была громоздка и могла сильно затруднить движеніе. Оказалось, что исполненіе моего желанія не представляло затрудненій: чиновникъ подумывалъ о томъ же. Предстоящая поѣздка не сулила ему ничего заманчиваго: дорога была трудная, населеніе бѣдное, разсчитывать на какую-либо добычу не приходилось. Недалеко отъ Куляба, въ Сары-чашма у амлякдара осталась и моя свита. Со мною поѣхалъ лишь Ашуръ да чиновникъ кулябскаго бека — караулъ-беги. Здѣсь же, по совѣту Миркары, я оставилъ и всѣхъ лошадей моего каравана, такъ какъ онѣ очень нуждались въ отдыхѣ. А намъ служили мѣстные, обывательскіе кони.

Изъ Сары-чашма я проѣхалъ прямо на югъ, внизъ по маленькой рѣчкѣ до впаденія ея въ Пянджъ. Эта рѣчка въ верхней половинѣ своего теченія называется Джильга, а нижняя ея половина носитъ названіе Богоракъ. Въ средней Азіи рѣки сколько-нибудь значительнаго протяженія обычно имѣютъ для разныхъ частей своего теченія различныя названія. Такъ, рѣка Вахшъ беретъ начало въ знаменитой Алайской долинѣ, прилегающей съ сѣвера къ Памиру. Здѣсь онъ называется Кызылъ-су. Затѣмъ, выйдя изъ предѣловъ Алайской долины и протекая черезъ Каратегинъ, онъ пріобрѣтаетъ новое названіе Сурхъ-абъ. Лишь за Каратегиномъ названіе этой рѣки—Вахшъ.

Наконецъ, послѣ сліянія съ Пянджемъ, рѣка получаетъ названіе Сыръ-Дарья.

Долина пройденной рѣчки, Джильга-Богоракъ, прекрасно воздѣлана, большая часть ея представляетъ сплошной садъ. Заночевалъ на берегу Пянджа, въ кишлакѣ Богоракъ. Пянджъ здѣсь уже вышелъ изъ горнаго ущелья и течетъ въ расширенной долинкѣ, представляя небольшую рѣчку, разбитую маленькими островками изъ галечнаго наноса на отдѣльные протоки. Въ Богоракѣ пользовался гостепріимствомъ аксакала. На ужинѣ прислуживала чуть не вся деревня. У площадки, занятой мною, продефилировало свыше десятка туземцевъ: одинъ несъ ложку, другой чайное блюдечко, третій блюдо съ палау, четвертый, пятый, шестой—по блюдечку винограда и т. д. и т. д. Угощеніе было разставлено передо мною на разостланную скатертку, а доставившая его свита размѣстилась около полукругомъ. Съ такого рода обычаемъ я встрѣтился впервые. Къ востоку отсюда, въ болѣе дикихъ частяхъ Кулябскаго бекства меня угощали такимъ же образомъ. Въ прежнее время, судя по описаніямъ путешественниковъ, этотъ обычай пользовался значительно бȯльшимъ распространеніемъ.

IX.

Дикая конгломератовая область.—Ущелье Пянджа при Шурапъ и Гальчакъ.—Каляндаръ.

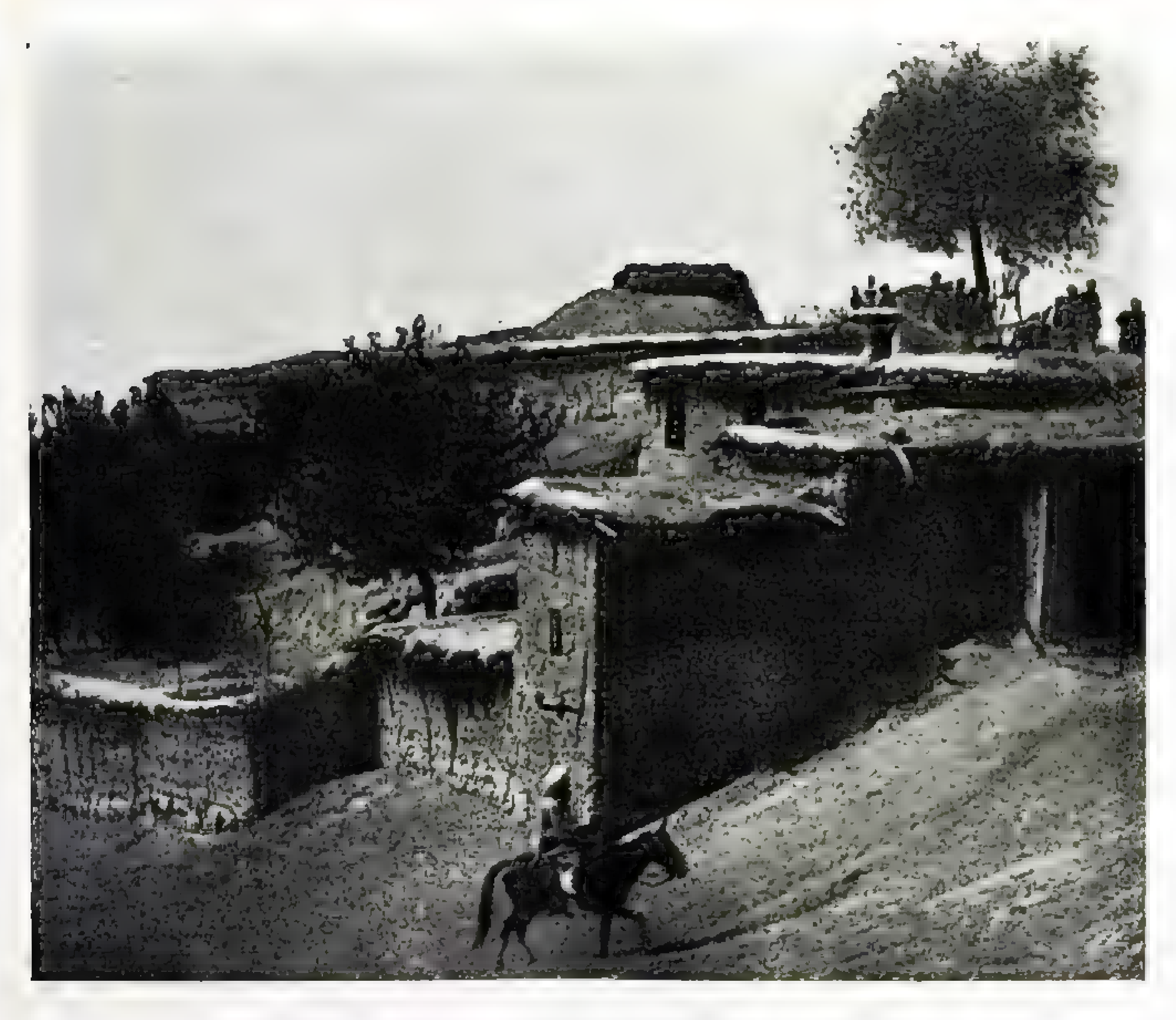
Страна къ востоку отъ рѣчки Джильга-Богоракъ представляетъ дикую, мало-заселенную, горную мѣстность. Сложена она громадной толщей конгломератовъ, представляющихъ смѣсь песка и круглой, гладко обточенной гальки значительной величины, сцементированную въ одну общую твердую массу пепельно-сѣраго цвѣта. Толща эта сильно размыта, прорѣзана глубокими долинами и оврагами. Ландшафтъ здѣсь оригиналенъ и поражаетъ своимъ дикимъ величіемъ. Всюду глубочайшія ущелья и овраги съ крутыми, часто вертикальными стѣнками. И склонъ и дно ихъ безжизненны, усѣяны галькой, ослѣпительно отливающей на яркомъ солнышкѣ мертвымъ пепельнымъ цвѣтомъ. Возвышенности выдѣляются въ видѣ узкихъ гребней. На нихъ часты отдѣльные выступы то закругленные, какъ колонны, то острые, какъ пики, то пирамидальные, какъ башенки. Особенно дики и неприступны расположенные здѣсь гора Лёчинъ-хана и хребетъ Фаркакъ. Лёчинъ-хана находится немного сѣвернѣе Зарча-Хо и представляетъ наивысшій пунктъ описываемой мѣстности. Вершина горы ограничена высокими вертикальными стѣнами,

по бокамъ ея причудливо выступаютъ цѣлые ряды башенокъ, образуя фантастическую крѣпость. Названіе горы вполнѣ гармонируетъ съ ея характеромъ: Лёчинъ-хана по-гаджикски означаетъ орлиный домъ, орлиное гнѣздо. Хребетъ Фаркакъ расположенъ немного дальше къ сѣверо-востоку. Великолѣпный видъ на него открывается съ перевала Хосами, по дорогѣ изъ кишлака Ротынчакъ въ кишлакъ Уштіэль. Вертикальныя стѣны, высокія пики, отдѣльныя крѣпости, ряды колоннъ и башенокъ перепутаны въ живописномъ безпорядкѣ, слагая картину сказочнаго колорита. Въ этихъ неприступныхъ мѣстахъ водятся каменные бараны и дикія козы (кіикъ).

Рѣчки здѣсь текутъ въ широкихъ долинахъ, плоское дно которыхъ сплошь выстлано сѣрой, мертвящей галькой. Той же галькой покрыты и крутые склоны долинъ. Съ высоты переваловъ можно окинуть однимъ взглядомъ большую часть теченія этихъ рѣчекъ. Впечатлѣніе неизгладимое. Среди безжизненной долины тянется, извиваясь, блестящая водяная струйка, но по мѣрѣ своего движенія внизъ она становится меньше и, наконецъ, совсѣмъ исчезаетъ: это галечный наносъ поглощаетъ воду. Здѣсь царство смерти, здѣсь смерть торжествуетъ надъ жизнью. Яркій блескъ солнца при безоблачномъ небѣ, отражаясь отъ гладкой гальки, слѣпитъ глаза и не ослабляетъ, а усиливаетъ впечатлѣніе. Чудится, что не галька, а гладкіе черепа милліоновъ мертвецовъ устилаютъ дно и склоны этой долины смерти.

Но и среди этого суроваго ландшафта мѣстами пріютился человѣкъ. Закругленныя вершины холмовъ и менѣе крутые склоны переваловъ одѣты лёссовымъ покровомъ, что даетъ возможность сѣять на нихъ хлѣбные злаки и кое-что собирать. Кишлаки лѣпятся здѣсь по косогорамъ, близко къ вершинамъ переваловъ, въ головахъ овраговъ— при выходѣ родниковъ. Сакли, какъ ласточкины гнѣзда, прилѣпляются къ крутому склону, тѣсно прижимаясь одна къ другой (фиг. 20 и 21). Въ рѣчныхъ долинахъ рѣдкія лёссовыя площадки, бухтой вдающіяся въ безжизненные склоны, также всѣ использованные подъ постройку маленькихъ кишлаковъ или отдѣльныхъ саклей (фиг. 22). Населеніе таджики. Крайне бѣдное. Въ административномъ отношеніи особенность: здѣсь нѣтъ амлякдаровъ, ихъ замѣняютъ „ша“. Эти послѣдніе избираются населеніемъ изъ своей среды и лишь утверждаются бекомъ.

Къ стр. 80.

Фиг. 20. Горный кишлакъ Зыранъ близъ Куляба.

Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ округахъ нѣтъ и „ша" и они просто отдаются откупщику, предложившему наибольшую

Фиг. 20. Горный кишлакъ Чигимъ близъ Куляба.

плату. Такой откупщикъ вноситъ беку въ эмирову казну опредѣленную сумму и, затѣмъ, всѣ доходы, какіе онъ съумѣетъ выколотить изъ населенія, поступаютъ въ возмѣщеніе его расходовъ и на вознагражденіе его трудовъ. Тѣ откупщики, какихъ я здѣсь видѣлъ, живутъ біднѣе амлякдаровъ. Ихъ доходы, повидимому, небольшіе и, конечно, не потому, что они проявляютъ мало энергіи въ обираніи отданнаго имъ населенія.

Дороги въ описываемомъ районѣ рѣдко сносныя, обыкновенно, очень трудныя, а иногда и просто убійственны. Крутѣйшіе спуски и подъемы по головокружительнымъ косогорамъ, узкія тропинки то и дѣло упираются въ край пропасти или идутъ

Фиг. 22. Кишлакъ Ду-дара въ рѣчной долинѣ.

по карнизамъ. Въ конгломератахъ поверхность тропки неровная, надъ нею выдаются отдѣльныя гальки, по которымъ нога лошади скользитъ. Не разъ я поминалъ добрымъ словомъ Миркару, распорядившагося оставить нашихъ коней въ Сары-чашма. Трудно было бы мнѣ на моемъ жеребчикѣ. Мѣстныя же лошадки съ трудностями убійственныхъ, горныхъ тропокъ справляются очень легко. Клячи на видъ, съ выставившимися ребрами, онѣ спокойны на спускахъ, увѣренно идутъ надъ пропастью по выступамъ галекъ, легко взбираются на всякіе косогоры.

Къ востоку отъ кишлаковъ Іолъ, Сары-голъ, Гунъдара ландшафтъ мѣняется. Тутъ нѣтъ конгломератовъ, а развиты известняки. Среди нихъ ущелья такъ же дики, горные хребты не менѣе величественны, но колоритъ совсѣмъ иной. Пянджъ, служащій границей между Бухарой и Афганистаномъ, вьется здѣсь въ узкомъ ущельи, стиснутомъ известковыми громадами. На его берегахъ поселки совершенно отсутствуютъ. Селиться негдѣ: вертикальные утесы или прямо опускаются въ воды Пянджа, или же не широкая полоса между ними и рѣчкой занята каменистыми розсыпями и усѣяна обломками скалъ. Самый спускъ къ Пянджу возможенъ лишь въ двухъ-трехъ пунктахъ. Изученіе разрѣза по берегу Пянджа для меня представляло особый интересъ, но пройти по нему нѣтъ никакой возможности и спустится въ долину Пянджа мнѣ здѣсь удалось всего въ двухъ мѣстахъ: въ урочищѣ Шурапъ и при кишл. Гальчакъ.

Шурапъ расположенъ верстахъ въ восьми къ югу отъ кишлака Сары-голъ. Захвативъ въ послѣднемъ проводниковъ, я рано утромъ 17 августа отправился на Пянджъ. Маленькая, мало посѣщаемая, запущенная тропка или лѣпится по карнизамъ, или крутыми зигзагами вьется по труднѣйшимъ спускамъ и подъемамъ. Возвращаться по этой убійственной тропѣ пришлось уже темной ночью. Дороги не было видно, но чуткія лошадки осторожно обходили опасныя мѣста и благополучно доставили насъ на мѣсто. Вблизи Пянджа съ вершины прибрежныхъ утесовъ открывается чудный видъ: гдѣ-то далеко внизу узенькая, блестящая ленточка клокочетъ и пѣнится среди неприступныхъ скалъ глубочайшаго ущелья.

При Шурапъ Пянджъ стиснутъ между высокихъ известковыхъ стѣнъ, образующихъ узкія ворота (фиг. 23).

Стремительный потокъ безсильно плещется о подножіе непоколебимыхъ скалъ. Выйдя изъ воротъ, русло Пянджа расширяется, скалы отодвигаются въ стороны, между ними и рѣкой располагается небольшая площадка, на которой раскинутъ маленькій садикъ. Въ немъ растутъ персики и абрикосы, тутъ и гранаты. При садикѣ шалашъ для владѣльцевъ.

Кишлакъ Гальчакъ расположенъ сѣвернѣе. Къ нему я направился изъ кишлака Режъ-объ, находящагося высоко въ горахъ, всего верстахъ въ трехъ къ западу отъ Гальчакъ. Изъ Режъ-объ съ опытными проводниками и Ашуромъ я выѣхалъ послѣ обѣда, надѣясь къ ночи вернуться обратно. Караулъ-беги Кулябскаго бека остался въ Режъ-

Фиг. 23. Урочище Шурапъ на р. Пянджъ.

объ. До спуска къ Пянджу вела довольно удобная, мягкая тропинка. Проѣхали мы по ней скоро. Но спускъ оказался весьма труднымъ. На лошадяхъ по нему возможно было проѣхать лишь до половины, а дальше тропка для коней была непроходима, лишь ишаки и пѣшеходы ходятъ по ней. Оставили коней подъ наблюденіемъ проводника и отправились дальше пѣшкомъ. Крутая, узенькая тропинка вьется надъ пропастью, каменистый грунтъ дѣлаетъ ее скользкой. Тихо, но увѣренно шли впереди проводники; цѣпляясь за скалы, осторожно спускались за ними я и Ашуръ. Пянджъ былъ на виду и казался такимъ близкимъ. Однако, время шло томительно долго, уже солнышко клонилось къ западу, а конца спуска все не было. Вотъ

навстрѣчу идетъ цѣлая партія туземцевъ: двое взрослыхъ, нѣсколько мальчиковъ, не свыше 10 лѣтъ и двѣ маленькія дѣвочки. У каждаго изъ нихъ, у взрослыхъ и у дѣтишекъ, за плечами корзина, наполненная виноградомъ. Съ ними идутъ два ишака, навьюченные также корзинами съ виноградомъ. Дѣвочки лишь только увидѣли насъ, быстро юркнули съ тропинки внизъ по косогору и спрятались за большую каменную глыбу, нависшую надъ пропастью. Видно было, какъ пальцы ихъ босыхъ ноженокъ съ напряженіемъ цѣплялись за мелкіе выступы крутого ската, а ручонки ухватились за острые углы каменной глыбы. Въ такомъ положеніи онѣ висѣли надъ пропастью, пока мы не скрылись изъ виду.

Когда спускъ былъ оконченъ, ночныя тѣни уже ложились на землю. Объ изслѣдованіи склоновъ нельзя было и думать. Приходилось расположиться на ночевку. Здѣсь на Пянджѣ былъ маленькій кишлачекъ. Къ нему мы и направились. Лѣтомъ въ немъ никто не живетъ, и лишь приходятъ для сбора винограда. Съ этой цѣлью сейчасъ въ немъ находилось нѣсколько сартовъ. Они устроили намъ встрѣчу и предложили достарханъ: на одной изъ известковыхъ глыбъ былъ разостланъ грязный, дырявый коврикъ, на немъ грязная тряпка, а на тряпкѣ гроздья винограда. Но кромѣ винограда, никакихъ съѣстныхъ припасовъ у радушныхъ хозяевъ не оказалось. Не было даже сосуда, въ которомъ можно было бы скипятить воду.

Въ Режъ-объ караулъ-беги долженъ былъ насъ ждать къ вечеру и наше безвѣстное отсутствіе могло доставить ему большое безпокойство: отвѣтственность за нашу судьбу лежала на немъ. Вотъ почему я распорядился послать двухъ горцевъ въ Режъ-объ, чтобы увѣдомить караулъ-беги о нашемъ положеніи. Ночь была лунная и мое предложеніе, подкрѣпленное теньгой, горцы приняли съ охотой.

Ночлегъ устроили на плоской крышѣ низенькой сакли-землянки, растянувшись на голой, глиняной поверхности. Вскорѣ надъ ущельемъ встала блѣдная луна. Засеребрились говорливыя, водяныя струйки. Каменныя громады ущелья мѣстами побѣлѣли, отражая призрачно-мягкое лунное сіяніе, мѣстами спрятались въ глубокую тѣнь. Дикій ландшафтъ покрылся волшебнымъ флеромъ. Величіе каменныхъ громадъ, тихо ласкающее лунное освѣщеніе, сердитый рокотъ горнаго потока слились въ одномъ общемъ

аккордѣ, пронизывающемъ всю душу своей чарующей прелестью. Какъ очарованный сидѣлъ я на крышѣ убогой сакли. Голодъ и усталость не чувствовались, спать не хотѣлось.

Долго ждалъ насъ проводникъ, оставленный на срединѣ спуска съ нашими конями. Закатилось солнце, наступила ночь—мы не возвращались. Одинъ, захвативъ коней, отправился онъ въ обратный путь. Тѣмъ временемъ и караулъ-беги сильно обезпокоился за нашу судьбу. Но когда проводникъ возвратился поздно ночью одинъ, и сообщилъ о нашемъ исчезновенiи, чиновникъ струхнулъ не на шутку. Тотчасъ поднялъ на ноги весь кишлакъ и сталъ снаряжать поисковую партiю. Однако, обыватели упирались, итти ночью по опасному спуску никому не хотѣлось. Совѣтовали подождать утра. Чиновникъ горячился и прибѣгъ къ обычному бухарскому средству: сталъ лупить несговорчивыхъ нагайкой. Средство подѣйствовало. Уже намѣчались охотники итти на розыски, какъ явились наши посланцы съ докладомъ о нашемъ положенiи. Караулъ-беги успокоился, не менѣе порадовались нашему благополучiю и обыватели.

Близко къ полуночи я прилегъ и заснулъ, но вскорѣ былъ разбуженъ. Возвратились наши послы. Караулъ-беги прислалъ съ ними ишака, навьюченнаго моей постелью и необходимой провизiей. Тутъ были чай, сахаръ, вареная курица, яйца, былъ чайникъ съ чашкой. Мигомъ скипятили чайку. Закусили и снова улеглись спать, но уже съ комфортомъ, на подстилкѣ и подушкахъ.

Утромъ яркое солнышко золотило вершины прибрежныхъ утесовъ. Пянджъ протекаетъ въ узкомъ ущельи, прорытомъ среди громадной толщи твердыхъ известняковъ. Крутѣйшiе склоны и известковые утесы сдавливаютъ его русло. Но въ данномъ мѣстѣ въ него съ правой стороны впадаетъ небольшой горный потокъ, при устьѣ котораго долина Пянджа немного расширяется. Между русломъ рѣки и подножiемъ склона образовалась узенькая площадка. Ея поверхность покрыта каменистой розсыпью и усѣяна крупными обломками скалъ. Но мѣстами между каменными глыбами сохранились клочки ничѣмъ не занятой поверхности глинистой почвы. На такихъ-то клочкахъ и разведенъ виноградъ, а кое-гдѣ взрощенъ хлопокъ. Тутъ же при виноградникѣ поставлено нѣсколько убогихъ са-

клей-землянокъ, образующихъ маленькій кишлачекъ— Гальчакъ.

Склоны ущелья представляютъ для геолога высокій интересъ. Сложены они каменноугольнымъ известнякомъ, слои котораго изогнуты въ видѣ крутой, дугообразной складки. Сверху круто-падающіе слои размыты и на ихъ неровной поверхности залегаетъ совершенно иная, болѣе

Фиг. 24. Выходъ изъ ущелья Дагани-Танги.

юная толща глинъ и песчаниковъ краснаго цвѣта, отчетливо слоистая, съ горизонтальнымъ напластованіемъ. Эти факты свидѣтельствуютъ о грандіознѣйшихъ геологическихъ явленіяхъ. Здѣсь налицо результаты мощныхъ горообразовательныхъ процессовъ, протекавшихъ въ одну изъ древнихъ эпохъ существованія земли. Здѣсь же слѣды послѣдующаго надвиганія на горную страну океаническаго

уровня, размывшаго горные кряжи и отложившаго на ихъ поверхности толщу новыхъ осадковъ. Затѣмъ новое отступаніе моря, новое поднятіе морского дна, новое формированіе высокой горной страны. Какъ много длительныхъ, геологическихъ процессовъ запечатлѣлось на стѣнкахъ дикаго ущелья!

Было не рано, когда я оставилъ Пянджъ и началъ взбираться по крутой тропочкѣ. Внизу нея, у основанія склона выдѣлялась кучка свѣже набросанныхъ камней, среди которыхъ поднимался шестъ съ привязанной къ нему тряпкой. Это могила горца, недавно передъ тѣмъ погибшаго при спускѣ къ Пянджу: поскользнувшись, онъ съ громадной высоты упалъ въ пропасть и разбился.

Фиг. 25. Каляндары въ Туркони.

Поднимались тихо, съ отдыхами. Но вотъ и кони ждутъ насъ. Дальнѣйшій подъемъ и дорога до Режъ-объ прошла быстро. Наскоро пообѣдавъ въ Режъ-объ, поѣхали къ сѣверо-западу, къ кишлаку Куникъ, а оттуда на другой день повернули къ сѣверу вдоль маленькой рѣчки.

Эта рѣчка впадаетъ въ Пянджъ. При ея устьи къ Пянджу прилегаетъ съ правой стороны широкая низина, хорошо воздѣланная. Здѣсь у дороги, недалеко отъ кишлака Хальманджи, находится могила святого Пиридай-Робо, очень чтимаго мѣстнымъ населеніемъ. Надъ могилою постройка, нѣчто въ родѣ маленькой сакли, съ плоскою крышей. Ея сплошныя стѣны сложены изъ лёссоваго тѣста.

Всякій мусульманинъ, проѣзжая мимо могилы, въ знакъ уваженія къ святому слѣзаетъ съ лошади.

Изъ Хальманджи повернулъ въ Кулябъ. Хорошая, легкая дорога по закругленнымъ холмамъ. Ландшафтъ, послѣ всего видѣннаго, ничѣмъ не поражаетъ. Только близъ Хальманджи встрѣтилось ущелье замѣчательной красоты. Называется оно Дагани-Танги. Маленькая рѣчка до этого ущелья и за нимъ имѣетъ широкую долину съ не особенно крутыми склонами. Но въ данномъ пунктѣ она прорѣзываетъ поперекъ хребтикъ, сложенный изъ твер-

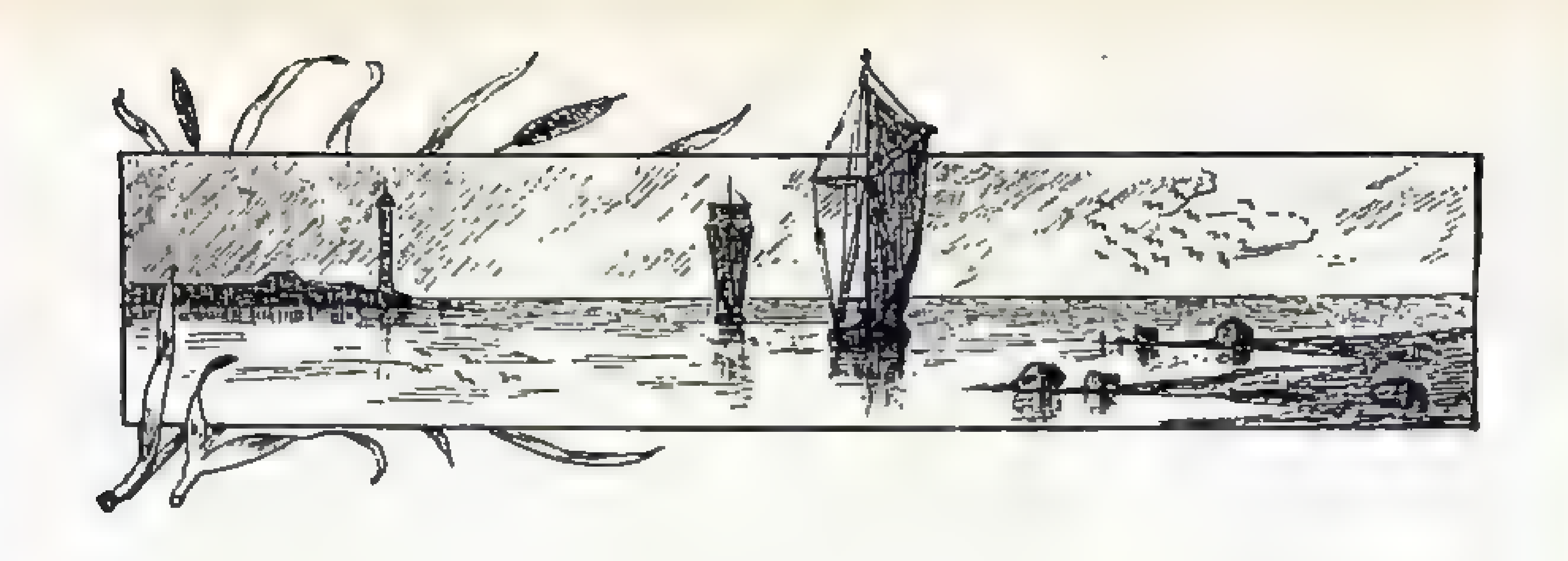
Фиг. 26. Каляндары въ Кулябѣ.

дыхъ породъ. Ея долина тутъ рѣзко съуживается, образуя узкую тѣснину съ высокими, вертикальными стѣнками (фиг. 24).

Во время обѣденной остановки въ Туркони къ намъ зашли странствующіе нищіе—„каляндаръ". Босые, въ рваныхъ халатахъ, они пѣли священныя пѣсни и просили подаянія (фиг. 25). Главнымъ отличіемъ ихъ костюма служитъ остроконическая, съ мѣховой опушкой, шапка (кулякъ), составленная изъ 4-хъ треугольныхъ сегментовъ, окаймленныхъ черной полоской. Нѣкоторые изъ нихъ но-

сятъ посохъ, увѣнчанный острымъ конусомъ. У одного я видѣлъ дырявую сумку, привѣшанную на поясѣ. Калyндары представляютъ одинъ изъ многочисленныхъ, мусульманскихъ, религіозныхъ орденовъ. Глава ордена находится въ Самаркандѣ, тамъ же имѣется и главное общежитіе каляндарей. Но очень много ихъ общежитій (каляндаръ-хана) разбросано въ различныхъ частяхъ Бухары. Послѣдователи ордена даютъ обѣтъ нестяжанія, они не имѣютъ собственности, а живутъ подаяніемъ. Обыкновенно, каляндары ходятъ группами отъ 2 до 5 человѣкъ по базарамъ. Они то проповѣдуютъ, то распѣваютъ стихи корана. Каляндары попадались намъ и раньше. Въ Курганъ-тюбе къ намъ заходила партія ихъ въ 4 человѣка и съ полчаса распѣвала свои пѣснопѣнія (фиг. 26).

X.

Возвращеніе въ Кулябъ.—Въ Бальджуанѣ.—Мостъ „Пули-сангинъ" черезъ рѣку Вахшъ.—Бачи въ Дюшамбе.—Развалины Кара-тагъ.—Отъ Кара-тагъ до Гузара.—Разставаніе съ Миркара.—Шаршаузъ.— Граница.

Чиновникъ съ джигитами переѣхали изъ Сары-чашма въ Кулябъ и ожидали меня здѣсь. Съ моимъ джигитомъ—Кадыромъ стряслась бѣда: пала лошадь, заболѣвшая въ дорогѣ. Миркара ослабилъ этотъ ударъ судьбы. По его настойчивому „совѣту" больную лошадь наканунѣ ея смерти купилъ за треть цѣны Сары-чашминскій амлякдаръ. Все же Кадыръ былъ не утѣшенъ — плакалъ, какъ баба. Успокоилъ его обѣщаніемъ подарить одного изъ своихъ коней.

1-го сентября оставилъ Кулябъ и со всѣмъ своимъ багажемъ и свитой отправился опять на Пянджъ, къ устью рѣки Оби-Ніоу. Несмотря на позднее время, мнѣ хотѣлось изслѣдовать горную полосу, заключенную между низовьями Оби-Ніоу и Пянджемъ, проникнувъ, если возможно, на берегъ Пянджа въ нѣсколькихъ пунктахъ. Совершенно открытый, легкій доступъ къ Пянджу, здѣсь находится лишь при устьи Оби-Ніоу. Отъ этого пункта вверхъ по Пянджу я прошелъ всего версты на 3. Дальше

путь преграждала отвѣсная скала, спускающаяся непосредственно въ воду рѣчки. Выше этого пункта берегъ Пянджа во всемъ намѣченномъ районѣ былъ неприступенъ. На немъ здѣсь нѣтъ поселковъ и къ нему не проложены тропки. Только въ горномъ кишлакѣ Калаи-Куна́, расположенномъ на значительныхъ высотахъ близъ ихъ обрыва къ Пянджу, мнѣ сообщили о существованіи дороги на берегъ Пянджа. Дорога эта представляетъ пѣшеходную, узенькую тропу, проложенную по карнизамъ и искусствен-

Фиг. 27. Крѣпость Бальджуана.

нымъ балкончикамъ надъ пропастью. Ветхіе балкончики прогнили и по тропкѣ, послѣ нѣсколькихъ несчастныхъ случаевъ, давно уже никто не ходилъ. Я не рискнулъ итти этой тропинкой.

Наступило 5-е сентября. Путешествіе начинало утомлять. Рвался домой Миркара мирза-баши. Джигитъ-Кадыръ чуть не плакалъ. Даже Ашуръ терялъ свою жизнерадостность. Настало время подумать о возвращеніи домой. Тѣмъ болѣе, что путь въ Самаркандъ долженъ былъ занять недѣли двѣ съ лишнимъ. Однако, главная задача, привлек-

шая меня къ дикому ущелью Пянджа, оставалась невыполненною. Я стремился выяснить фауну тѣхъ отложенiй, которыя занимаютъ верхъ здѣшняго палеозоя. Выдающiйся интересъ этой фауны заключался въ томъ, что изученiе ея могло бы пролить свѣтъ на взаимоотношенiе между нашими уральскими и индiйскими верхнепалеозойскими отложенiями. Но мои старанiя не имѣли успѣха. Толща песчаниковъ, покрывающихъ каменноугольные известняки, была нѣма. Несмотря на тщательные поиски, я не могъ отыскать въ нихъ ни одного ископаемаго. Неудача обезкураживала. Приходилось съ грустью признаться, что цѣль поѣздки не достигнута. Но дѣлать было нечего. 5-го сентября я рѣшилъ, дойдя до кишлака Лянгаръ, поворотить на западъ черезъ Бальджуанъ въ Самаркандъ.

Вотъ уже близокъ Лянгаръ. Амлякдаръ съ большой свитой халатниковъ выѣхалъ намъ на встрѣчу. Попривѣтствовались, какъ принято, и всей кавалькадой двинулись дальше, пустивъ коней галопомъ. Я, по привычкѣ, зорко всматриваюсь по сторонамъ. Но вотъ какое-то неясное очертанiе узора на придорожномъ булыжникѣ мелькнуло въ глазахъ, зафиксировалось въ сознанiи и заставило инстинктивно осадить коня. Поворачиваю назадъ, осторожно пробираюсь, внимательно оглядывая поверхностный щебень. Нахожу камень, привлекшiй къ себѣ мое вниманiе. Это песчаникъ и на немъ то, что̀ я тщетно до сего времени искалъ — окаменѣлости. Часа два проработалъ я здѣсь геологическимъ молоткомъ. Ашуръ усердно помогалъ мнѣ. Наколотили кучку ископаемыхъ, какъ разъ тѣхъ, что̀ такъ сильно меня интересовали.

Пообѣдавъ и немного отдохнувши въ Лянгарѣ, поторопились скорѣе отправиться по Бальджуанской дорогѣ. Поворотъ домой встрепенулъ всю свиту.

Въ полдень 7-го сентября подъѣзжали къ Бальджуану. Встрѣча ожидала насъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города. Выѣхалъ встрѣтить и мой товарищъ. Онъ выглядѣлъ бодрымъ и здоровымъ. Въ Бальджуанѣ къ нему нѣсколько разъ возвращались приступы малярiи. Но въ послѣднее время онъ чувствовалъ себя сносно. Бекъ былъ предупредителенъ. Частенько навѣщалъ больного. Приводилъ солдатъ съ музыкой, устраивалъ пляски бачей. Все же ждалъ насъ товарищъ съ большимъ нетерпѣнiемъ. Бальджуанъ успѣлъ надоѣсть ему до одури.

Бальджуанскій бекъ—солидный мужчина, выше средняго роста. Онъ старшій братъ кабадіанскаго бека и очень походитъ на него. Имѣетъ важный чинъ — „бидотхо". Его бекство богатое, при бекствѣ большой отрядъ солдатъ. Резиденція бека находится въ крѣпости, расположенной отдѣльно отъ города (фиг. 27). Бальджуанъ расположенъ на лѣвомъ берегу рѣчки Кызылъ-су. Эта

Фиг. 28. Слѣва шутъ, справа есаулъ-баши бальджуанскаго бека.

рѣчка течетъ среди широкой долины, поверхность которой безжизненна, сплошь устлана круглой галькой, а склоны, прикрытые лёссомъ, съ успѣхомъ воздѣлываются подъ посѣвы. Съ сѣверной стороны Бальджуана высокій берегъ вдается въ долину рѣчки въ видѣ узкаго мыска съ крутыми склонами. На вершинѣ этого мыска и построена крѣпость, господствующая надъ городомъ. Лёссовыя стѣны крѣпости сливаются съ желтоватой, лёссовой поверхностью

горнаго склона и издали трудно отличить, гдѣ проходитъ граница между сооруженіями крѣпости и холмомъ, на которомъ она построена. Къ югу отъ крѣпости, на пониженномъ склонѣ рѣчной долины расположился городъ, а у самаго основанія крѣпостной горы разведенъ бекскій садъ. Въ крѣпости тоскливо, совсѣмъ нѣтъ зелени, воздухъ раскаленный, душно. Больному товарищу, по пріѣздѣ его въ Бальджуанъ, отвели помѣщеніе въ крѣпости, но онъ черезъ день сбѣжалъ оттуда и помѣстился въ саду бека. Самъ бекъ частенько спускается въ садъ, проводя здѣсь цѣлые дни. Въ крѣпости онъ любитъ сидѣть на балконѣ и при помощи бинокля наблюдать, что̀ дѣлается въ городѣ.

Фиг. 29. Обыватели Бальджуана.

Въ саду насъ ждалъ достарханъ съ обиліемъ фруктовъ, а затѣмъ обѣдъ. Послѣ обѣда обмѣнъ визитами. А къ вечеру бекъ устроилъ спектакль: приказалъ выстроить въ саду войско съ военной музыкой. Работали музыканты старательно. Грохоталъ барабанъ, лязгали мѣдяшки, неистово завывали трубы — ажно трескъ въ ушахъ стоялъ. Музыка смѣнилась танцами бачей. Бачи, какъ и раньше видѣнные, изряднаго возраста, такія же заученныя, лѣнивыя движенія. Только старикъ-шутъ (бекъ держитъ шута) разнообразилъ зрѣлище, врываясь на арену пляски съ шутовскими выходками. Бекъ сидѣлъ съ важностью, наслаждаясь зрѣлищемъ. Рядомъ съ нимъ развалились мы, безцеремонно обмѣниваясь критическими замѣчаніями какъ относительно исполнителей, такъ и относительно зрителей. Тутъ же расположилась свита бекова и наша. Среди пер-

вой выдѣлялся есаулъ-баши. Онъ послѣ бека первый человѣкъ въ бекствѣ. Его обязанность всегда быть при бекѣ, онъ помогаетъ ему раздѣться и одѣться, подаетъ обѣдъ, при торжественныхъ выѣздахъ бека идетъ съ булавой впереди его коня; если беку занеможется — онъ массажируетъ его.

Когда стемнѣло, ареной игры овладѣлъ я. Зажегъ „римскіе факелы“, пускалъ „огненныхъ жаворонковъ“, къ искренней радости многочисленной публики.

Фиг. 30. Обыватели Бальджуана.

На другой день фотографировалъ. Въ объектахъ не было недостатка. Передо мною позировалъ бравый токсаба (подполковникъ) мѣстнаго гарнизона. Упрашивали снять есаулъ-баши и шутъ бека (фиг. 28). Простые обыватели также съ охотой останавливались предъ аппаратомъ (фиг. 29, 30).

9-го утромъ тронулись изъ Бальджуана по направленію къ Дюшамбе. Черезъ Вахшъ предстояло переправиться по знаменитому мосту „Пули-сангинъ“ (въ переводѣ — „каменный мостъ“). Дорога шла хорошая, мягкая, съ малыми подъемами и спусками. Къ вечеру были на Вахшѣ. Заночевали у амлякдара въ кишлакѣ Тутъ-Каулъ

на самомъ берегу красивой рѣки. Долина Вахша здѣсь живописна. Она то значительно расширяется, то переходитъ въ узкое ущелье, въ которомъ Вахшъ, стиснутый между скалъ, имѣетъ въ ширину всего нѣсколько саженъ. Теченіе стремительное. Русло порожистое. Дорога изъ Тутъ-Каулъ къ мосту широкая, хорошо разработана. Самый мостъ не производитъ внушительнаго впечатлѣнія. Пули-сангинъ надъ уровнемъ Вахша возвышается не болѣе, какъ саженъ на 8. Скалы, стискивающія Вахшъ, нависаютъ надъ нимъ и разстояніе между противоположными берегами на высотѣ становится меньшимъ, чѣмъ внизу.

Фиг. 31. Пули-сангинъ—мостъ черезъ р. Вахшъ.

Въ пунктѣ ихъ наибольшаго сближенія перекинутъ мостъ, представляющій примитивную настилку, поддерживаемую двумя бревешками (фиг. 31). Длина моста 2—3 сажени. По краямъ его, вмѣсто перилъ, укрѣпленъ хворостъ безпорядочнымъ валомъ. Вахшъ здѣсь скрытъ въ ущельи. Проѣзжая по мосту, путники совсѣмъ не видятъ его. Красивая панорама открывается значительно дальше, по миновании моста (фиг. 32). У моста на правой сторонѣ Вахша стоятъ двѣ сакли. Это таможня—„баджгиръ-хана". Всѣ, переправляющіеся по Пули-сангинъ съ одного берега Вахша на другой, платятъ особый налогъ—„баджъ". Лишь

пѣшеходы и административныя лица избавлены отъ уплаты баджа. Размѣръ баджа: съ вьючнаго верблюда 2 теньги (30 коп.), съ вьючной лошади 1 теньга, съ вьючнаго ишака ½ теньги. А безъ вьюковъ платится половина. Баджгиръ-хана сдается въ аренду частному лицу, уплачивающему ежегодно около 10 тысячъ рублей. Эти деньги поступаютъ въ личный доходъ бухарскаго министра финансовъ—Диванъ-беги.

Фиг. 32. Ущелье Вахша близъ Пули-сангинъ.

Пули-сангинъ для обширнаго округа служитъ единственной дорогой черезъ Вахшъ. На большое разстоянiе отсюда вверхъ и внизъ по Вахшу переправы черезъ него нѣтъ.

За Вахшемъ разстилается широкая равнина, прекрасно орошенная, съ густымъ населенiемъ. На плодоносныхъ поляхъ преобладаетъ культура риса, а потому малярiя свила себѣ здѣсь прочное гнѣздо и служитъ грознымъ бичемъ населенiя. Высокiй Гиссарскiй хребетъ ограничиваетъ эту долину съ сѣвера. Здѣсь житница всей горной Бухары. Въ долинѣ нѣсколько богатыхъ бекствъ. Въ недалекомъ прошломъ она служила постоянной ареной кровавыхъ событiй. Воинственные горцы направляли сюда свои набѣги, разсчитывая на богатую добычу. Нескончаемыя распри вели между собою беки различныхъ

областей долины. Болѣе сильные изъ нихъ не разъ поднимались на Бухару, оспаривая ея первенство.

Къ обѣду 11 сентября были въ Дюшамбе. Это большой городокъ съ богатымъ базаромъ. Раскинулся на равнинѣ по лѣвому берегу рѣчки Дюшамбе-дарьи, недалеко отъ ея впаденія въ Кафирниганъ-дарью. Помѣщеніе для гостей бека здѣсь устроено вдали отъ аппартаментовъ самого бека, на особомъ дворѣ, черезъ который проведенъ арыкъ. На дворѣ выкопанъ прудъ, наполненный грязной водой съ гніющими отбросами. Дворъ также сильно загрязненъ. Воду изъ пруда пьютъ сырую, ее же берутъ для приготовленія пищи. Помѣстились мы здѣсь въ просторной палаткѣ, расписанной узорами азіатскаго стиля. Для чиновника и джигитовъ отведена отдѣльная сакля на томъ же дворѣ. Бекъ въ Дюшамбе имѣетъ высокій бухарскій чинъ — „инóкъ“ (равняется тайн. совѣтнику). Онъ сѣдой представительный старикъ. Нашъ Миркара съ особымъ подобострастіемъ прикладывалъ его руку къ своему лбу. Когда мы дѣлали визитъ беку, то у воротъ его дома насъ встрѣтилъ взводъ солдатъ съ музыкой. Неистовые звуки марша страшно перепугали лошадей и мы еле съ ними справились.

Вечеркомъ бекъ прислалъ къ намъ бачей. Расположились они въ помѣщеніи, отведенномъ для нашихъ людей. Зрителей набралась полна комната. Появился чай, пошло угощеніе. Бачей двое. Одинъ совсѣмъ ребенокъ, лѣтъ 9—10, хорошенькій. Забился въ уголъ. Живые, чѐрные глазенки смотрятъ съ испугомъ. Въ танцахъ не принимаетъ участія и ко всему, происходящему кругомъ, относится пассивно. Но публика около него экзальтируется, порывисто обнимаетъ, цѣлуетъ. Онъ новичекъ и ещé только привыкаетъ къ своей профессіи. Второй бача—миловидный мальчикъ лѣтъ 14-ти (фиг. 33). Полный расцвѣтъ красоты и обаятельности. Вполнѣ сознаетъ свое вліяніе и сильно кокетничаетъ. Самъ цѣлуетъ бородатую публику, или манитъ на поцѣлуи. Онъ плясалъ. Танецъ его очень живой, но однообразенъ. Главная фигура заключается въ быстромъ, ритмичномъ вращеніи, соединенномъ съ поступательнымъ движеніемъ. Временами внезапно останавливается, вздрагиваетъ всѣмъ корпусомъ, или только головой, и мечетъ глазами кокетливыя искорки, приводя въ восторгъ зрителей. Онъ въ халатѣ, на головѣ тюбетейка, изъ-подъ ко-

торой выбиваются длинные волосы. Въ танцахъ, при крутыхъ поворотахъ, часто отрывистымъ движенiемъ головы сбрасываетъ тюбетейку. И кавалеры взапуски бросаются поднимать ее, а, поднявъ, надѣваютъ на бачу, не приминувъ облапить его при такомъ случаѣ. Были и музыканты. Неистово колотили въ дойра и дико орали во всю глотку.

Наши джигиты раздобыли водки (вѣроятно въ Дюшамбе есть армянинъ), вылили ее въ чайникъ, и попивали

Фиг. Слѣва—Кадыръ, въ серединѣ—бача, справа—Гафаръ. Въ Дюшамбе.

этотъ чаекъ. И изъ людей бека нашлись любители такого чая. Пиръ затянулся до поздней ночи.

Утромъ 12-го оставили Дюшамбе. Чиновникъ получилъ въ подарокъ хорошiй, шелковый халатъ, но остался бекомъ очень недоволенъ. Бекъ, по установившемуся обычаю, долженъ былъ дать письменное удостовѣренiе въ томъ, что онъ, Миркара мирза-баши, сопровождая такихъ-то, проѣзжалъ черезъ бекство. Но бекъ отказался дать

такое удостовѣреніе и чиновнякъ сильно ажитировался, угрожая беку гнѣвомъ кушъ-беги. Угрозы были переданы по адресу и возымѣли дѣйствіе. Къ вечеру насъ догналъ посланецъ бека и вручилъ Миркарѣ нужное ему удостовѣреніе.

Заночевали въ Каратагѣ. Этотъ городъ за годъ до того перенесъ жесточайшее землетрясеніе, разрушившее почти всѣ его постройки и погубившее значительную часть его населенія. И посейчасъ городъ наполненъ развалинами. Возстановлены сравнительно немногія изъ разрушенныхъ строеній. Большинство переживших землетрясеніе навсегда покинуло городъ. На развалинахъ зданій почти всюду поставлены шестики и палки съ привязанной къ нимъ тряпкой наверху—знакъ могилы. Крупные размѣры разрушенія объясняются главнымъ образомъ непрочностью построекъ. Заборы и стѣны саклей сложены здѣсь изъ гладкой, круглой гальки. Въ стѣнахъ саклей закладываются деревянныя скрѣпы, но крайне непрочно. Цементируется галька лёссовымъ тѣстомъ. Такую постройку въ состояніи уничтожить толчекъ сравнительно небольшой силы.

Мѣстное населеніе, конечно, гибель Кара-тага объясняетъ гнѣвомъ Аллаха. Нечестивый былъ этотъ городъ. Бога не помнилъ, молитвъ и постовъ не соблюдалъ. А порочнымъ удовольствіямъ предавался свыше всякой мѣры. Нигдѣ не было такого количества бачей, какъ здѣсь. Терпѣніе Аллаха истощилось и Онъ въ одинъ мигъ превратилъ городъ грѣшниковъ въ развалины. Катастрофа, разразившаяся надъ Кара-тагомъ, имѣла важныя послѣдствія и въ административномъ отношеніи. По словамъ Миркары, многіе беки въ бекствахъ Гиссарской долины изъ-за землетрясенія лишились своихъ мѣстъ. Эмиръ уволилъ ихъ. И на слѣдующемъ основаніи: землетрясеніемъ Богъ покаралъ народъ за его нечестіе. А если народъ нечестивъ, то это значитъ — плохи его правители, плохо имъ управляютъ. Можно ли держать такихъ правителей?

Утромъ при сборахъ въ путь вышелъ маленькій скандалъ. Чиновникъ отлупилъ кулаками по физіономіи одного изъ проводниковъ. Проводникъ этотъ отказался навьючить на свою лошадь вещи чиновника, ссылаясь на то, что у него есть свое начальство — амлякдаръ. Если амлякдаръ прикажетъ, то онъ положитъ. А приказанія чиновника онъ считаетъ для себя необязательными. Миркара вышелъ

изъ себя отъ такого дерзкаго протестантства: его, чиновника кушъ-беги, ставятъ ниже амлякдара! На обѣденной остановкѣ я спросилъ Миркару черезъ Ашура, сколько разъ онъ ударилъ утромъ проводника. Миркара отвѣтилъ и сталъ объяснять, что мало, что ихъ надо лупить не такъ. Прервавъ его объясненіе, я подалъ ему теньги и сказалъ, чтобы онъ вознаградилъ потерпѣвшаго теньгой за каждый ударъ. Миркара съ охотой исполнилъ это предложеніе. Позвалъ провинившагося проводника, наставительно прочелъ ему нотацію и отдалъ теньгу. Потерпѣвшій остался очень доволенъ такимъ исходомъ конфликта, бухнулся чиновнику въ ноги: „вы, говоритъ, наше начальство — вольны наказать, вольны и помиловать".

Къ ночи были у бека въ Сары-Асія. А на слѣдующія сутки, 14-го сентября, ночевали у амлякдара въ Карлукѣ. Былъ рамазанъ—и постъ, и праздникъ у мусульманъ. Для нашей свиты, какъ путешествующихъ вдали отъ родины, соблюденіе поста было не обязательно. Однако Миркара постился старательно. Остальные же не постились. Впрочемъ, Ашуръ объяснялъ, что путешествіе не избавляетъ ихъ отъ поста, а лишь отсрачиваетъ его. Возвратившись домой, они обязаны пропущенные дни поста восполнить.

Днемъ былъ постъ, а съ заходомъ солнца начинался праздникъ. Полные столы праздничныхъ яствъ, смотря по достатку хозяина. Взаимное посѣщеніе на мужскихъ и женскихъ половинахъ. Ребятишки группами расхаживаютъ по дворамъ односельчанъ и поютъ стишки, прибаутки-импровизаціи, славя или осмѣивая хозяевъ. Каждый абзацъ сопровождается припѣвомъ: „рамазанъ, рамазанъ". Нѣчто въ родѣ нашихъ колядокъ. Ребятишекъ награждаютъ лакомствами или деньгами. Въ Карлюкѣ во дворъ амлякдара пришла партія такихъ славельщиковъ. Ашуръ сейчасъ же выступилъ ихъ предводителемъ и много дурачился. Импровизировалъ славословія чиновнику и амлякдару, такъ что слушатели покатывались со смѣху.

До Карлука дорога шла равниной. Далѣе предстояло пересѣчь горный районъ. Послѣ всего пройденнаго здѣшнія горныя тропинки казались прелестнѣйшей дорогой. Къ ночи 15 сентября были въ Байсунѣ. Въ немъ пробыли и слѣдующія сутки, такъ какъ лошади сильно утомились и требовали отдыха. На этотъ разъ бекъ былъ дома. Чѣмъ-то онъ сильно возстановилъ противъ себя чиновника. Чтобы

умаслить Миркару, бекъ подарилъ ему халатъ плохенькій и 20 штукъ теньги. Подарокъ Миркара принялъ, но въ знакъ протеста тутъ же при людяхъ бека отдалъ все, и халатъ и теньгу, своему джигиту.

Изъ Байсуна въ Дербентъ. Это большой кишлачекъ, довольно опрятный, съ массой садовъ. Онъ стоитъ на почтовой, прекрасно разработанной дорогѣ, проведенной русскимъ правительствомъ и соединяющей Самаркандъ съ Термезомъ. Здѣсь находится почтовое отдѣленіе. Въ Дербентѣ нашъ чиновникъ нашумѣлъ, какъ нигдѣ. Пришлось унимать. Напустился на амлякдара, кричитъ, грозитъ нагайкай, ругаетъ: „бекъ, говоритъ, у теба ишакъ и тебя, ишака, амлякдаромъ поставилъ". Но амлякдаръ не сдавался, тоже кричалъ и приходилъ съ жалобой ко мнѣ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ къ западу отъ Дербента расположено ущелье „Бузгола хана" (козій домъ), описываемое путешественниками подъ болѣе внушительнымъ названіемъ — желѣзныя ворота. Передается легенда, что ущелье закрывалось желѣзными воротами, чтобы сдерживать набѣги воителей, направлявшихся съ юга-востока къ сѣверо-западу. Бузгала-хана — ущелье очень длинное, версты 2, извилистое, съ невысокими стѣнками. На меня, послѣ величественныхъ картинъ Пянджа, оно не произвело никакого впечатлѣнія. Воротъ желѣзныхъ здѣсь, конечно, не было. И мѣста, подходящаго для ихъ постановки, нѣтъ, да и не было смысла ихъ ставить, ибо прилегающія высоты легко проходимы.

Ночевали въ Акъ-Рабатъ, въ караванъ-сараѣ. У товарища возобновились жесточайшіе приступы маляріи. Посему рѣшили, что дальнѣйшій путь до Самарканда онъ проѣдетъ на почтовыхъ, а я пріѣду съ нашимъ карававаномъ. При Акъ-Рабатъ находится почтовая станція. На утро здѣсь взяли почтовыхъ лошадей и товарищъ отправился впередъ.

Я поплелся за караваномъ. Вьюки замедляли движеніе. Почтовый трактъ до Гузара пересѣкалъ малонаселенную мѣстность. Особенно пустынно къ западу отъ Тенгри-хорамъ. Не видно ни одного кишлачка, лишь изрѣдка въ отдаленіи отъ дороги покажется одинокая юрта. При дорогѣ встрѣчаются желтыя зданія караванъ-сараевъ и бѣленькіе домики почтовыхъ станцій. Усадьбы послѣднихъ обнесены высокою, очень прочною стѣною. Точно маленькія крѣпостцы стоятъ

эти одинокіе домики. Попадаются караваны навьюченныхъ верблюдовъ. Впереди, обыкновенно на ишакѣ, ѣдетъ караванъ-баши. Рѣдко проплетется почтовая бричка съ пассажиромъ-офицеромъ.

19-го сентября къ обѣду былъ въ Гузарѣ. Это большой городокъ, утопающій въ зелени садовъ. Построенъ на равнинѣ, обильно орошенъ арыками. Гузарскій бекъ—братъ эмира. Домъ для гостей у него въ саду, вдали отъ бекскаго помѣщенія, сравнительно недурной.

Отсюда до границы Бухарскаго ханства оставалось сдѣлать всего нѣсколько переходовъ. Чиновникъ очень просилъ отпустить его, такъ какъ мой путь лежалъ къ сѣверо-востоку, а ему въ Бухару нужно было ѣхать на западъ. Конечно, я согласился, ибо въ дальнѣйшемъ онъ былъ мнѣ совершенно ненуженъ.

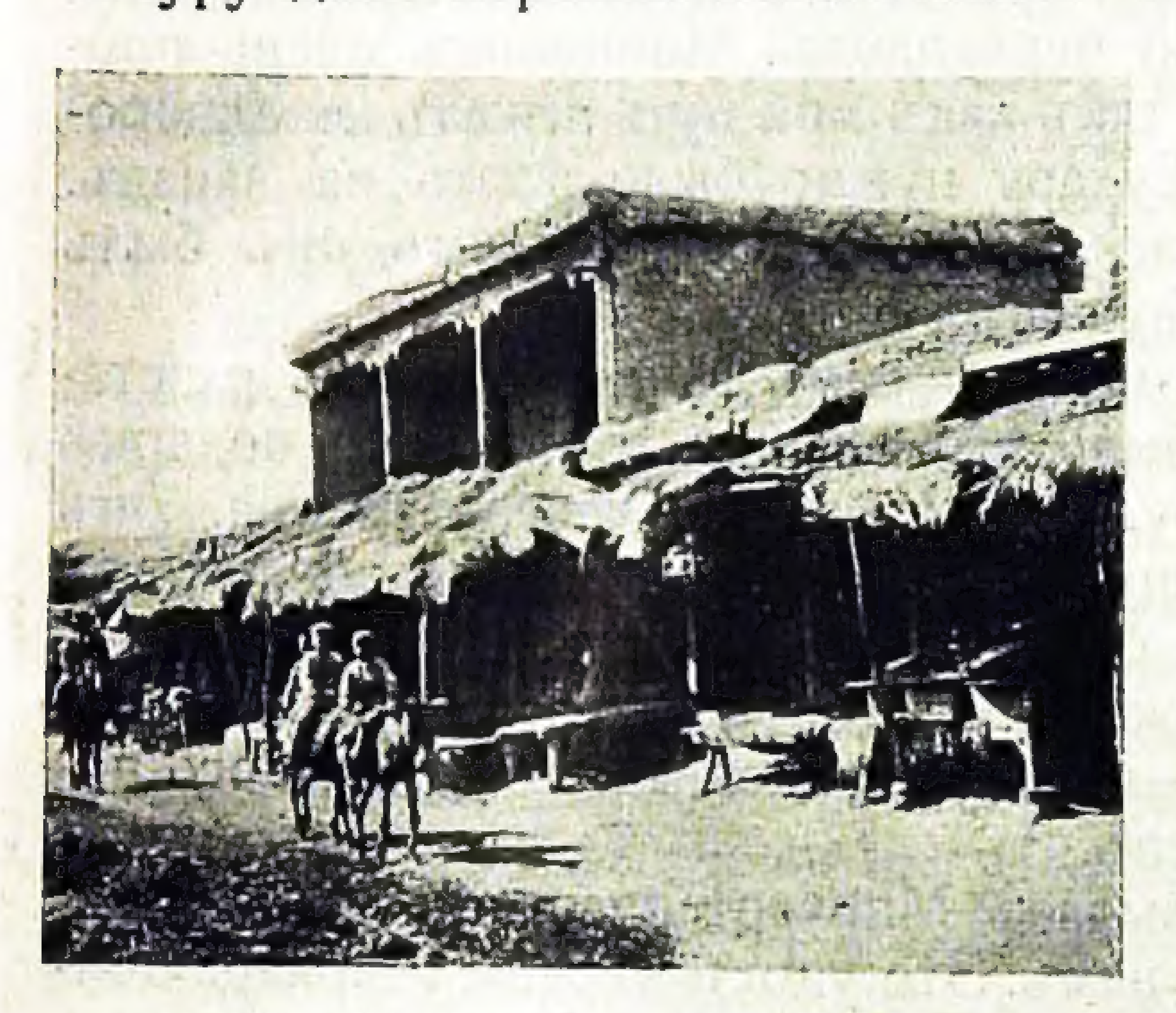
Много услугъ оказалъ намъ Миркара и при разставаньи необходимо было его одарить. Вопросъ о подаркѣ занималъ и Миркару. Дипломатично, черезъ Ашура, онъ заблаговременно нащупывалъ почву и давалъ понять, что ему очень хотѣлось бы получить лошадь. Церемонія одариванія прошла торжественно. Присутствовали амлякдяръ, важные чиновники—прислуга родовитаго бека и много постороннихъ ротозѣевъ.

Прежде всего выдалъ Миркарѣ письменное удостовѣреніе о его службѣ намъ. Это удостовѣреніе Миркара долженъ вручить кушъ-беги. При помощи Ашура ознакомилъ его съ этимъ документомъ. Остался доволенъ. Затѣмъ, вынулъ купленный въ Самаркандѣ прекрасный, шелковый халатъ и надѣлъ на Миркару. Миркара сіялъ. Наконецъ, приказалъ привести одну изъ своихъ лошадей и передалъ ему за вѣрную службу. Чиновникъ лѣвой рукой взялъ отъ меня поводъ, правую руку, предварительно дотронувшись ею до своихъ губъ, положилъ на морду лошади, приставилъ къ ея лбу и перенесъ на свой лобъ. Послѣ этого передалъ поводъ джигиту и обратился ко мнѣ съ благодарственнымъ словомъ. Публика съ нескрываемымъ интересомъ слѣдила за церемоніей, издавая поощрительные возгласы.

Миркара находился наверху блаженства. Особенно его радовало, что это столь почетное награжденіе его русскимъ туря произошло на глазахъ эмирова брата. Конечно, чиновники сіятельнаго бека въ тотъ же день доложатъ по-

слѣднему о всѣхъ подробностяхъ событія. А бекъ сообщитъ объ этомъ и своему брату—самому эмиру. Большія перспективы открывались Миркарѣ мирза-баши. У него появился новый честолюбивый замыселъ. При прощаньѣ онъ просилъ выхлопотать ему орденъ отъ русскаго Государя: „теперь, говоритъ, меня знаетъ нашъ эмиръ, хочу, чтобы и вашъ Государь меня зналъ".

Не забылъ я и джигита чиновника, далъ ему 40 штукъ теньги. А чиновникъ съ своей стороны одарилъ мою свиту: Ашуру далъ хорошій новый халатъ и попону для лошади, а Гафару и Кадыру преподнесъ по старому халату. Наступило всеобщее довольство. Проводилъ насъ Миркара за предѣлы города. Разстались „какъ братья".

Фиг. 34. Базаръ въ Шаршаузѣ.

Въ Гузарѣ чиновникъ подсчиталъ свою выручку. За время путешествія онъ набралъ дюжину халатовъ, нѣсколько кусковъ шелковой матеріи, около 2-хъ тысячъ теньги, да статнаго, молоденькаго, горнаго жеребчика.

Изъ Гузара въ Шаршаузъ дорога идетъ равниной, то гладкой, какъ скатерть, то слабо волнистой. Къ западу и къ юго-западу равнина разстилается насколько глазъ хватаетъ, сливаясь вдали съ горизонтомъ. На сѣверѣ она упирается въ невысокій, горный хребетъ, а на востокѣ граничитъ съ высокой, горной страной, среди которой вдали бѣлѣются снѣжныя вершины Хазретъ-и-Султана. Къ востоку равнина вдается въ горную область широкимъ заливомъ. Въ послѣднемъ расположенъ Шаршаузъ. Равнина покрыта лёссомъ. Тѣмъ не менѣе близъ Гузара она разработана мѣстами, а въ общемъ пустынна—изрѣдка лишь попадаются на пути двѣ-три юрты или маленькій кишла-

чекъ. Совершенно иной видъ представляетъ Шаршаузская долина, она густо населена и сплошь обработана.

Шаршаузъ послѣ Бухары одинъ изъ наиболѣе крупныхъ городовъ ханства. Въ прошломъ онъ сыгралъ большую роль въ судьбахъ средней Азіи. Въ немъ громадный базаръ съ безконечными рядами маленькихъ лавченокъ (фиг. 34, 35), то выходящихъ на открытыя, узенькія улицы, то ютящихся въ длинныхъ, крытыхъ дворахъ-переулкахъ, въ которыхъ обитаетъ полумракъ и прохлада. Среди торговцевъ много евреевъ, мирно уживающихся съ своими сосѣдями сартами.

Крѣпость въ Шаршаузѣ находится на равнинѣ, среди города. Внутри крѣпостныхъ стѣнъ высятся развалины „акъ-сарая"— величественнаго дворца Тимура (фиг. 36). Высокія стѣны руины облицованы цвѣтными изразцами. Онѣ очень красивы. Здѣсь, въ Шаршаузской крѣпости въ былое время лѣтами подолгу жилъ самъ эмиръ. Въ крѣпости прекрасный садъ съ вѣковыми деревьями.

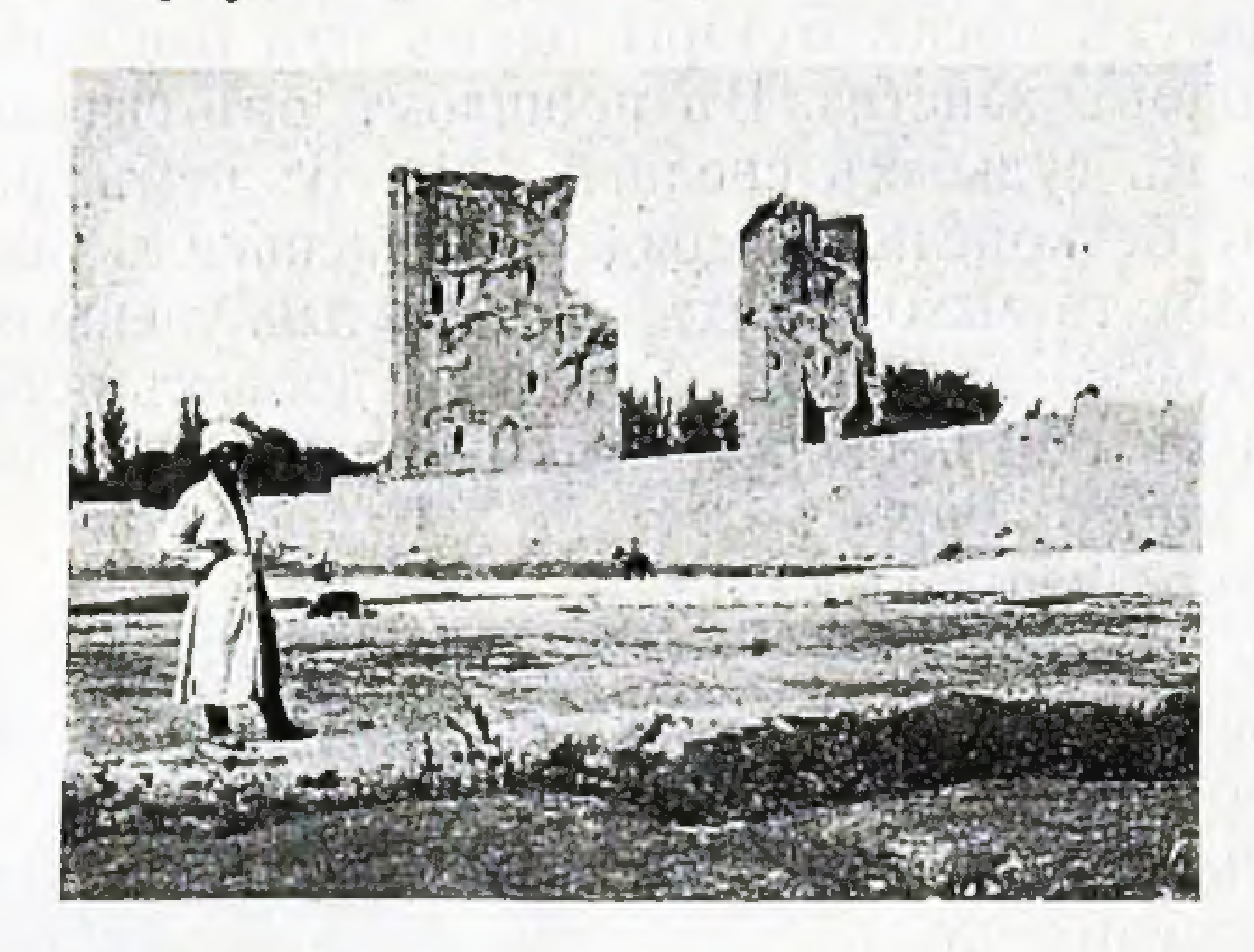

Фиг. 35. Базаръ въ Шаршаузѣ.

Домъ для гостей въ Шаршаузѣ расположенъ вдали отъ крѣпости. Помѣщеніе отличное. Широкій дворъ. Густая древесная листва даетъ прохладу. Крытые корридоры умѣряютъ яркость освѣщенія (фиг. 37).

Шаршаузскій бекъ, такъ высоко поднявшій нашъ престижъ въ началѣ путешествія, одинъ изъ немногихъ образованныхъ администраторовъ Бухары. По разсказамъ, онъ владѣетъ русскимъ и французскимъ языками. Мнѣ очень хотѣлось увидѣть его, но онъ былъ въ отсутствіи—находился при дворцѣ эмира. Шаршаузомъ управлялъ его временный замѣститель. Этотъ былъ иного склада. Два года

тому назадъ онъ состоялъ у эмира палачемъ, затѣмъ въ награду за вѣрную службу эмиръ назначилъ его въ войско

Фиг. 36. Крѣпостная стѣна въ Шаршаузѣ съ развалинами акъ-сарая.

полковникомъ, а теперь онъ уже замѣститель бека. Вѣроятно скоро будетъ настоящимъ бекомъ.

Фиг. 37. Домъ для гостей у Шаршаузскаго бека.

Ночь съ 21 на 22 сентября была послѣднею, проведенною мною въ Бухарѣ. Ночевать расположились въ нѣсколькихъ верстахъ отъ границы, на просторномъ дворѣ амлякдара, въ кишлакѣ Кайнаръ. У амлякдара были гости

изъ Шаршауза и по случаю рамазана ночью предстоялъ большой пиръ. Ашуръ и джигиты хотя рамазана не держали, но отъ пира не уклонились. Угощеніе продолжалось чуть не всю ночь.

Выѣхали утромъ рано. Амлякдаръ со своими людьми провожалъ насъ до границы. Здѣсь мы разстались. Прощайте амлякдары и беки, прощай сказочная страна!

На границѣ, при дорогѣ водруженъ бѣлый столбъ-памятникъ, увѣковѣчивающій знаменательное событіе. На немъ надпись золотыми буквами: „Въ память проѣзда Господина Военнаго Министра Генерала отъ Инфантеріи А. Н. Куропаткина черезъ границу Самаркандской области при осмотрѣ вновь устроенной почтовой дороги въ Термезъ. 19 октября 1901 г.“.

Увы! близъ станціи Манчжурія такого столба не поставятъ въ память проѣзда нашего генерала.

Вечеромъ 22 сентября я былъ въ Самаркандѣ.

